

Глава 4. «СЕЛЬСКАЯ ЭКОНОМИКА» МАЛЕНЬКОГО ГОРОДА

Российские географы еще в XIX веке отмечали, что одним из важнейших признаков, отличающих городское поселение от сельского, является преимущественно торгово-промышленный характер деятельности его обитателей. Эта особенность города была узаконена и в разделении сословий на городские и сельские. Однако теория – это одно, а наша российская практика – совсем другое. Составители «Статистических таблиц Российской Империи за 1856 год» вынуждены были признать: «На самом деле, не все городские поселения имеют у нас тот промышленно-торговый характер, который предполагается в этом наименовании. Большая часть существующих ныне в России городов возникли не столько по требованиям сосредоточившийся, в них самих, или вокруг их фабричной или торговой деятельности, сколько по потребностям администрации, и составляют поэтому более административные, нежели промышленно-торговые центры населения» [1].

Такое несоответствие многих «официальных городов» статусу «настоящего города» вызывало затруднение у многих ученых, пытавшихся определить, чем же в действительности российский город отличается от российской же деревни. Выдающийся русский географ В.С.Семенов-Тянь-Шанский считал, что признаками города являются определенная численность населения, «бойкость торгово-промышленной жизни» (годовой торгово-промышленный оборот на одного жителя) и «степень участия промышленности в торгово-промышленном обороте». И получалось, что, наряду с «истинными экономическими городами», в России полно городов, которые вроде бы и «не совсем города» [2].

По численности населения в начале XX века Усть-Сысольск еще дотягивал до ранга малого города (к каковому и был отнесен Семеновым-Тянь-Шанским), но по остальным показателям никак не мог считаться торгово-промышленным центром. Лежащий вдали от крупных рынков, шумных промышленных центров, в сердцевине огромного малолюдного лесного края, он имел мало шансов стать крупным фабричным центром. Разумеется, в Усть-Сысольске были и свои «заводы», и «именитое купечество», игравшее заметную роль в городской жизни. Однако большинство усть-сысольских мещан и крестьян зарабатывали себе на жизнь собственным хозяйством. О занятиях горожан и вообще о городской экономике есть смысл рассказать поподробнее. Все-таки именно обеспечение себя «хлебом насущным» составляло основу жизни всех слоев городского общества.

4.1. «Не отстают от занятий крестьянских»

Жители «погоста на устье Сысолы» издавна кормились земледелием и скотоводством, охотились, рыбачили. И преобразование Усть-Сысольска в город мало что изменило в их привычном хозяйстве. В составленных в 1815 и 1817 годах обзорах Усть-Сысольска отмечалось, что устьсысольцы «по учреждении города сделавшиеся обывателями оног... не отстают от занятий крестьянских в противность правилам для городских жителей установленным», «будучи до открытия города с селения Устьсысольского из черносошных казенного ведомства крестьян и поныне... по неимуществу своему занимаются единым хлебопашеством не имея других ремеслов и промыслов к пропитанию себя и своих семейств». «Большая часть жителей города занимается земледелием и живет при своих полях», – написал спустя

40 лет Ф.Ежов. К примеру, в 1840 году в городе числилось 3113 жителей, а по данным на 1841 год численность мещан, «занимающихся хлебопашеством», составляла 2233 человек (более 70% всего городского населения и фактически все мещане). И даже в конце XIX – начале XX веков, когда перечень занятий горожан стал более разнообразным, городские власти в докладах губернатору указывали: «Для обывателей Усть-Сысольска единственным занятием служат земледелие и сенокосение», являющиеся «основой их существования». Городская управа в 1894 году отмечала, что «обыватели весьма охотно обрабатывают арендуемую землю, хотя от этого особых прибылей и не получается, но все же нельзя сказать, что существование их не обеспечено» [3].

Очевидно, что для большинства мещан самым главным экономическим вопросом был вопрос о земле. В Усть-Сысольске не было общинного землевладения. Пашенные и сенокосные наделы находились в семейном пользовании. Устьсысольцы считали землю, расчищенную и распаханную трудом нескольких поколений своих предков, семейной собственностью – она передавалась по наследству, покупалась и продавалась. Но на самом-то деле юридическими собственниками земли они не являлись. Земли погоста Усть-Сысольск принадлежали казне, а после преобразования в город, согласно «Учреждению для управления губерний», территория, выделенная городу как административной единице, стала его собственностью.

За пользование землей устьсысольцы платили в городскую казну «оценочные сборы», составляющие немалую часть городских доходов. К примеру, в 1843 году доходы «с общественных земель, состоящих в городской даче, отдаваемых купцам и мещанам под хлебопашество и сенокосение», составили 1015 руб. 48 коп., что равнялось 44,7% всей доходной части городского бюджета (для сравнения – вторая по значимости статья дохода – «сборы с частных обывательских имуществ» – составляла всего 364 рубля). [4].

Между тем пашенные и сенокосные наделы занимали относительно небольшую территорию. Напомним, что в конце XVIII века из 14292 десятин 1366 сажень городской земли пашня занимала всего 782 десятины (5,5%), а сенокосы – 897 десятин (6,3%), зато «лес строевой и дровяной по суходолу» – 10179 десятин 711 сажень и «лес строевой и дровяной по болоту» – 1222 десятины 100 сажень (а вместе леса занимали 79,8% городской территории). Если вспомнить, что в 1795 году в Усть-Сысольске числилось 1753 жителя и принять средний размер семьи за пять человек, то получится, что в среднем на одну семью приходилось немногим больше двух десятин пашни и две с половиной десятины сенокосов, что примерно соответствует размерам наделов крестьянских семей. Конечно же, большими такие наделы назвать нельзя. Городские семьи страдали от малоземелья так же, как и сельские.

В 1853 году была проведена крайне неприятная для горожан-земледельцев реорганизация землепользования. Вологодское губернское правление предписало находящуюся в пользовании

устьсысольцев пашенную и сенокосную землю разделить на участки и сдавать им же с публичных торгов в оброчное содержание. Правда, желающие могли выкупить землю в собственность, но, конечно же, не на копейки. На практике это означало повышение платы за землю и перераспределение городского земельного фонда, причем, разумеется, не в пользу бедных семей.

«Городское общество обратилось в Министерство внутренних дел с прошением об отмене этого предписания, упирая на то, что горожане «издревле, то есть с самой селитьбы предков их в здешнее место... пользовались хлебопашенными и сенокосными землями спокойно и ни от кого неоспоримо доставшимися на часть их как своею собственностью». Однако министерство ответило отказом. В 1855 году состоялись первые торги, на которых было отдано в оброчное содержание на 12 лет 117 участков. Фактически горожане стали арендаторами собственной земли [5].

В итоге случилось то, что и можно было предположить. Число горожан-земледельцев стало сокращаться, поскольку малоимущие семьи не смогли платить за аренду пашенных и сенокосных участков и вынуждены были довольствоваться огородами. Причем удельный вес пашенной земли в общем земельном фонде даже уменьшается, но зато значительно расширяются сенокосы (от содержания скота горожане отказаться просто не могли). Земельные наделы мещанских и крестьянских семей, и ранее невеликие, сократились – в среднем на семью приходилось 0,8 десятин пашни и 2–3 десятины сенокосов. Понятно, что особой прибавки в городской бюджет реорганизация землепользования не принесла. Точнее, доходы с «земель занятых под хлебопашеством и сенокосом» постепенно возрастали, но пропорционально всей доходной части городского бюджета. В 50-80 годы XIX века их удельный вес составлял 40–47%, т.е. примерно соответствовал этому показателю в более раннее время. Доходы от сенокосов стабильно составляли примерно 60% от всей суммы доходов от сдачи земель в аренду.

Об изменениях, происходивших в землепользовании, можно судить по отчетам городской думы, представляемым в Вологодское губернское правление. К примеру, в 1861 году из «пространства земель, принадлежащих городскому обществу», составлявших 8539 десятин 275 сажень (вероятно, не учтены сданные в аренду «лесные дачи»), пашня занимала 581 десятину 640 сажень (около 7%), сенокосы – 3500 десятин 1891 сажень (примерно 40%). Арендовали землю около 400 мещан* и 15 купцов. В 1866 году арендовали землю 444 горожанина, но в основном очень небольшие участки (единицы уплачивали арендную плату более 10 рублей в год, а подавляю-

* По этим данным не представляется возможным точно определить число мещанских семей-арендаторов земли, поскольку арендовать землю могли и несколько членов одной семьи. Такое было вполне возможно, если учесть, что в то время число реальных семей превышало число «отчетных» (см. главу 2). По приблизительным подсчетам, арендаторами земли были около 80% мещанских семей.

Огороды за городской окраиной. Вдали – Богородицкая тюремная церковь

щее большинство платили 1–2 рубля). К концу XIX века состав принадлежащей городу земли почти не изменился. В 1890 году 8150 десятин 394 сажени составляли «лесные дачи» (как видим, с конца XVIII века лесные массивы существенно уменьшились) и 6384 десятины 640 сажений – выгонная земля, из которой 522 десятины 770 сажений находились «под скотскими выгонами», а 4082 десятины сдавались в аренду под пашню, сенокосы, заводы и мельницы.

В 1861 году в частном владении (без лесных участков) находились 870 десятин 1399 сажений земли, в том числе 108 десятин сенокосов – у дворян, 3 десятины 1040 сажений пашни и 345 десятин 1276 сажений сенокосов, а также 116 десятин 86 сажений неудобной земли и 17 десятин «неопределенного качества леса» – у купцов, 3 десятины пашни и 279 десятин 1387 сажений сенокосов – у мещан [6].

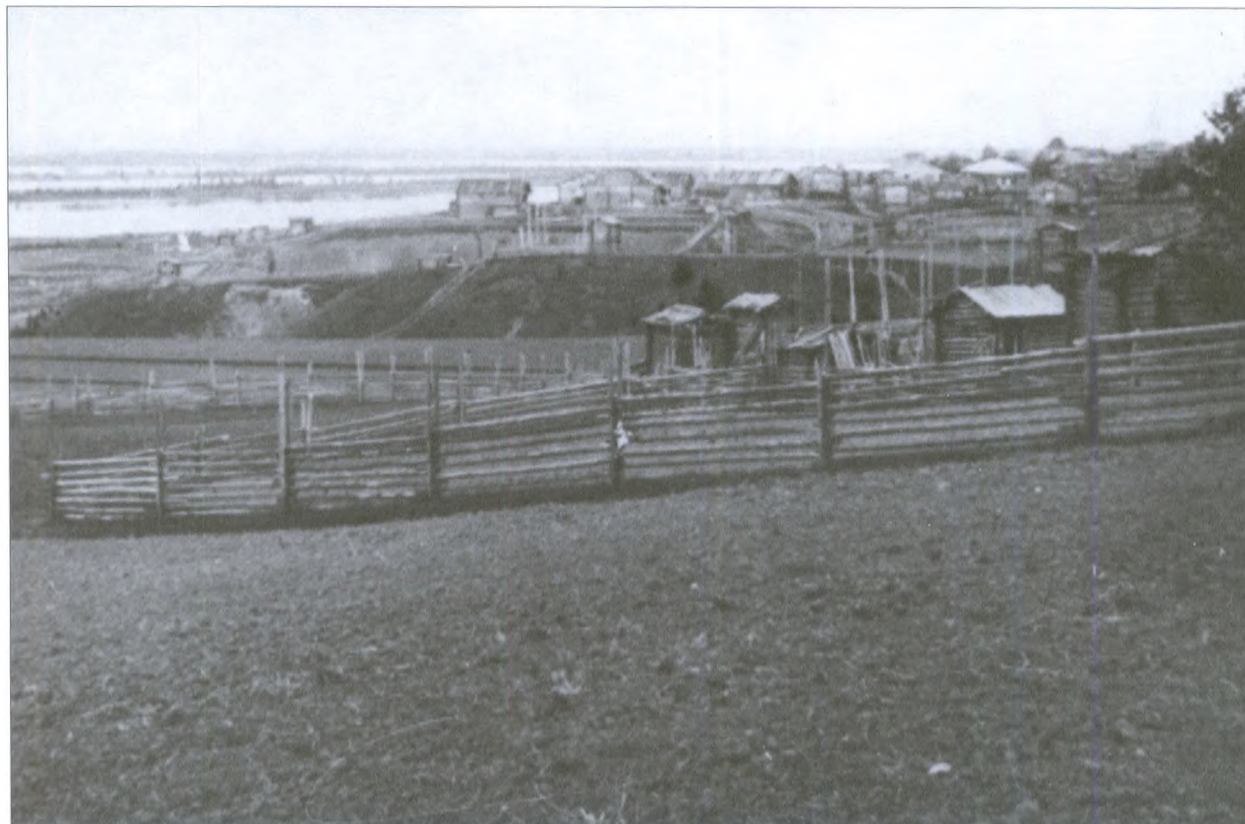
Как видим, некоторые горожане, в основном из дворян и купечества, выкупают землю в частное пользование, причем отдают предпочтение покупке сенокосных угодий. На долю дворян и купцов, составлявших немногим более 10% горожан, приходилось почти 70% всей частной земли. И в то же время частное землевладение в Усть-Сысольске было мало распространено. Частные земли составляли менее 10% всех пашенных и сенокосных угодий. Дворяне и купцы часть земель сами не обрабатывали, а сдавали в субаренду за часть урожая или оплату деньгами.

Очевидно, что крупных землевладельцев в Усть-Сысольске не было. Даже те, кто имел сред-

ства, не вкладывали их в землю – на севере на большие доходы от ее эксплуатации рассчитывать не приходилось. Однако в конце XIX века относительно крупные землевладельцы в Усть-Сысольске все же появляются. Так, в 1897 году в Усть-Сысольске числилось четыре владельца «крупных имений» – купец В.П.Оплеснин владел 737 десятинами, купец А.М.Забоев – 2025 десятинами, земской врач М.И.Тур – 900 десятинами и заведующий ремесленной школой Д.А.Синцов – 300 десятинами земли. В 1903 году к ним прибавились дворянин С.В.Попов, имевший 805 десятин, и наследники купца Кузьбожева, владевшие 822 десятинами в местечке Човью (правда, из числа крупных землевладельцев выбыл С.А.-Синцов, а владения В.П.Оплеснина и А.М.Забоева уменьшились соответственно до 587 и 1115 десятин). Но сельскохозяйственные угодья в этих владениях составляли мизерный процент. Это были «лесные дачи» (участки леса), причем расположенные не только на территории Усть-Сысольска, но и в соседних волостях. Владельцы сдавали их под вырубку лесопромышленникам [7].

Местный учитель-краевед М.Михайлов, опубликовавший в 1852 году большую статью «О земледелии и скотоводстве у Зырян Устьсысольского уезда», отметил:

«Землепашество и скотоводство сделались не только существенными промыслами горожан Зырянского края, но даже предпочтительно перед поселянами. Владея лучшими чем эти последние пашнями и лугом,

Тентюковская слободка

купцы и мещане возделывают свои земли тщательнее, и больше выгоды извлекают из сельского хозяйства... Из городских обывателей некоторые держат скот в большом количестве, но не столько для собственного потребления или же из видов промышленных, сколько для удобрения полей» [8].

Ничего нового в систему земледелия горожане не внесли. Как и сельские жители, они применяли трехполье: один клин отводили под яровые, другой – под озимые, третий оставляли под паром. В отличие от села в городе уже в конце XIX – начале XX веков исчезают пережиточные формы залежной и подсечной систем земледелия, связанные с разработкой новых земель. В пригородных районах были довольно высокая плотность населения и уровень освоенности территории. Значительная часть лесных угодий находилась в частной собственности купцов и дворян. В них, равно как и в казенных лесах, активно велись лесозаготовки. Селяне с помощью новин хоть как-то могли расширить свой надел и решить проблему малоземелья, горожане же этой возможности были лишены.

Озимая рожь и яровой ячмень были основным хлебом устьсысольцев (как правило, яровых хлебов высевалось вдвое больше озимых). Понемногу сеяли лен, овес, коноплю. Рожь высевали по неудобренному пару, а ячмень – по обильному навозному удобрению. Впрочем, удобрений, как видно из документов, большинству мещанских семей не хватало.

Свои поля горожане обрабатывали старыми, «дедовскими» методами. Вековечные сохи, бороны, косы-горбуши – вот и все основные орудия труда крестьян и горожан. Вообще в вопросах сельского хозяйства устьсысольцы были порядочными консерваторами, полагались на опыт предков. В конце XIX века Усть-Сысольское земство пыталось внедрить в быт жителей уезда новые орудия труда, приучить их использовать минеральные удобрения. В 1895 году в Усть-Сысольске был открыт земской склад (выставка-продажа) сельскохозяйственных орудий и семян. Сельскохозяйственных орудий выписали на 2160 руб. 38 коп., семян – на 503 руб. 50 коп. Но мещане к этому начинанию особого интереса не проявили: из орудий труда, например, были куплены всего 4 вятские косули по 4 руб. 10 коп. (усовершенствованный вид сохи), а семян продали на 52 руб. 36 коп. [9].

При нормальных погодных условиях урожайность озимых была сам 5–6, яровых – сам 4*. Это ниже, чем в других уездах Вологодской губернии, не говоря уже о более южных районах. Так что урожай, собираемый устьсысольцами, был невелик: сказывалось и малоземелье, и отсталые методы земледелия, и нехватка удобрений, и северные, не самые благоприятные, погодные условия. Земледелие в Усть-Сысольске не носило товарного характера, ибо у большинства мещанских

* Принятое в XIX веке измерение урожайности в «самах» показывало, сколько пудов урожая получено с пуда посевов.

семей даже в благоприятные годы излишков зерна не оставалось. В документах той поры отмечалось, что крестьянские занятия, являющиеся основой существования горожан... по суровости климата и первобытным способам обработки земель не вполне могут удовлетворить жизненные потребности» [10]. По приблизительным подсчетам, даже в 40-е годы XIX века, когда земледелием занимались почти все горожане, не менее трети потребляемого хлеба было привозным.

Практически все усть-сысольские семьи, как мещанские, так и купеческие с чиновничьими, имели огороды, хотя ни для кого огородничество не было основным занятием. Устьсысольцы были вынуждены сами обеспечивать себя овощами, поскольку городские лавки ими не торговали (впрочем, может быть и наоборот: потому и не торговали, что спроса не было).

Грядки занимали всю свободную усадебную землю, а у многих мещан еще были огороды «при полях». Обычно большую часть земли отводили под брюкву и репу (в первой половине XIX века это был «второй хлеб» горожан), обязательно выращивали капусту. Понемногу сажали морковь и горох. Чиновничьи огороды отличались от мещанских. Например, на приусадебном участке семьи преподавателя духовного училища П.Н.Виноградова, по воспоминаниям его дочери Е.П.-Успасской, кроме капусты и моркови, выращивали свеклу, горох, чеснок. Как и у большинства русских из чиновничьих семей, был парник под огурцы. На участке были кусты смородины и малины, цветочные клумбы.

Настоящая революция в огородничестве была совершена в 40-х годах XIX века. Правительство всерьез взялось за внедрение новой сельскохозяйственной культуры – картофеля*. В 1841 году Министерство государственных имуществ просто обязало крестьян 38 губерний, в том числе и Вологодской, высаживать картофель. А с 1842 года была установлена минимальная норма посевов для всех государственных крестьян. На горожан этот указ вроде бы не распространялся, однако городские власти также должны были ежегодно представлять отчеты о площадях, занятых новой культурой.

Надо отдать должное правительству – оно не ограничилось столь привычным «приказным» способом внедрения новшества. Была начата серьезная пропагандистская кампания, ставившая целью разъяснить достоинства картофеля и научить правильно выращивать сие «травянистое растение семейства пасленовых». Энтузиасты картофелеводства поощрялись грамотами и денежными премиями. Нашелся такой энтузиаст и в пригородной деревне Кочпон. Это крестьянин-самоучка Филипп Якимович Попов, личность интереснейшая (о нем мы еще не раз вспомним в связи с другими его деяниями на ниве науки и

* Попытки внедрения картофеля предпринимались и в XVIII в., но без успеха. Нет никаких сведений, что кто-то в Усть-Сысольске занимался картофелеводством.

просвещения). Он по собственной инициативе перевел на коми язык «Краткое наставление о посевах, уборке, хранении и употреблении картофеля», снабдив его своими примечаниями, и отправил управляющему палатой государственных имуществ Вологодской губернии Б.И.Нагелю. В 1844 году брошюра была издана и бесплатно разослана в волости с коми населением Вологодской, Архангельской, Пермской и Вятской губерний [11].

И картофель довольно быстро прижился на городских огородах (быстрее, чем в селе). И.Пушкарев в своем «Описании Вологодской губернии», изданном в 1846 году, отмечал, что во многих волостях, даже вблизи самого Усть-Сысольска, еще за несколько лет до сего это полезное растение вовсе не было известно поселянам... Ныне же... почти у всякого зырянина можно найти хоть небольшое количество посаженного картофеля». И то правда: в 1841 году в огородах устьсысольцев было высажено 85, в 1843 – 95, в 1844 – уже 110, а в 1861 году – 200 четвертей картофеля [12]. В конце XIX – начале XX веков уже большая часть огорода засаживалась картофелем, а некоторые горожане отводили под него и часть «полевого надела».

Земледельческие занятия были неразрывно связаны со скотоводством. Без лошади и двух-трех коров, державшихся, как верно подметил учитель М.Михайлов, не столько ради молока и мяса, сколько в качестве «естественной фабрики по производству удобрений», заниматься земледелием было довольно сложно. Дадим слово уездному агроному Н.Курбатову, хорошо знавшему положение в сельском хозяйстве (цитируется его доклад уездному земскому собранию в 1901 году):

«Случайная потеря скота от какого-нибудь несчастного случая в среднем крестьянском хозяйстве, в громадном большинстве случаев, равносильна его полному разорению. Нет в хозяйстве рабочей лошади – нет пашни. Да если бы крестьянин даже и вспахал как-нибудь (при помощи, например, найма) свою пашню и посеял на ней хлеб, то при отсутствии удобрения, навоза, здешняя земля родит хлеб настолько плохо, что пожалуй, не только не окупит затраченных на ней труда и капитала (наем лошади для пашни, бороньбы и уборки сжатого хлеба), а зачастую не возвратит даже и посевных семян» [13].

Конечно, ценность коровы была не только в том, что она «поставляла» удобрения. Скот (коров, овец, коз и свиней) держали и семьи, не занимавшиеся хлебопашеством, в частности все купцы и некоторые чиновники. При неразвитости городской торговли продуктами питания прожить без коровы и другой скотины было непросто. Хоть и были усть-сысольские буренки худосочны и малоудойны, а все же полностью обеспечивали потребности горожан в молоке и большей частью – в мясе. К примеру, в 1839 году в Усть-Сысольске было забито 360 быков и коров, 230 баранов и

560 телят общим весом 2845 пудов, а кроме того, зимой в город было завезено «из окрестных мест» до 640 пудов «мерзлой говядины, свинины и солонины». Позднее удельный вес привозного мяса увеличивается.

Численность скота, «находившегося в пользовании» горожан, впечатляла. В 1897 году, например, на 924 учтенных по переписи населения городских семьи приходилось 4085 голов скота: 700 лошадей, 1690 бычков и коров, 1620 овец, 40 свиней и 5 коз. Однако всего через семь лет, в 1904 году, городское скотское поголовье было уже значительно меньшим – 3576 голов, из них 561 лошадь, 2009 бычков и коров, 1002 овец и коз и всего 4 свиньи. А вот домашнюю птицу почти никто из горожан не держал (у кого вообще птицеводство не было развито). Лишь в семьях чиновников и духовенства, по преимуществу русских, держали кур, правда, в очень небольших количествах [14].

Горожане почти без изменений сохранили сельскую систему скотоводства. Из-за климатических условий стойловое содержание скота длилось 6–7 месяцев. В пастбищный период усть-сысольцы выгоняли скотину на вольный выпас, без пастухов, на городские выгонные земли (благо в аренду они не сдавались и были, так сказать, «местом общего пользования»). Из-за нехватки пастбищ скот часто пасся прямо на городских немощеных улицах. У горожан были постоянные трудности с кормами, что нередко приводило к падежу скота из-за бескормицы. Даже семьи, арендующие пожни, не могли полностью обеспечить скот своим сеном и были вынуждены закупать его на ярмарках и торжках, где оно было одним из самых ходовых товаров (многие ведь пожен вовсе не имели, а скот держали).

В Усть-Сысольске не было государственных сельскохозяйственных предприятий, крупных частных товарных хозяйств, сельскохозяйственных кооперативов (исключение составляли несколько небольших частных перерабатывающих предприятий – мельницы, кожевенные заводы – да опытная ферма, организованная земством). Сельское хозяйство велось исключительно силами семьи.

Для большинства мещанских и крестьянских семей сельскохозяйственные занятия составляли основу семейной экономики. Однако ни одна городская семья не могла прожить только земледелием и скотоводством. Сельскохозяйственные занятия по причине малопродуктивности не приносили прибыли и даже не могли полностью обеспечить семью продуктами питания. Горожане, не состоявшие на государственной службе и не получавшие жалования, были вынуждены искать другие источники пополнения «продуктовой корзины» и семейного бюджета – ведь нужно было покупать недостающие продукты, одежду, разные вещи промышленного производства, уплачивать налоги. Поэтому хозяйство подавляющего большинства мещанских и крестьянских семей было комплексным, включающим наряду с сельскохозяйственным и другие занятия.

В число исконных занятий горожан, как и сельских жителей, входили охотничий и рыболовный промыслы. Подчеркнем, что в данном случае речь идет о промысле как хозяйственном занятии мещанских и крестьянских семей. Ужение рыбы и ружейная охота были излюбленными занятиями многих городских служащих. Но для них это был способ проведения досуга, своеобразный спорт.

Из-за отсутствия документов невозможно определить, какое место занимали охотничий и рыболовный промыслы в хозяйстве горожан первой половины XIX века. Можно лишь предположить, основываясь на «сельском» прошлом города и значительном развитии добывающих промыслов в окружающих районах, что, по крайней мере в первой четверти XIX века, охота и рыболовство занимали существенное место в хозяйственном комплексе мещанских и крестьянских семей, а охота на боровую дичь и пушных зверей (прежде всего на белку) имела промысловый характер.

Во второй половине XIX века с ростом населения, развитием лесозаготовок, переходом значительных лесных массивов в частную собственность их значение стало падать. Это вообще характерно для южных земледельческих районов Коми края, где охота вытеснялась отхожими промыслами. Статистики отмечали, что в начале XX века именно в пригородных волостях был наибольший упадок промысловой охоты. Уже в 60–70-х годах XIX века, по воспоминаниям Бердникова, «охота и рыбная ловля горожан носили более любительский характер, чем промысловый». А учитель и писатель Ф.А.Арсеньев, сам заядлый охотник, в составленной им для Вологодского статистического комитета справке об охотничьем промысле в окрестностях Усть-Сысольска в 1861 году отметил, что добыча боровой дичи сокращается, а «красный зверь исчезает в здешней стороне: уменьшение его год от году замечательно велико», а охотники-промысловики уходят на промысел «к Уральским Увалам» (в том числе и из-за того, что им запрещают охотиться в частных «лесных дачах» [15]).

В отличие от охоты, рыболовство никогда не было товарным. Мещане и крестьяне ловили рыбу исключительно «для собственного потребления». Надо заметить, что торговцы завозили в Усть-Сысольск довольно много рыбы, но это были «дары моря» (в основном сельдь и треска) и печорская семга. Речной рыбой горожане снабжали себя сами.

Никаких ограничений на охоту в принадлежащих городу лесных массивах не было (в частных – другое дело). Горожане могли свободно ловить рыбу и на реках Сыsole и Вычегде. А вот «городские рыболовные места» на озерах и протоках, как и сельскохозяйственные угодья, стали сдаваться в аренду сроком на три года. Согласно условиям (условиям) городской думы «на содержание рыболовных мест на озерах и истоках, принадлежащих г.Усть-Сысольску», каждый желающий мог получить в аренду не более трех озер и истоков, с оплатой ее в «три срока», внося деньги ежегодно в начале года. Арендатор получал исключительное право лова и владел озером или

протокой «как собственностью». В то же время он обязан был использовать только разрешенные законом орудия лова и содержать «рыболовное место» в порядке, сохраняя его «от всякого засору илом или другими нечистотами», а в случае «допущения оногo» очистить его и по истечении срока аренды сдать городской думе «в таком виде, в каком принял».

Сдача в аренду производилась с «торгов с переторжкой». Однако по причине достаточно высокой арендной платы городской думе далеко не всегда удавалось сдать в аренду все «городские рыбные места». Так, в одних из первых торгов, состоявшихся в 1862 году, участвовали всего 3 купца и 3 мещанина, причем почти на десяток «рыболовных мест» так никто и не польстился [16].

Право собственности на период аренды давало возможность сдавать рыболовные места в субаренду, что большинство арендаторов и делало. Однако большинство горожан вовсе не желали платить деньги за пользование местами ловли. Они преспокойно ловили рыбу на «ничейных» реках и озерах, благо рыбинспекции в то время не было, а «отцы города», конечно же, не могли самолично контролировать неприкосновенность городской собственности.

4.2. Мастерские и работные люди

В начале XIX века Вологодскую губернию ре-визовал сенатор Хитрово в сопровождении Вологодского губернатора В.И.Воейкова. В 1815 году Воейков, к тому времени уже не губернатор, составил докладную записку о посещении им трех восточных уездов губернии, в которой между прочим отметил: «Я нашел вообще по трем сим городам и уездам Никольскому, Яренскому и Усть-сысольскому, что нет никаких мастерских, даже и необходимо нужных, как то: кузнецов, слесарей, столяров, тележных и колесных мастеров». Несколько раньше, в 1812 году, он же уже пытался принять действенные меры к исправлению данного недостатка, направив в городскую думу следующее предписание:

«При обозрении моем вверенной мне губернии, между прочим замечено мною, что город Усть-Сысольск не имеет никаких ремесленников, даже ни столяра, ни слесаря, только нужных в здешнем краю по большому занятию обитателей в стрельбни птиц и зверей. Потому, дабы доставить им сию выгоду и пользу для здешнего общества, градской думе предписываю: для обучения разным ремеслам какие кажутся быть наиболее нужные, избрать из среды здешних мещан 10 человек к обучению способных и прислать ко мне в Вологду с таковым предложением, что ежели они будут отправлены на три года, то должны быть не моложе 18 лет и Дума обязывается на содержание их платить по 36 рублей в год за каждого, но ежели сия плата для общества будет отя-

готительна и оное пожелает иметь сих ремесленников без платы за обучение, то в сим случае должны быть избраны не моложе 13 лет и находиться в обучении не менее 7 лет, что все и представляется на волю градского общества» [17].

Неужели в Усть-Сысольске в то время действительно никто не занимался ремеслом? Занимались, конечно. В каждой семье женщины ткали полотно, мужчины столярничали и плотничали. Наверняка были умельцы, занимавшиеся изготовлением деревянной и глиняной посуды, лодок, способные починить конскую упряжь и сшить сапоги. При неразвитости посадской торговли и промышленности без этого было просто не обойтись. Вероятно, существовал круг мастеров, продававших или обменивавших свои изделия. Губернатор, по-видимому, имел в виду отсутствие в Усть-Сысольске высококвалифицированных профессионалов, для которых ремесло было основным, а не дополнительным заработком.

Нам точно не известно, откликнулись ли городские власти на предложение губернатора направить городских юношей в Вологду для обучения ремеслам. Но уже в 20–30-е годы XIX века в Усть-Сысольске стал складываться слой профессиональных ремесленников. Тому было несколько причин. Во-первых, появился спрос на их изделия – в городе была достаточно большая, по сравнению с селом, группа неземледельческого населения (служащих, учителей, купцов). Во-вторых, постепенное обезземеливание мещан и городских крестьян заставляло их искать новые источники дохода, в том числе и в занятиях ремеслами. Городские власти отмечали, что «обыватели города... вынуждены все чаще заниматься разными заработками, поденщиной и ремеслами».

Ежегодные отчеты городской администрации, включающие обязательный раздел «о занятиях ремеслами», позволяют в общих чертах проследить, как росло число ремесленников, какие профессии были наиболее популярными. Правда, данные эти грешат приблизительностью. Достаточно точно можно было фиксировать только занимающихся «производствами», связанными с наличием специальных производственных помещений (кузнецов, красильщиков, кирпичников и некоторых других), для них эти занятия были основными, и они уплачивали в городскую казну «сборы с мастерских и ремесленников». Судя по тому, что по этой статье в городской бюджет поступало максимум 60 руб., а в иные годы и менее 10 руб., таковых было очень немного. Большинство же ремесленников мастерских не имели, трудились «при своих домах» и вообще были «совместителями», поскольку не отказывались от земледелия и скотоводства. Такие умельцы-«совместители», числившиеся земледельцами, никаких лицензий не получали и получать не собирались, и власти определяли численность этих «специалистов» «на глазок».

В 1839 году, по отчету городничего, в Усть-Сысольске наличествовали 3 кузнеца, 4 красиль-

щика (ремесленники, занимающиеся окраской домотканого полотна), 3 сапожника, 2 портных и по одному столяру и каменщику (имеется в виду печник, ибо каменного строительства в городе не велось). «Ведомость Городской думы о числе ремесленников в городе Усть-Сысольске» за 1855 год показывает, что к этому времени занятия ремеслами становятся массовыми. В городе числилось 52 ремесленника 12 профессий, в том числе 3 портных, 5 сапожников и 2 башмачника (непонятно, чем они отличались друг от друга), 4 столяра, 6 кузнецов, 4 печника, трубочист, 2 хлебника, 12 мясников (забойщиков скота), коновал, 2 лудильщика и 10 плотников. Самыми высокооплачиваемыми из них были кузнецы и столяры. Например, по «Ведомости о справочных ценах» на 1841 год, поденная плата кузнеца составляла 60 коп., столяра – 55 коп. «Кирпичеделец» зарабатывал 45 коп., молотобоец – 33 коп., плотник – 38 коп. в день. На такие деньги прокормить семью было трудно: пуд говядины в то время стоил 3 руб. 50 коп., куль ржаной муки в девять пудов – около 13 руб., так что большинство ремесленников просто не могли отказаться от исконных занятий землепашеством [18].

С ростом города и городского хозяйства увеличивается и спрос на труд ремесленников. В 1861 году, «по сведениям губернского статистического комитета», в Усть-Сысольске числилось 114 мастеров, в их числе 10 сапожников, 5 печников, 4 столяра, 7 кузнецов и 57 плотников. Появляются новые профессии, показывающие растущие запросы горожан (прежде всего «привилегированного слоя»): скорняки, «экипажный мастер», обойщики, «цирюльники» (парикмахеры), маляры, серебряных и золотых дел мастеров, переплетчики, «зонтичных дел мастер». Среди занимающихся ремеслами, наряду с мастерами, числилось 7 рабочих и 7 учеников, то есть в этой области деятельности начинает применяться наемный труд, правда, пока в очень незначительной степени.

Кстати говоря, составленная городской думой ведомость «о числе ремесленников в городе Усть-Сысольске за 1861 год» несколько отличается от сведений губернского статистического комитета. В ней перечислены 96 ремесленников и 5 учеников. Наибольшее расхождение как раз по численности плотников – согласно данным городской думы их было всего 14 [19]. Вот вам и пример, показывающий, насколько точно велся учет мастеровых людей! Ведь губернские статистики сами этих людей не считали, а пользовались подсчетами, проведенными местными властями, только, вероятно, не теми, что вошли в официальный отчет городской думы.

К концу XIX века социальное расслоение горожан усилилось, что отразилось и в многообразии их занятий. Число зарабатывающих себе на жизнь ремеслами постоянно росло, хотя по-прежнему они составляли небольшую группу горожан (примерно 5%, но это без учета численности их семей). Для примера приведем полные данные о числе ремесленников-мастеров за 1894 год.

Всего статистик городской управы учел 135 ремесленников, в том числе 16 мясников, 10 булочников, 1 кондитера, 1 колбасника, 6 портных, 18 сапожников, 3 модисток, 2 башмачников, 12 печников, 8 столяров, 2 шорников, 6 обойщиков, 15 кузнецов, 2 лудильщиков, 1 коновала, 2 часовщиков, 5 парикмахеров, 5 красильщиков, 4 маляров, 1 резчика, 2 серебряных и золотых дел мастеров, 10 переплетчиков, 2 слесарей и 1 позолотчика. Вроде бы не намного больше, чем тридцать лет назад. Однако существенно выросло число рабочих и учеников – их в 1894 году числилось соответственно 57 и 47 человек. Особенно много рабочих и учеников было у портных (14 и 6) и сапожников (16 и 10). С учетом рабочих и учеников число занимающихся ремеслами составило 239 человек [20].

В начале XX века численность «занятых в разных ремеслах» оставалась примерно на том же уровне – 200–250 человек. Однако постоянно расширялся набор ремесленных специальностей – в их числе появляются стекольщики, иконописцы (в Усть-Сысольске их было двое), фотографы и другие. Но наиболее массовыми остаются старые специальности – плотники, сапожники, кузнецы и печники. Занимающихся сапожным ремеслом, например, было около 50 человек (вместе с учениками). В это время много ремесленников было и в близлежащих селах. Несомненно близость города способствовала развитию ремесел – часть ремесленников ориентировалась в основном на городской рынок сбыта, хотя, конечно же, не забывала и о сельских потребителях. К примеру, относительно крупным ремесленным центром было село Вильгорт. Большим спросом и в городе, и в селах пользовалась изготовленная местными умельцами глиняная посуда – миски, печные горшки, сосуды для молока и воды. Этим промыслом занимались 12 семей – больше, чем где-либо в Усть-Сысольском уезде. Работали они зимой, «при своих избах», а летом некоторые гончары отправлялись на промысел в верхневычегодские села. Кроме того, 18 семей занимались скорняжным промыслом (большого количества скорняков нигде не было), более 30 человек шили обувь на заказ (они, в отличие от гончаров, отправлялись по деревням зимой), 28 – выполняли кузнечно-слесарные работы (двое имели сверла и делали ружья-кремневки), 4 – окрашивали домотканые ткани, более 40 – катали валенки (в других волостях было и больше). Были в Вильгорте и мастера-краснодеревщики, изготавливающие мебель, и иконописец. Еще 4 иконописца жили в деревне Кочпон.

В Вильгорте были мастера, занимавшиеся уникальным для нашего края промыслом – изготовлением фисгармоний* (был еще мастер в Визинге – Алексей Цыпанов). Причем занимались этим «в свободное от полевых работ время» бо-

* Фисгармония – язычковый пневматический клавишный музыкальный инструмент, имеющий фортепианную клавиатуру, от 6 до 20 регистров, включаемых выдвигными рычагами. Воздух нагнетался мехами, управляемыми ножными педалями.

лее десяти человек. Правда, как отмечалось в одном из обзоров кустарных промыслов Усть-Сысольского уезда, «особым изяществом фисгармонии не отличаются». Среди мастеров современники выделяли Якова Оплеснина, Александра Налимова и Михаила Ватаманова. Фисгармония, изготовленная двумя последними, была преподнесена в подарок великому князю Сергею Александровичу, посетившему Усть-Сысольск в 1898 году. Вильгортские мастера делали и гармошки. И не случайно именно из Вильгорта был родом знаменитый мастер по изготовлению русских народных инструментов Семен Иванович Налимов, прославившийся на всю Россию своими балалайками для знаменитого оркестра В.В.Андреева.

Большинство этих ремесленников, как городских, так и из пригородных сел, по-прежнему трудились «при своих домах». Лишь для немногих высококвалифицированных специалистов, чья продукция имела постоянный спрос, ремесло было основным занятием. В начале XX века таковыми, к примеру, были лучший в городе портной И.Г.Митюшев, шивший на заказ чиновничьи мундиры и костюмы, мастер-резчик по дереву Николай Сорвачев, занимавшийся изготовлением и позолотой иконостасов, вильгортские мастера-краснодеревщики Ефим Жижев и Александр Налимов, «работавшие» заказную мебель («венские» стулья, столы, этажерки) для семей из «благородного общества».

В 1895 году в Усть-Сысольске была открыта первая фотомастерская (первым начал фотографировать устьсысольцев ссыльный поляк Станислав Кракув еще в 60-е годы XIX века, но он был любителем). Ее владельцем был Платон Филитерович Кулаков, до этого 15 лет проработавший фельдшером в городской больнице. В 1897 году открылась фотомастерская А.П.Худяева. Но именно П.Ф.Кулаков снискал славу лучшего фотомастера, создавшего целую галерею фотопортретов горожан конца XIX – начала XX веков. После смерти П.Ф.Кулакова в 1914 году дело унаследовал его сын Николай Платонович*, создавший фотолетопись уже советского Усть-Сысольска-Сыктывкара [21].

Некоторые шаги для развития промыслов и ремесел предприняло земство (в докладах земской управы постоянно отмечалось, что кустарные промыслы в уезде были развиты плохо). Одно хорошее дело оно сумело сделать: наладило в городе обучение некоторым ремеслам (об этих учебных заведениях будет рассказано в очерке, посвященном образованию). Но попытка организации специальных мастерских оказалась безуспешной. Так, в 1883 году Усть-Сысольское уездное земское собрание постановило открыть в городе «мастерскую плетения из корней». Она просуществовала около двух лет и была закрыта

* Н.П.Кулаков работал в ранее принадлежавшем ему фотоателье на углу ул.Бабушкина и Ленина. В 1937 г. был репрессирован, освобожден досрочно по болезни в 1943 г. В 1946 г. с семьей уехал из Сыктывкара в Воронежскую область, где скончался в 1948 г.

«по той причине, что развитие этой отрасли кустарного промысла не приняло здесь желательных размеров и не привилось к населению как кустарный промысел». Впоследствии земство пыталось открыть мастерскую в Зеленце и Вильгортке, но и эти попытки также оказались безрезультатными [22].

Мещане и крестьяне, особенно те, кто победнее, искали и другие способы заработать необходимые им средства. Многие подрабатывали в «сфере обслуживания». Тентюковские крестьяне, например, занимались заготовкой и возкой дров. Росло число горожан, работавших в услужении в домах состоятельных жителей. Для некоторых из них профессия прислуги стала основной, они и жили «при домах господ». В 1863 году, например, «лиц, состоящих в прислуге», в городе насчитывалось 151 человек. По переписи 1897 года, в Усть-Сысольске было 127 хозяйств, имеющих наемных работников и прислугу, причем в 82 из них в услужении находился один, в 36 – два, в 8 – четыре-пять и в 1 – более пяти человек, то есть в прислуге состояли как минимум 200 горожан. И это только те, кто жил в семьях работодателей [23].

Неимущие горожане искали временную работу по найму на заводах и кустарных мастерских, на строительстве казенных зданий, храмов (например, на строительстве Стефановского собора подрабатывали подсобными рабочими по 40-50 горожан) и обывательских домов, матросами на пароходах и грузчиками на пристани. Получить такую работу рядом с домом было непросто – спрос был невелик. В поисках заработка многие уходили из города – искали место прислуги в крупных городах (кстати говоря, коми девушки, отличавшиеся трудолюбием и спокойным характером, ценились в качестве прислуги в Петербурге), зимой шли заготавливать дрова на уральские заводы.

В самом Усть-Сысольске заводы тоже имелись. В «Экономических примечаниях Генерального межевания по Усть-Сысольскому уезду» 1784 года в новорожденном городе отмечен один завод – кирпичный, производивший более 3 тыс. кирпичей в год. Скорее всего, он был временным – как раз в 1783 году было получено разрешение на строительство колокольни Троицкого собора, а в 1785 году заключен контракт на выполнение работ с бригадой каменщиков. Обеспечив стройку необходимым количеством материала, завод неизбежно должен был прекратить свое существование, поскольку следующий крупный объект (Спасская церковь, надстроенная вторым этажом над Покровской) стал строиться только через девять лет, а для печей такого количества кирпича не требовалось.

В 1825 году в Усть-Сысольске числился один завод (возможно, кирпичный). В 1839 году промышленных заведений было уже пять: три кожевенных (правда, работал только один и трудилось на нем трое рабочих) и два кирпичных. В 1843 году П.Савваитов сообщал: «в городе Устьсысольске только 4 завода: 2 кожевенных и 2 кир-

пичных. Из первых один без действия, а на другом занимается сам владелец с тремя вольнонаемными работниками, небольшая часть выделанных кож сбывается в самом Устьсысольске, а остатки в Устюге, всего на сумму 1310 рублей серебром в год». На кирпичных заводах, принадлежащих мещанам Цивилеву и Кочеву, в год выработывалось до 50 тыс. кирпичей на сумму около 240 рублей (по 4 руб. 72 коп. за тысячу). Помещались эти заводы в четырех сараях и работали на них сами хозяева, привлекая в летнее время до десяти временных рабочих-женщин [24].

Надо заметить, что Усть-Сысольск «в промышленном отношении» был вовсе не на последнем месте в губернии. Например, по данным статистического отдела Министерства внутренних дел, в 1842 году из 12 городов Вологодской губернии фабрики и заводы имелись в 6, в 1847 году – в 7, причем выделялись только Вологда и Великий Устюг, в каждом из которых было более 30 фабричных заведений (в остальных, как и в Усть-Сысольске, по 1–3). В составленном в 1850 году «Военно-статистическом обозрении Российской империи» было отмечено:

«Вологодская губерния принадлежит к числу тех, в которых деятельность фабричная и заводская стоит на весьма низкой ступени развития, и в этом отношении не заметно успехов, но напротив упадок некоторых статей становится с каждым годом ощутительнее ... В последней [Вологодской губ. – М.Р.] отдаленность от главных торговых путей государства, скудность и разброшенность народонаселения и, наконец, неверность цен на хлеб, что подвергает большому риску заводчиков и фабрикантов, составляют обстоятельства, делающие невозможным значительное развитие промышленной деятельности» [25].

Введенные в середине XIX века новые правила аренды земли коснулись и промышленных предприятий. В 1856 году городская дума заявила, что пять кузниц Василия Емельяновича, Андрея, Степана, Павла Улитиных и Василия Зотиева, кирпичные заводы уже известных нам мещан С.Кочева и Е.Цивилева, а также две мельницы мещанина Григория Фролова построены на городской выгонной земле без разрешения, и постановила сдать занимаемые ими участки с торгов в содержание на 24 года. Мещане, естественно, не согласились, поскольку считали землю своей. Но против власти совладать им было под силу – пришлось платить деньги в городскую казну за аренду земельных участков, находящихся под «промышленными заведениями». Впрочем, по причине их малочисленности особо большого притока средств в городскую казну не случилось. В 1859 году, например, «с мест, занимаемых кирпичными заводами», «под кузницами» и «с мельничных мест» в бюджет города поступило всего 20 руб. 2 коп. Правда, в более позднее время с

ростом численности «фабричных заведений» этот источник пополнения городской казны стал более существенным [26].

В пореформенное время число «фабричных заведений» понемногу росло, но промышленного бума по-прежнему не наблюдалось. В начале 60-х годов XIX века в Усть-Сысольске числилось два кожевенных, три кирпичных и мыловаренный заводы, производившие продукции на 1800 руб. в год. Тем не менее один из корреспондентов «Вологодских губернских новостей» написал, что «Устьсысольск считается более промышленным и торговым городом в северном крае». Удивляться такой оценке не стоит – Вологодская губерния по-прежнему по численности промышленных предприятий и стоимости произведенной ими продукции занимала одно из последних мест в России.

К концу XIX – началу XX веков число предприятий значительно возросло. В 1894 году в городе было зарегистрировано 6 кожевенных, 7 дегтекуренных и 4 кирпичных заводов. Крупнейший кожевенный завод Василия Филипповича Лыткина за год производил продукции на 900 руб., следующие за ним заводы Константина Петровича Титова и Михаила Степановича Жеребцова – всего на 700 и 450 рублей. И это были самые доходные усть-сысольские предприятия. Все дегтекуренные заводы, помещавшиеся в слободке Нижний конец, производили 245 пудов дегтя на 297, а кирпичные заводы Андрея, Ивана, Михаила Егоровичей Цивилевых и Василия Андреевича Цивилева – 107 тыс. кирпичей на 856 рублей в год. Общий доход городских предприятий составил около 4 тыс. рублей. В 1904 году в Усть-Сысольске было 7 кожевенных, 7 дегтекуренных и 3 кирпичных заводов, совокупный доход которых не превышал 6 тыс. рублей. Появился дегтекуренный завод, на котором выработывалось 1600 пудов дегтя на 640 рублей, да и общая выработка кирпичных заводов увеличилась до 210 тыс. кирпичей на 1740 рублей [27].

О «размахе» усть-сысольской промышленности говорит хотя бы такой факт: владельцы всех этих кирпичных, дегтекуренных и кожевенных заводчиков, за редким исключением, состояли в мещанском сословии. Доходы от «бурной» предпринимательской деятельности не давали им возможности заявить капитал, достаточный для записи даже в третьегильдейское купечество. А купцы, наживавшие капиталы на торговле, редко снисходили до столь мало доходного бизнеса.

После 1904 года в городе продолжали появляться новые предприятия, в том числе и купеческие. Купец М.Камбалов обзавелся мыловаренным заводиком, производившим продукции на 2 тыс. рублей в год, купец Суворов построил первую в городе паровую мельницу. Своими предприятиями обзавелось и земство. Земская маслобойка, например, выделяла до 4,5 тонн масла ежегодно. Земской кирпичный завод был самым большим предприятием старого Усть-Сысольска: в 1913 году на нем трудились 60 сезонных рабочих, выделявавших до 350 тыс. кирпи-

чей. В 1906 году в Усть-Сысольске была открыта первая в Коми крае типография. Ее владельцем был Зосима Дмитриевич Следников, наборщик устюжской типографии, рискнувший начать собственное дело в далеком Усть-Сысольске на паях со специалистом типографского дела Шешиним. Типографская машина была закуплена в Москве, в 1908 году предприниматели купили в Усть-Сысольске двухэтажный дом, и дело пошло. Вначале в типографии было всего двое рабочих, а вскоре там трудились уже десять человек [28].

Одним словом, прогресс налицо. Только от этого Усть-Сысольск промышленным городом не стал и городской пейзаж не был обезображен дымящими фабричными трубами. Эти фабрики и заводы на самом деле являлись обыкновенными полукустарными ремесленными мастерскими, а их владельцы и наемных работников правильнее относить все к той же категории ремесленников (исключение, пожалуй, составляет типография Следникова). Отличие от большинства других ремесленников, за исключением кузнецов, лишь в том, что эти производства помещались «отдельно от домов». Что, например, представлял из себя кирпичный завод? Несколько ям, где вручную добывалась глина, пара сараев, в которых рабочие ногами месили ее с песком и водой и формовали кирпичи при помощи формы из деревянных планок, да обжиговая печь – вот и все производство. Да и городские власти в 1910 году прямо отмечали: «Фабрично-заводская промышленность не распространена, если не считать 7 кожевенных, 6 кирпичных и 6 дегтекурных, которые относятся скорее к кустарному производству, чем фабричному».

Довольно подробное описание кожевенного завода начала XX века оставил А.М.Мартюшев, отметив, что городские заводы «имеют уже фабричный характер с производительностью от 1000 до 3000 кож в год». «Способ обработки, – пишет он, – везде одинаков. Сначала кожи замачиваются в воде, пока они не сделаются так мягки, как они бывают при снятии с животных. Затем кожи погружают в чаны, называемые зольниками, заполненные известковым молоком с примесью золы». В этом растворе кожи вымачивали от 10 до 20 дней, пока шерсть не будет свободно отделяться. После снятия шерсти кожи помещают в большие дубильные чаны (до ста кож в каждый), пересыпают дубильным порошком (толченой ивовою корой), заливают водой и выдерживают до трех месяцев, периодически меняя дубильный раствор. Затем их высушивали – и продукция готова. За выделку одной средней величины коровьей шкуры с заказчика брали 1 рубль [29].

В середине XIX – начале XX веков в крае начинают бурно развиваться лесозаготовки. Достаточно сказать, что объем заготовленной древесины с 60-х годов XIX века до начала XX века вырос в шесть раз. Лесные дачи в окрестностях Усть-Сысольска также попали под вырубку. В Усть-Сысольске обосновались представительства ряда иностранных и российских фирм, занимавшихся лесозаготовками в Коми крае. По-

немногу втягивались в это дело и местные купцы, однако им конкурировать с крупными фирмами было трудно. А для горожан появилась новая возможность заработка. В начале XX века на работах в лесу было занято до сотни городских крестьян и мещан, в основном из пригородных слободок. Кроме того, несколько десятков устьсысольцев по весне нанимались в сплавщики, доставляя караваны плотов в Архангельск. Зимняя рубка леса относилась к категории наиболее утомительных, физически тяжелых работ. К тому же и платили за нее немного. Так что от хорошей жизни на лесозаготовки не шли. На эту работу в поисках средств существования нанимались лишь самые бедные горожане.

Заработки по найму на лесозаготовках, строительстве, заводах имели качественные отличия от других занятий горожан. По существу, они вели к разрушению крестьянского хозяйства, складыванию нового слоя горожан, ориентированных на неземледельческие занятия, приобретающих новые профессии. Однако численность этих наемных рабочих была относительно невелика – даже в начале XX века она не превышала 300 человек (без нанятых в прислугу и «занятых в ремеслах»). Кроме того, за редким исключением, все они были сезонниками, имели свои дома, хозяйство. Так что группа промышленных рабочих в Усть-Сысольске так и не сложилась.

4.3. Дела торговые

Еще в XVIII веке Усть-Сысольск стал крупным торговым центром Коми края. Значение главного торгового центра уезда город сохранил и в XIX веке. В начале XIX века маленький город на Сыsole был важной перевалочной базой в хлеботорговле. По рекам сюда шло зерно и мука из хлеботорговых районов страны, а из Усть-Сысольска по Вычегде и Северной Двине хлеб отправлялся в Архангельск, один из главных в то время морских портов России. В этом очень доходном торговом предприятии участвовали как иногородние, так и устьсысольские купцы. Последние закупали хлеб не только в Вятской, Пермской, Казанской, Нижегородской и других губерниях, но и в родном Усть-Сысольском уезде*. Пик хлебной торговли приходится на 1819 год, когда из Усть-Сысольска было отправлено почти 560 тыс. пудов «хлебных грузов». В этот год через Усть-Сысольск в Архангельск поступило товаров на 700 тыс. рублей (более трети всего архангельского грузооборота), и львиную долю этой немалой суммы дали хлебопродукты. Но уже в 20-е годы XIX века хлеботорговля с Архангельском существенно сокращается до 130–290 тыс. пудов за год: первый российский морской порт постепенно теряет свое торговое значение. В 30-е годы XIX века через Усть-Сысольск уже идет менее 100 тыс., а в иные годы – менее 50 тыс. пудов хлебопродуктов.

* Этот факт вовсе не свидетельствует о переизбытке хлеба у коми крестьян – просто они были вынуждены продавать часть хлеба для того, чтобы получить деньги для уплаты налогов и покупки промышленных товаров.

Через Усть-Сысольск транзитом в Архангельск поставлялись и металлоизделия (железо полосовое, листовое, брусковое и других видов, ядра, корабельный балласт, якоря и другие изделия из чугуна). Тут первенствующую роль играли вятские, архангельские, слободские и другие иногородние купцы. Но и местные участвовали в торговле металлом, хотя и в значительно более скромных масштабах. Объемы этих продаж в значительной степени зависели от производственных возможностей заводов и в 20–30-е годы XIX века колебались от 8,6 тыс. пудов в 1835 году до 101,1 тыс. пудов в 1826 году. Основной поток металлоизделий шел с Кажимских железоделательных заводов на верхней Сысоле, но какая-то часть их поставлялась и с уральских заводов.

Для местных купцов в числе основных «предметов торговли» стояли продукты охоты – «пушной товар» (шкурки белки, лисицы, куницы) и мороженая дичь (в основном рябчики). Значительная часть закупленной в уезде пушнина также шла в Архангельск. В 1826 году усть-сысольский купец Павел Колегов послал «к Архангельскому порту на вольную продажу» 25 тыс. шкурок белки на сумму 5,5 тыс. рублей, а в 1828 году другой городской предприниматель Василий Торокановский вкупе с сольвычегодскими купцами Пьянковым и Мамаевым отправили в Архангельск 33 тыс. белчиных шкурок на 6750 рублей. Однако пушнина шла не только в Архангельск, но и на крупнейшие российские ярмарки – Ирбитскую и Нижегородскую (она в 1816 году заменила Макарьевскую), а также в Великий Устюг. А мороженая дичь, закупленная в уезде, поздней осенью возами отправлялась в Петербург и Москву.

А вот в торговле такими характерными для Коми края продуктами, как соль и рыба, городские купцы почти не участвовали. Соль Сероговского завода поставлялась в Вологду по Выми и Вычегде, минуя Усть-Сысольск. Речная рыба спросом не пользовалась, а печорскую семгу и белорыбицу в больших количествах в столицы и другие крупные города вывозили чердынские купцы и торговцы-ижемцы [30].

В отчете за 1836 год усть-сысольский городничий Иван Шульц так охарактеризовал городскую торговлю (этот же текст дословно повторяется и в других отчетах близлежащих лет, только числа меняются):

«Главный предмет занятия здешнего купечества есть торговля хлебом, салом, маслом, пшеницей, рябчиками, белкою, пушным товаром и продуктами.»

«Съестной же припас покупают с октября по март месяц из здешнего города и уезда, равно и из соседних городов Вятки, Слободского, Чердыни, Орлова и прочих, который отправляют весной по вскрытии рек с пристаней через г. Усть-Сысольск, кроме Ношульской [пристаней], судами в г. Архангельск, а пушной товар на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, в город Устюг и другие города, рябчики же зимою сухим путем – в Петербург.»*

* Городничий ошибочно упоминает Макарьевскую ярмарку – в 1816 г. она была переведена в Нижний Новгород.

Портной И.Г. Митюшев с семьей

«В истекшем году сплавлено хлеба до 931 куля ржи 45 четвертей на 5-ти судах, пушного товара на 2025 руб. и увезено сухим путем рябчиков на 30000 рублей. Купцов обороты, как говорят, простирались до 80845 рублей» [31].»

В первой половине 40-х годов XIX века объем транзитной торговли хлебом с Архангельском опять несколько возрос, но ненадолго. Местный купец и путешественник В.Н. Латкин в дневнике начала 40-х годов отмечал: «Прежде через Усть-Сысольск производилась значительная торговля к архангельскому порту... Теперь здешние купцы ведут небольшой торг в Архангельске хлебом, белкой и другими пушными товарами в Нижний Новгород и Ирбит и рябчиками в Санкт-Петербург». А в обзоре городской торговли конца 40-х годов XIX века отмечалось: «Отпуск товаров из Усть-Сысольска водным путем бывает не каждый год и вообще незначителен, в последние пять лет погрузки судов при Устьсысольской пристани вовсе не производилось. Сухим путем отправляется в Петербург, Москву, Вологду, Архангельск и на Нижегородскую ярмарку разных товаров, преимущественно же дичи и белчиных шкурок на сумму до 200000 руб. сер., получают же товары для потребления местных жителей из городов Нижнего Новгорода, Архангельска, Устюга и Вятки на сумму до 100000 руб. сер.»

Тем не менее, как отмечали в 1849 году «Вологодские губернские ведомости», Усть-Сысольский уезд по-прежнему занимал одно из ведущих мест в торговле с Архангельском. Из всех уездов Воло-

годской губернии в этот северный порт было отправлено товаров на 2,2 млн. рублей, из них – на 1,7 млн. рублей из Усть-Сысольского уезда. Однако значительная часть товаров шла по Лузе через Ношульскую пристань, а непосредственно через Усть-Сысольск проходила небольшая их часть – всего на 153,7 тыс. рублей. Наиболее крупные поставки хлеба осуществляли купцы М.Новоселов – на 14,1 тыс., О.Латкин – на 2,1 тыс. и купеческая вдова Торокановская – на 4,6 тыс. рублей [32].

Во второй половине XIX века Усть-Сысольск постепенно теряет роль перевалочного пункта в транзитной торговле. По-прежнему шла хлебная торговля с Архангельском, но размах ее был невелик. В иные годы отпуска товаров водным путем из Усть-Сысольска вообще не было. Окончательно «добило» транзитную торговлю хлебопродуктами железнодорожное строительство, обошедшее стороной Коми край. В 1873 году была открыта первая на российском Европейском Севере Ярославско-Вологодская железная дорога, в 1898 – железная дорога Вологда-Архангельск, а в 1899 году началось регулярное движение на линии Пермь-Вятка-Котлас. В итоге основной поток транзитных грузов из Поволжья и Камско-Вятского края пошел в обход Усть-Сысольска.

Сократилась и транзитная торговля металлоизделиями. Но тут причина в другом – из-за устаревшей техники и допотопных технологий сысольские металлургические заводы были вынуждены сократить производство, а в 1865–1872 годах вообще не работали. Но некоторые виды заводской продукции закупались городскими торговцами. К примеру, пользовалось спросом чугунное литье Нювчимского завода (решетки, утюги, сковороды, котлы, подсвечники и другие необходимые в хозяйстве вещи).

Однако торговые связи с Архангельском не ослабевали. Местные купцы поставляли туда хлеб, закупленный у коми крестьян, причем в иные годы в немалых количествах. С развитием лесозаготовок в северный порт пошел поток заготовленного в Коми крае леса, которым торговали как иногородние фирмы, так и местные купцы. Из Архангельска стали привозить в больших количествах морскую соленую и сушеную рыбу (палтус, сельдь, треску, пикшу), пользовавшуюся в городе большим спросом.

В Москву и Петербург сухопутным путем, как и раньше, шли мороженая дичь, меха на десятки тысяч рублей. «Пушной товар» из Коми края поставлялся на крупнейшие Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки. Заметно усилились связи местных купцов с соседними Великим Устюгом, Вяткой, Вологодой и другими городами Вологодской губернии. Оттуда поставлялись самые разнообразные товары, в основном промышленные – ткани, металлические изделия, посуда. Из продовольственных поступали мелкооптовые партии бакалейных и «колониальных товаров» (чай, пряности) и фруктов. Но основу продовольственных поставок частных предпринимателей по-прежнему составляли хлебопродукты – торговлей ими занимались почти все городские предприниматели.

Развитию местной торговли и торговых связей с другими городами способствовало появление нового вида транспорта – пароходного. В 1858 году открылось регулярное пароходное сообщение между Архангельском и Великим Устюгом. А в 80-е годы XIX века пароходы, курсировавшие по Северной Двине, стали заходить и в Вычегду. Первым, наверное, стал совершать такие рейсы пароход, принадлежавший усть-сысольскому купцу А.М.Забоеву. Но основной объем перевозок приходился на три парохода компании крупного архангельского купца, владельца Сереговского солеваренного завода Афанасия Васильевича Булычева. В конце XIX – начале XX веков по Вычегде до Усть-Сысольска ходили около десятка пароходов, принадлежавших как местным, так и иногородним судовладельцам (они осуществляли как грузовые, так и пассажирские перевозки). Но в начале XX века ведущее место в пароходных перевозках заняла крупная компания «Котлас-Архангельск-Мурман», с 1899 года установившая регулярное сообщение на линии Устюг Великий-Котлас-Усть-Сысольск (один из пароходов компании, кстати говоря, носил имя «столицы зырянского края») [33].

Самым главным событием в торговой жизни Усть-Сысольска, конечно же, была ярмарка. В Усть-Сысольске издавна, еще с конца XVII века проходила Георгиевская ярмарка (конец ноября – начало декабря). В XVIII веке к ней добавилась Васильевская (проходила с 1 по 10 января). Однако она ни в какое сравнение с Георгиевской не шла – ее обороты в лучшие годы едва превышали 2 тыс., а обычно составляли 400-600 рублей. Бывало, что Васильевская ярмарка вообще не проводилась из-за отсутствия торговцев. Иногородние купцы на нее вообще не приезжали. В 1858 году Васильевская ярмарка была официально закрыта «по случаю несъезда на оную торговцев». В 1847 году была учреждена еще одна ярмарка – Благовещенская (25 марта – 5 апреля). Оборот ее был сопоставим с Васильевской. К примеру, в 1848 году на Васильевскую ярмарку было завезено товаров на 2600, продано – на 1150 рублей, на Благовещенскую – соответственно на 2090 и 1570 рублей. При таком обороте Благовещенская ярмарка вскоре разделила судьбу Васильевской – в 60-е годы XIX века она уже не проводилась.

Согласно «Экономическим примечаниям Генерального межевания по Устьсысольскому уезду» 1784 года Георгиевская ярмарка проходила с 26 ноября по 1 декабря. Составители «Экономических примечаний» достаточно подробно перечисляют участников ярмарки и ассортимент товаров, позволяющий судить о ее значении для городской торговли:

«На Георгиевскую ярмарку приезжают купцы из Устюга, Яренска, Сольвычегодска, Лальска и торгуют мануфактурными товарами, чаем, сахаром и другими, а больше у здешних купцов и крестьян стараются покупать мягкую рухлядь, медвежьи и волчьи кожи, разных родов лисиц, бобров, росомах, выдр, соболей, куниц, норок, горностаев, белок и прочих случающихся в торгу зверей и

Георгиевская ярмарка. Начало XX века

привозную с реки Печоры соленую бочками семгу, сига, щуку и язей и кедровые орехи и все оное покупают по сходственной же неравной же цене, а частью меняют на потребные для города товары. Крестьяне из уезда привозят к торгу разные свои избытки и промыслы: вышеизъявленных зверей, диких гусей, уток, лебедей, журавлей, тетеревов, рябков, свежую рыбу, говяжье мясо, хлеб, рожь, ячмень, овес и конопля и льняное семя, хмель, масло, сало коровье, кожи сыромятные и барани деланные, кои скупают того города жители для своего расхода» [34].

Однако в начале XIX века иногородние купцы почему-то перестали приезжать на Георгиевскую ярмарку и она на какое-то время стала местным торжком. Однако прошло несколько лет – и Георгиевская ярмарка вновь заработала, правда, торговые ее обороты были невелики. В 1816 году на ярмарке было куплено и продано товаров всего на 5 тыс. рублей, и такие обороты держались до начала 30-х годов XIX века. Но затем обороты ярмарки стали быстро расти. В 1836 году на Георгиевскую ярмарку было привезено товаров на 49,7, в 1839 году, как уже упоминалось, – на 61,3 тыс. рублей ассигнациями. В 50-е годы XIX века товарооборот продолжает расти, причем значительно. В 1850 году он достигает 27,8 тыс., а в 1858 году – 47,8 тыс. рублей серебром*. В 1858 году срок Георгиевской ярмарки был увеличен на 10 дней – она стала проходить с 16 ноября до 2 декабря.

* Один рубль серебром равнялся трем рублям ассигнациями.

У Георгиевской ярмарки случались неудачные годы, когда товарооборот снижался (например, «неурожайные» на пушного зверя), но в целом вплоть до начала XX века наблюдалась устойчивая тенденция роста ярмарочных оборотов. К примеру, в 1865 году товарооборот Георгиевской ярмарки составил 32,7 тыс., в 1874 – 35 тыс., 1892 – 122 тыс., в 1897 – 105 тыс. рублей. В иные годы первого десятилетия XX века оборот Георгиевской ярмарки переваливал за 150 тыс. руб. (как, например, в 1910 году), но в целом ярмарочные обороты снижаются. Впрочем, подобное происходит по всей России – ярмарочная торговля теряет свое значение, уступая первенство «магазинной».

В это время сокращаются и сроки проведения Георгиевской ярмарки, однако это никак не связано с товарооборотом. Установленные законами 1827 и 1865 годов торговые правила разрешали на всех ярмарках беспроцентную торговлю. В 1883 году вышел новый закон о торговых пошлинах, согласно которому все ярмарки, в зависимости от продолжительности торга, были разделены на пять разрядов. Чем выше разряд – тем больше стоимость билета на право торговли (только ярмарки пятого разряда были беспроцентными). Чтобы не потерять мелких торговцев, в 1889 году сроки Георгиевской ярмарки были сокращены на четыре дня (она стала начинаться 24 ноября и продолжалась 12 дней), и тем самым она была переведена из третьего в четвертый разряд.

Георгиевская ярмарка по своим товарооборотам являлась крупнейшей в Усть-Сысольском

уезде, но в Коми крае уступала, хотя и незначительно, Крещенской Важгортской и Усть-Вымской Герасимовской (обе – в Яренском уезде). Усть-сысольские купцы торговали и на этих и на других ярмарках Вологодской и Архангельской губерний. Надо иметь в виду, что самые крупные ярмарки Коми края даже на европейском Севере не считались большими. К примеру, товарооборот крупнейшей в Архангельской губернии Маргаритинской ярмарки в Архангельске в 70–90-е годы XIX века превышал 1,1 млн., а самой большой в Вологодской губернии Крещенской в Вологде – 350 тыс. руб. [35].

Среди продавцов и покупателей на Георгиевской ярмарке всегда преобладали местные купцы и крестьяне (среди последних было немало торгующих по свидетельствам), съезжавшиеся в Усть-Сысольск со всего Коми края. Но с середины XIX века все более заметную роль в ярмарочной торговле стали играть иногородние купцы. В конце XIX века ежегодно на ярмарке иногородними выкупалось до 20 билетов на право торговли. Некоторые из них приезжали только с целью закупки оптовых партий пушнины и дичи для последующей перепродажи. Другие привозили большие партии промышленных товаров. Больше всего приезжало купцов и торгующих крестьян из соседних городов и уездов, издавна связанных с Усть-Сысольском торговыми отношениями, – Великого Устюга, Сольвычегодска, Лальска, Чердыни, Вятки, Яренска. Среди них были старожилы, такие, как лальский купец Сумкин, впервые привезший товар на Георгиевскую ярмарку еще в 1857 году (позднее в Усть-Сысольске торговали его наследники), устюжские купеческие семьи Добряковых и Охлопковых, сольвычегодец Инкин. Они по 20–30 лет приезжали в Усть-Сысольск, имели здесь постоянную клиентуру, некоторые прочно «проросли» в городской торговле, открыв в Усть-Сысольске свои магазины.

Что можно было купить на ярмарке? Да все, что угодно! Основные «предметы торга» оставались неизменными. В больших количествах скупались и продавались «пушные товары», хлеб, дичь, кожи, крестьяне с возов торговали сеном. На рыночную площадь приводили на продажу лошадей, коров, овец. Иногородние купцы привозили бакалейные товары, но они особым спросом не пользовались – то же самое можно было купить и в городских лавках, разве что ассортимент был победнее. Зато хорошо раскупались ткани, галантерея, посуда, выбор которых, по причине небольшого спроса, в городских лавках был невелик. К примеру, фарфоровую и фаянсовую посуду можно было купить только на ярмарке.

Георгиевская ярмарка (как, впрочем, и Васильевская) издавна проходила на Соборной площади. Однако в обычные дни догадаться об этом было довольно сложно. Никаких торговых рядов или гостиного двора на площади не было. При соборе имелось несколько «торговых ларьков» да на первом этаже колокольни находились помещения для лавок – вот и все торговое обору-

дование. Торговцы продавали свой товар «с возов». В 30-е годы XIX века площадь «переехала» на пустырь около реки в начале Трехсвятительской улицы и постепенно начала обустраиваться – появились стационарные торговые ряды (разделенные на секции прилавки под навесами) и палатки.

Некоторые приезжие купцы арендовали торговые площади в городских лавках (благо их в районе рыночной площади хватало) или снимали помещения в мещанских домах. Так, в 1894 году 13 приезжих торговцев арендовали у местных жителей лавки и балаганы для торговли (отличился местный торговец Василий Оплеснин – у него «квартировали» сразу четверо приезжих). Но большинство торговцев, продававших такие расхожие товары, как мука и другие съестные припасы, сено, пушнина, по-прежнему вели торговлю «с возов» – прилавки им просто не были нужны. А часть площади, ближе к реке, отводилась под торговлю скотом – там обычно устраивались временные конювязи [36].

Для многих горожан ярмарка была способом подзаработать. Самые бедные нанимались разгружать и охранять возы с товаром. Жители ближайших к ярмарочной площади улиц сдавали приезжим под квартиры часть своих домов – ведь в городе гостиниц и постоянных дворов отродясь не водилось. Некоторые сдавали только амбары для хранения товаров. На ярмарке процветала и торговля «с лотков» – предприимчивые хозяйки предлагали пироги, шаньги и другую выпечку, не брезговали и продажей «самодельного вина» (самогона). Вообще-то на «лотошную торговлю» надо было получать разрешение, а винокурение и вовсе было под запретом, но где же «стражам порядка» уследить за всеми «самодельными» торговцами в ярмарочной суете!

Георгиевская ярмарка была праздником для всех горожан, во время которого провинциальный городок встряхивался и оживал. По улицам пронеслись лихие тройки с молодыми парнями и девками, слышались смех и песни под гармошку. Многие приходили просто поглазеть, потолкаться в толпе, поговорить, а то и выпить со знакомыми. Ведь на ярмарке работал трактир, в Народном доме была открыта чайная. Тянулись в город и крестьяне из окрестных деревень. Яркое описание Георгиевской ярмарки, относящееся к концу XIX века, оставил К.Ф.Жаков:

«Был ноябрь месяц. Солнце рано вышло в этот день. Я надел вятский полушубок, опоясался красноборским кушаком. На ногах были валенки, на голове баранья шапка. В руки взял звонкую гармонику, молодец-молодцом зашагал я к городу. Там была великая ярмарка. Со мною рядом отважно шагал брат Василий. Он под мышкой и в руке держал три новых гармоники – нес их для продажи на ярмарку. Длинной вереницей тянулся разодетый народ от Вильгорта к Устьсысольску, старые и малые, и добрые молодцы, и девы с румяными щеками, кто в роз-

вальнях, кто пешком, кто на палку упирался, кто подпрыгивал: «Сегодня ярмарка в Устьсысольске! Вот народу там будет!»

Пришли мы на базар, на берег Сысолы, между длинным рядом деревянных лавок на берегу. Еще издали шум слышался нам. Как будто шмели жужжали, как будто ветер шумел в лесу или гудели волны в бурной Вычегде в летнее время – то народный гул раздавался. Ярмарка открылась нашему взору. Огромный людской муравейник кишел на площади, начиная от дома купца Комлина вплотную до отдаленного собора... Кого-кого только не было тут! Устьнемские мужики приехали и навезли чашек и ложек деревянных и разостлали на земле, пажгинские крестьяне привезли возы хлеба. Со всех сторон северной страны охотники натащили белчих мехов, куропаток, тетерев; заводские люди торговали железом, вятские мужики навезли дуг разноцветных, устюжские – зеленые сани, вильгортцы снабдили ярмарку граблями, колесами телег, изделиями кузнецов; купцы навезли сукна и чего-чего только, Бог весть.

Какие-то бойкие бабы торговали пряниками, орехами кедровыми, высушенным изюмом, сбитнем, гороховым киселем. Верхнесысольские и вычегодские нагнали табуны жеребцов, кобыл и расположились на окраине торговой площади. Со всех сторон раздавались шутки-прибаутки, восклицания, вопросы, споры, брань...

И чего-чего там не говорилось?! Все остроумие, жажда наживы, вся сметливость – все на улицу вынесено. На, гляди!» [37].

Однако ярмарка со всем ее торговым размахом и весельем заканчивалась и наступали серые будни. Где же горожане покупали необходимые им продовольственные и промышленные товары в обычные дни? В воскресенье хозяйки шли на базар, располагавшийся все на той же рыночной площади. Там продавали товар не только городские торговцы, имевшие постоянные места, но и крестьяне из окрестных сел, привозившие на продажу снедь, деревянную и глиняную посуду, ткани домашнего производства, валенки и самодельную кожаную обувь. Особым размахом воскресный торжок не отличался: обычно товарооборот его не превышал 20 рублей серебром.

А в будние дни все необходимое можно было купить в городских лавках. В 1784 году в Усть-Сысольске, согласно «Экономическим примечаниям», наличествовало «лавок торговых одиннадцать, из коих две под теплою церковью». В этих частных «мини-универмагах» можно было приобрести сукно и разные ткани, пуговицы, платки, «чулки нитяные и шерстяные», «башмаки женские и мужские сапоги», оловянную, медную, глиняную и деревянную посуду, сахар, «китайский чай и прочие разные мелкие для купечества, мещанства и уездных жителей товары также и съестные продукты», причем в том числе «привозные немецкие и московских фабрик».

Однако в этом перечне отсутствуют некоторые весьма популярные товары, к примеру соль и «ликеро-водочные изделия». Монополией на их продажу обладало государство, которое имело в Усть-Сысольске «два деревянные хлебные и один соляной магазины для хранения государственной казны и вина и два земляных подвала и один казенный питейный дом». Эти «магазины» были прежде всего складами, с которых товар отпускался откупщикам, занимавшимся розничной торговлей.

Но в 20–30-е годы XIX века число городских лавок практически не растет. Скорее всего, это связано с законодательными ограничениями на мелочную торговлю, противоречивой политикой по отношению к торговому сословию, выразившейся в неоднократном изменении порядка обложения торговых заведений, изменений правил торговли. К примеру, в 1832 году Сенат издал указ «О недозволении семействам мещан или посадских иметь более одной лавки или другого торгового заведения». Не исключено также, что чиновники учитывали купеческие лавки, но не всегда отражали в отчетах «мелочные» торговые заведения мещан, торговавших «с амбаров» (то есть не имевших специальных торговых помещений).

В 1833 году в Усть-Сысольске по-прежнему числилось 11 «торговых точек» и 2 «питейных дома» (а трактиров не было). По данным городничего, в 1836 году «лавок в городе считалось 6, в том числе: с красным товаром 5, хлебным 1. Погребов с виноградным вином 1, питейных домов 2, лавочек питейных 2». В 1839 году в Усть-Сысольске было 5 лавок, в том числе 4 с «красным товаром» (торговавших промышленными изделиями, в основном тканями) и 1 – с хлебным (продуктовая). Зато число питейных заведений возросло до 7 (прибавился один погреб с виноградным вином).

Надо заметить, что устьсысольцы были явно неравнодушны к «зеленому змию». В 1836 году, по данным городничего, «вина хлебного, водки, спирта свезено в Усть-Сысольск казенного 4425 ведер», не считая заготовленного на месте. А «употреблено» было горожанами вина и наливки 2550 ведер и водки 45 ведер (это без неподдающегося учету количества самодельного пива и самогона). Если учесть, что в то время в Усть-Сысольске было около 2,4 тыс. жителей, то получается, что на каждого горожанина, включая детей и младенцев, приходилось более ведра* спиртных напитков в год. Причем, как отметил городничий, наибольшее количество спиртного расходилось в январе, феврале, а также в ноябре и декабре «по причине скопления множества народа во время ярмарки Георгиевской» [38].

Понемногу число торговых заведений росло. В 1842 году в Усть-Сысольске было 6 купеческих лавок, помещавшихся «при собственных их домах» и торговавших «шелковыми, бумажными, кожаными товарами, съестными припасами и другими продуктами и прочими товарами купече-

* 1 ведро = 12,3 литрам.

ству предоставленными», и 8 «при домах для продажи мелочных товаров» амбаров, принадлежащих мещанам, взявших свидетельство на торговлю, да, кроме того, «ренсковый погребок» (винный магазин) в доме купчихи Сколеповой (никуда не делись и два казенных «питейных дома»). Иногородние купцы, весьма активно торговавшие на ярмарке, пока неохотно «оседали» для постоянной торговли – всего один иногородний купец имел в Усть-Сысольске свое постоянное торговое заведение с традиционным набором товаров. В 1847 году в Усть-Сысольске числилось уже 17 лавок и 3 питейных заведения, в 1848 году – 15 (вдобавок казенные винный и соляной магазины), а в 1856 году – только 12, в 1862 году – опять 17 «торговых точек» (без питейных заведений).

Зато после реформ 60-х годов XIX века число торговых заведений в Усть-Сысольске стало расти как на дрожжах. В 1872 году в Усть-Сысольске было 26 торговых заведений (не считая питейных лавочек и трактиров), принадлежавших 10 купцам и 14 мещанам и крестьянам. В 1878 году их было 35, и принадлежали они 22 хозяевам, в числе которых было 10 купцов, 8 мещан и 4 крестьянина. Причем четверо купцов, имевших лавки в Усть-Сысольске, были иногородними. В 1886 году в городе торговали 12 купцов, 8 мещан и 12 крестьян, владевших 36 торговыми заведениями с оборотом 158,7 тыс. руб. В 1898 году в Усть-Сысольске работали уже 44 торговых заведения с оборотом 315,7 тыс. руб., принадлежавшие 14 купцам, 16 мещанам и 10 крестьянам. Совсем неплохо для города с населением около 5 тыс. человек! Причем торговый оборот городских лавок был примерно таким же, а в иные и годы и больше, чем у всех «торговых точек» уезда (без Усть-Сысольска), вместе взятых [39]. Конечно, покупательная способность и покупательский спрос горожан были выше, чем у сельчан. Однако очевидно и то, что, по крайней мере, некоторые городские лавки обслуживали и сельское население – прежде всего те, что торговали изделиями, которых было не найти на прилавках деревенских лавочек.

Тут надо сказать об одной примечательной инициативе, реализованной в 60-е годы XIX века и имеющей самое непосредственное отношение к развитию торговли. Имеется в виду появление в Усть-Сысольске первого в Коми крае банка. Идея о создании Усть-Сысольского общественного банка возникла еще в 1851 году. Инициатором его создания был крупный по городским меркам купец Иван Матвеевич Новоселов. Городская дума инициативу купечества поддержала. А как же иначе? Ведь многоуважаемый Иван Матвеевич как раз в это время занимал пост городского головы. Да и вообще выгоды этого предприятия были очевидны. Но губернские власти потребовали представить множество бумаг, и идея на время заглохла (тем более, что в 1852 году скончался ее главный инициатор И.М.Новоселов, завещавший будущему банку 500 рублей серебром). В начале 60-х годов XIX века городские власти вновь стали ходатайствовать об открытии

банка. Переписка и согласование тянулись четыре года и все же завершились успешно – в апреле 1865 года Сенат дал разрешение на открытие Усть-Сысольского общественного банка с основным капиталом 10 тыс. рублей, составленным из пожертвований «граждан Усть-Сысольска». Банк имел право принимать вклады, учитывать векселя, выдавать ссуды под залог процентных бумаг. Две трети его прибыли должно было употребляться на «нужды общественного призрения и воспитания», а остальное – на пополнение основного капитала. Усть-Сысольский общественный банк, безусловно, оказал некоторое влияние на развитие предпринимательства, но крупным финансистом так и не стал. Уставной капитал его постоянно возрастал, но даже в начале XX века не достигал 30 тыс. рублей [40].

Но вернемся к торговым заведениям. В первой половине XIX века они мало напоминали современные магазины. Ни одного специального торгового здания в Усть-Сысольске не было. Лавки помешались на первых этажах обыкновенных жилых домов и имели отдельный вход с улицы. А на втором этаже проживал сам купец со своим семейством (в жилую часть дома можно было попасть с высокого крыльца, устраиваемого при боковой стене). Скорее всего, у таких лавок и вывесок не было – горожане и так знали, что и где можно купить. Да и не надо было бегать по городу в поисках товара. Все купеческие торговые заведения были «смешанными» – в каждом из них можно было приобрести и мануфактуру, и посуду, и съестное, и много других необходимых в хозяйстве вещей.

Большинство мелких торговых заведений и в более позднее время оставались «смешанными». Вот как не без иронии охарактеризовал их преподаватель духовного училища Павел Николаевич Виноградов (описание относится к началу XX века):

«Зайдите-ка Вы в Москве к Брокер и К^о, да спросите дегтю, например, Вас, пожалуй, вытолкают в шею. А зайдите Вы к нашему Брокеру, Вам и брокеровские изделия продадут, и деготь, если нужно; есть тут и модный шевюот, и простая рогожа, варшавская обувь и лапти, одним словом все, что Вам нужно, спрашивайте: все найдется, подадут и нисколько не обидятся, и еще спросят: не угодно ли чего-нибудь еще? В Москве я знаю один универсальный магазин. Здесь каждый магазин универсальный» [41].*

Большинство торговых заведений усть-сысольских предпринимателей по-прежнему помещались «при домах» их владельцев. Мелкие лавочки, торгующие «товарами повседневного спроса», особенно на городских окраинах, по виду ничем не отличались от своих предшественников пятидесятилетней давности (разве что вывески появились). Зато магазины солидных предпри-

* Брокер и К^о – известная парфюмерная фирма.

Базарная площадь и Народный дом

Парк им. С.М.Кирова. Сто лет назад здесь была базарная площадь

нимателей, обосновавшихся в центральных кварталах, выглядели вполне современно. Их владельцы строили двухэтажные деревянные дома с тем расчетом, чтобы на первом этаже можно было поместить просторные торговые залы, складские помещения. Эти здания мало походили на типовые постройки городских обывателей – они обычно были длиннее по фасаду, с большими окнами первого этажа, низким крыльцом с перилами и навесом. Большинство из торговцев, замахнувшихся на строительство кирпичных особняков, также строили их с тем расчетом, что на первом этаже поместится торговое заведение. К примеру, к таким домам относятся особняки владельцев торгового дома Кузьбожевых (построен в 1912 году), первый этаж которого занимал один из самых больших усть-сысольских магазинов, и В.П.Оплеснина, построенный в 1892 году*.

Однако прогресс в торговом деле не обходился стороной и отдаленный Усть-Сысольск. В конце XIX – начале XX веков стали строить и специальные торговые здания. Инициатива в этом начинании принадлежит иногородним купцам, которым было невыгодно брать в аренду торговые помещения в частных или казенных домах. Так, в частности, в начале Трехсвятительской улицы (поближе к рыночной площади) появились кирпичные здания магазинов устюжских купцов Ф.И.Охлопкова и Дербеневых**. Торговый дом Дербеневых, построенный в конце XIX века, был вообще самым большим магазином Усть-Сысольска (до 1906 года он также принадлежал Охлопкову, который позднее был в нем управляющим). В одноэтажном симметричном здании с мезонином в центре (в нем помещалась кассовая), было три торговых зала, в которых расторопные приказчики предлагали вниманию покупателей галантерейные и мануфактурные товары, мебель, иконы. Торговый оборот этого настоящего универмага в 1914 году составил 140 тыс. рублей. Магазин Ф.И.Охлопкова, торговавший мануфактурными и бакалейными товарами, имел оборот 30–35 тыс. рублей в год.

Иногородние предприниматели и крупные торговые компании, уже основательно обосновавшиеся в Усть-Сысольске, подавали пример и в углублении торговой специализации. Свой магазин, единственный в уезде, имела знаменитая компания по производству швейных машинок «Зингер» (вот вам и пример обслуживания городскими магазинами сельских клиентов). Самым крупным из иногородних торговцев был купец первой гильдии знаменитый владелец Слободского водочного завода (Вятская губерния) И.В.Александров (после его смерти – компания «Наследники Александрова»), имевший в Усть-Сысольске свой ма-

газин и оптовый склад. Эта компания, по существу, контролировала всю уездную частную торговлю спиртным, поскольку ей принадлежали почти половина винных лавок, а из другой половины большинство пополняло свои запасы через оптовый склад Александрова.

Постоянно проживали в городе и доверенные лица известного крупного лальского торгового дома «Наследники Сумкина», владельцы бумажной фабрики, продукцию которой они поставляли во все северные города. В Усть-Сысольске они держали магазин, торговавший тканями и готовым платьем. Сольвычегодские купцы И.А. и А.Н.Инкины имели большой магазин, торговавший мануфактурой, галантереей и бакалеей. Крупный архангельский купец первой гильдии, владелец пароходной компании А.В.Булычев имел в городе склад по оптовой продаже соли (он владел Сереговским заводом) и морской рыбы. Вятский купец второй гильдии татарин М.В.Сагитов, а затем и его наследники, держали в Усть-Сысольске на Спасской улице большой фруктовый магазин – там всегда были яблоки, и сливы, груши и даже мандарины, привезенные с Кавказа.

Некоторые местные торговцы также стали открывать магазины, продававшие только определенные категории товаров. В конце 90-х годов XIX века купец А.М.Забоев открыл единственный в городе чайный магазин с приличным годовым оборотом в 12 тыс. рублей. Купцы второй гильдии братья Комлины специализировались на продаже продовольствия, второгильдейский купец П.В.Жеребцов – на торговле спиртным. Однако большинство торговцев все же предпочитало ориентироваться на торговлю и продовольственными, и промышленными товарами, правда, не «смешивая» их в одном торговом заведении.

Разумеется, никуда не делась и государственная торговля спиртным. В Усть-Сысольске имелся казенный запасной магазин, поставлявший «пития» в казенные винные лавки. Спрос на продукцию этих заведений всегда имелся, поскольку устьсысольцы своих привычек, в том числе и пристрастия к спиртному, не меняли. В начале XX века в двух казенных винных лавках Усть-Сысольска расходилось более 200 ведер спиртных напитков в месяц. Этим вклад государства в снабжение горожан и ограничивался.

С появлением земских учреждений они также включились в торговую деятельность. Выше уже упоминалось о заведении Усть-Сысольским уездным земством склада сельскохозяйственных орудий и семян с целью внедрения в крестьянские хозяйства передовых способов сельскохозяйственного производства. Но земство выполняло и другую благородную задачу – снабжение населения дешевым хлебом. С этой целью в начале XX века оно завело в Усть-Сысольском уезде более десяти земских хлебных складов, в том числе и в Усть-Сысольске. Земство заключало контракты на поставку хлеба и продавало его нуждающимся по более низким ценам, чем у частных торговцев.

* В первом находится отдел природы Национального музея РК (ул. Коммунистическая, 6), во втором – Финно-угорский культурный центр (Советская, 25)

** Магазин Охлопкова (ул. Коммунистическая, 1) всегда был торговым заведением. Снесен в конце 90-х гг. XX в. Торговый дом Дербеневых (ул. Коммунистическая, 2) сохранился – сейчас в нем отдел этнографии Национального музея РК.

Наконец, нельзя не упомянуть о кооперативной торговле, начало развития которой пришлось на XIX – начало XX веков. Появился потребительский кооператив и в Усть-Сысольске. Городское общество потребителей было образовано в 1899 году и начало действовать с 1900 года. В составе пайщиков были и мещане-земледельцы, и ремесленники, и чиновники, и учителя. В 1912 году Усть-Сысольское потребительское общество держало бакалейный и писчебумажный магазины (в последнем можно было купить или за определенную плату взять почитать книги), а также винный погреб [42].

А как в Усть-Сысольске обстояли дела со «службой сервиса»? Прямо скажем, неважно. Гостиницы или постоялого двора в городе никогда не было. Приезжие могли остановиться на почтовой станции, которую держал Н.З.Забоев (после его смерти она отошла к сыну – И.Н.Забоеву) или снять квартиру у частных лиц. С «предприятиями общественного питания» обстояло ненамного лучше. Имелись буфет в здании Общественного собрания, чайная в Народном доме, которую любили посещать приезжие (здесь к чаю можно было взять не только баранки и сушки, но и белую булку – невиданное угощение для деревенских). Имелся также один трактир купца Сычева «на шесть комнат», особо охотно посещаемый в ярмарочные дни (за год в нем «употреблялось» более 2 тыс. ведер «разного вина»). Еще один трактир открывался во время Георгиевской ярмарки. А в 1908 году вологодская газета «Север» сообщила, что в Усть-Сысольске «открылся ресторан с меблированными комнатами и с граммофоном», подчеркнув при этом, что «это новшество усиленно опустошает обывательские карманы». В 1910 году в Усть-Сысольске числились также 3 пивные лавки и винницы [43]. Небгато, но для маленького города, наверное, вполне приемлемо.

4.4. «Именитое купечество»

Купеческое сословие Усть-Сысольска было немногочисленным: более 25 семей в него никогда не входило. Да и особым богатством и размахом торговой деятельности усть-сысольские предприниматели, за редким исключением, не отличались. И тем не менее усть-сысольское купечество заслуживает отдельного рассказа. Этот десяток с небольшим семейств во многом определял жизнь города. Речь идет не только об очевидном влиянии купечества на развитие экономики. Мы уже могли убедиться, сколь значительно было его участие в городском самоуправлении. Но с усть-сысольскими торговыми людьми нам предстоит постоянно встречаться и на страницах, посвященных образованию, здравоохранению, приходской жизни, развитию культуры. Без них не обходилась ни строительство храмов, ни благоустройство города, ни открытие школ и больниц, ни благотворительные акции или начинания в области культуры. Понятно, что роль торгового сословия определялось не

его численностью, а тем, что это была самая богатая часть горожан, единственная располагавшая немалыми для маленького города свободными денежными средствами.

Торговые люди были и в «погосте на устье Сысолы реки» – и не только всемогущие богатеи Сухановы, – а вот купцов не было. Точнее, и купцы были, но не усть-сысольские. Купечество – сословие городское, а погост – поселение сельское. Те же Сухановы, как мы помним, были приписаны к купечеству ближайшего к Усть-Сысольску уездного города Яренска. А большинство усть-сысольских торговцев, державших лавки, числились по сословию черносошных крестьян. Получил Усть-Сысольск городской статус – появилось и усть-сысольское купечество.

По закону 1775 года, для того, чтобы стать купцом, нужно было объявить капитал минимум в 500 рублей (в зависимости от суммы объявленного капитала можно было записаться в третью, вторую или первую гильдии). Вот в 1780 году и приписались к купеческому сословию теперь уже городские торговцы Михаил Лукич Малыгин, Михаил Елфимович Суханов, Трофим Самойлович Комлин, Михаил Артемьевич Сидоров и Артамон Мартемьянович Мартынов. Через год в купеческое сословие по Усть-Сысольску переписались яренские купцы Петр Петрович Суханов (скорее всего, это сын Петра Афанасьевича Суханова, пострадавшего при разгроме семейного имения в 1739 году) и Василий Кондратьевич Колегов. Все они, за исключением В.К.Колегова, объявили минимальный капитал в 500 рублей (Колегов – 600 рублей). Эти семь семей и стали основателями «именитого купечества» города Усть-Сысольска.

Городовое положение 1785 года установило более высокий ценз для записи в купечество: для того чтобы стать купцом третьей гильдии, нужно было объявить капитал от 1 до 5 тыс., второй – от 5 до 10, первой – свыше 10 тыс. рублей. В 1794 году гильдейский ценз вновь возрос – теперь для того, чтобы стать купцом третьей гильдии, нужно было объявить капитал минимум в 2 тыс., второй – в 8 тыс. и первой – в 16 тыс. рублей. Но пока это была приемлемая сумма – все-таки выгоды от состояния в купечестве были очень ощутимыми. И не удивительно, что «капиталисты» устьсысольцы спешили записаться в купеческое сословие – по ревизии 1795 года в нем состояла 21 семья [44].

Однако такой рост числа купеческих семей вовсе не свидетельствует о бурном развитии предпринимательской деятельности. Ведь большинство новоявленных купцов с трудом дотягивали до третьегильдейского минимума. А купеческий капитал нужно было объявлять и уплачивать за него ежегодно. Кто-то попробовал «побыть купцом», понял, что это ему не по карману, и отказался от этой затеи, кому-то не повезло в торговых операциях. К тому же в 1807 году гильдейский ценз был вновь повышен, причем значительно, – в третью гильдию можно было записаться, имея капитал не менее 8 тыс., вторую – 20 тыс., первую – 50 тыс. рублей (этот ценз сохранялся всю первую половину XIX века).

В первой половине XIX века число семей, записавшихся в купеческое сословие, уже достаточно стабильно и не превышает 15, причем в основном это третьегильдейские купцы. По ревизской сказке 1811 года, в Усть-Сысольске насчитывалось 13 купеческих семей (4 второ- и 9 третьегильдейских), но на самом-то деле их было 8 – остальные только числились с предыдущей ревизии (главы семей в перерыве между ревизиями умерли, но сами семьи официально в мещанство не переписывались). Кроме того, в мещанстве пребывали 16 семей, выбывшие с 1795 года из купеческого сословия.

В итоге в 1812 году в Усть-Сысольске официально числилось всего 7 купеческих семейств: купцы второй гильдии Степан Григорьевич Суханов, Алексей Иванович Суханов и братья Николай Максимович и Степан Максимович Латкины (у них был общий капитал) – все они объявили минимальный второгильдейский капитал в 20010 рублей, третьей гильдии – Афанасий Михайлович Забоев (8010 руб.), вдова купца Семена Афанасьевича Латкина Устинья Латкина (8025 руб.) и Афанасий Степанович Латкин (8030 руб.). В 1839 году в Усть-Сысольске было объявлено 11 купеческих капиталов по 3-ей гильдии на сумму 88 тыс. рублей (то есть все по минимуму), в 1842 году – 9 капиталов по 3-ей гильдии, в 1848 году – 2 капитала по 2-ой и 6 – по 3-ей гильдиям. [45].

Некоторые семьи десятилетиями состоят в купеческом звании, другие – одно-два поколения. Бывало, что купеческий род прерывался из-за отсутствия наследников, но чаще из купеческого звания выходили, потерпев неудачу в торговых делах. Усть-сысольские купцы не имели больших капиталов и для проведения относительно крупных торговых операций были вынуждены брать товар в кредит, с расплатой после его реализации. Им постоянно приходилось рисковать, и риск не всегда оправдывался. Всего лишь одна неудачная торговая операция – и на покрытие издержек уходила большая часть нажитого капитала, а то и все наличные средства. Кто-то навсегда покидал купеческое сословие, кто-то со временем возвращался в него. Бывало, что в купеческое сословие возвращались дети некогда состоявших в купечестве.

Тут надо иметь в виду следующее: выход из купечества вовсе не означал обязательное владение в нищету, ведь многие бывшие купцы оставались вполне состоятельными людьми. Некоторые из них не бросали и занятия торговлей. В 1812 году правительство разрешило заниматься торговлей крестьянам, а в 1824 году появилась и категория торгующих мещан. Так появляется новый слой – торгующие крестьяне и мещане. Они так же, как и купцы, должны были получать свидетельство на торговлю (эти свидетельства тоже делились на категории), за которые нужно было платить. Кое-кто из купцов, потерпевших неудачу в торговых делах, стремясь уменьшить платежи за право торговли, переходил в разряд торгующих мещан.

Наглядным подтверждением того, что купеческое счастье переменчиво, а само купеческое сословие непостоянно, служит судьба купцов Сухановых. Два представителя этого разросшегося семейства – Степан Григорьевич и Алексей Иванович – были самыми заметными фигурами в торговой, да и в общественной, жизни Усть-Сысольска начала XIX века. Напомним, что оба занимали пост городского головы. Показательно, что именно они в начале XIX века выстроили для себя два первых кирпичных жилых дома Усть-Сысольска – по тем временам это могли себе позволить только очень состоятельные люди*.

Степан Григорьевич Суханов появляется в списке третьегильдейских купцов в самом конце XVIII века. В 1802 году он уже числился среди купцов второй гильдии. С.Г.Суханов занимался скупкой и перепродажей хлеба, дичи, других продуктов. Вместе с Алексеем Ивановичем Сухановым они арендуют брусную гору на Печоре и вывозят на продажу точильные изделия. Пик его торговой деятельности приходится на 1819–1820 годы, когда на долю С.Г.Суханова приходилось более 30% стоимости товаров, отправляемых усть-сысольскими купцами к Архангельскому порту. А затем его дела стали идти все хуже и хуже. Он был вынужден переписаться в третью гильдию, затем, правда ненадолго, вернулся во вторую. Но в 1826 году и вовсе оказался среди торгующих мещан, и опять вернулся в купечество, но крупных операций уже вести не мог. Однако авторитет его был по-прежнему высок – не случайно же именно на закате своей торговой карьеры (ему было уже за 60 лет) Степан Григорьевич Суханов два раза подряд избирался городским головой. Умер он в 1838 году.

Сын Степана Суханова Алексей, унаследовавший дело отца, оставался в третьегильдейском купечестве до своей смерти в 1842 году, но крупных дел уже не вел. После его смерти прямых наследников не осталось, и все хозяйство перешло к братьям Павлу и Александру. Александр Степанович Суханов еще был записан в купечество, а Павел Степанович уже числился по мещанскому сословию. Впрочем, через несколько лет и Александр Степанович Суханов перешел в мещане – «торговой жилки» у него явно не было. В 1850 году Сухановы продали свой кирпичный дом – последнее свидетельство бывшего благосостояния (в этом доме разместилось уездное училище).

Вторая ветвь Сухановых продержалась в купеческом звании еще меньше. Петра Петровича Суханова и его сына Ивана Петровича к 1792 году уже не было в живых, и дело перешло к сыну Ивана Петровича 26-летнему Алексею Ивановичу Суханову. Он достаточно успешно вел дела, уже в 1801 году записался во вторую гильдию, а

* Дом Степана Григорьевича Суханова находился в 23 квартале, плановые места 409-412, в начале Покровской улицы (совр. ул. Орджоникидзе, 2); дом внука Петра Петровича Суханова Алексея Ивановича – в 1 квартале, плановое место 1, на улице Набережной (не сохранился).

к 1812 году стал одним из крупнейших предпринимателей Усть-Сысольска, составив состояние на торговле пушниной и хлебом. Вот как раз в 10-е годы XIX века он построил кирпичный дом, был городским головой. Но неудачные торговые операции привели к тому, что уже к 1821 году Алексей Иванович перешел в третью гильдию, а в 1824 году был вынужден покинуть купеческое сословие. Наследников у него не было, и все его имущество, в том числе и дом, перешло к родственникам по боковой линии. В 1853 году они сдали часть семейного кирпичного дома в аренду под городские присутственные места (вторую часть занимала семья Сухановых), а позднее Сухановы и вовсе продали дом, который по-прежнему сдавался новыми хозяевами в аренду под городские учреждения [46].

Многочисленные потомки купцов Сухановых жили, да и сейчас живут, в Усть-Сысольске (Сыктывкаре), многие из них были весьма видными фигурами в городской жизни, некоторые занимали видные посты в городской администрации (в частности, из Сухановых был последний городской голова Усть-Сысольска), занимались предпринимательской деятельностью. Но купцы Сухановы в первой половине XIX века навсегда ушли из торговой истории Усть-Сысольска.

В «Книге обывательской» города Усть-Сысольска, составленной в 1843 году, в числе 9 купеческих семей мы видим и знакомые, и новые фамилии: Алексей Степанович и Павел Степанович Сухановы, Павел Васильевич Колегов, Степан Иванович Лыткин, купеческая вдова Анна Ивановна Торокановская, Степан Васильевич Стенин, купеческая вдова Александра Ивановна Сколепова, купеческая вдова Прасковья Ивановна Латкина, Матвей Матвеевич Новоселов, Иван Петрович Никулин. К купеческому сословию была приписана и вдова Пелагея Кузьминична Латкина, «без капиталу», владевшая домом совместно с сыном камышловским купцом Якимом Степановичем Латкиным.

В этом списке мы уже не видим такой заметной фигуры в общественной жизни Усть-Сысольска 10–20-х годов XIX века, как купец Афанасий Михайлович Забоев. Его отец Михаил Захарович Забоев числился в купечестве еще в 1795 году (а записался в купеческое сословие в 80-е годы XVIII века), был купцом второй гильдии. Афанасий Михайлович унаследовал дело после смерти отца в 1807 году, ходил в третьегильдейских купцах, дважды – в 1817–1819 и 1829–1831 годах – был городским головой. В 1843 году ему было уже 63 года, и он давно уже, с 1837 года, числился в мещанском сословии. Однако вовсе не был бедняком – имел три деревянных дома (один был куплен им у Алексея Суханова, второй достался в наследство от покойной жены, а третий – от покойного брата Ивана Забоева).

Вновь появляется среди купеческих фамилия Колегов. Павел Васильевич Колегов – внук одного из первых усть-сысольских купцов (до того, как Усть-Сысольск стал городом, приписанных к купечеству Яренска) Василия Кондратьевича Коле-

гова. Сыновья Василия Кондратьевича Василий и Иван тоже были купцами, но Иван еще в 1796 году вышел из купеческого сословия, а Василий до конца своих дней (он умер в 1816 году) состоял в третьегильдейском купечестве. Вначале Павел Колегов ходил в доверенных лицах (приказчиках) у Степана Григорьевича Суханова, работал по его заказам, даже будучи третьегильдейским купцом. А в 20-е годы прочно встал на ноги, записался во вторую гильдию, сам вел значительную транзитную торговлю железом, хлебом, другими сельскохозяйственными продуктами. В 1820–1822 и 1832–1834 годах Павел Колегов был городским головой, а в 1838 году стал старостой Троицкого собора. В 1843 году он уже заканчивал торговую карьеру – ему было 68 лет. Павел Васильевич Колегов скончался в 1851 году в весьма почтенном возрасте. Наследников-сыновей у него не осталось, и больше мы с этой купеческой семьей не встречаемся.

Недолгой была и история купцов Лыткиных. Почтенный глава семейства Степан Иванович Лыткин (в 1843 году ему было уже 69 лет, и в следующем году он скончался) вышел из торгующих мещан в крупные предприниматели (в купеческом сословии состоял с 1825 года), имел три дома (впрочем, и семейство у него было немаленьким – шесть сыновей и дочь), был весьма уважаемым в городе человеком – избирался и градским старостой, и бургомистром. Его сыновья Осип и Петр тоже были купцами – первый записывался во вторую, второй – в третью гильдии. Осип Степанович Лыткин вслед за отцом был избран бургомистром, а в 1835–1837 годах – городским головой, Петр Степанович Лыткин тоже был городским головой – в 1847–1849 годах. Однако братья вели дела не очень удачно.

Осип умер в 1850 году, будучи третьегильдейским купцом, а Петр купеческое сословие покинул. Последним в купеческом сословии состоял оставшийся старшим в роду брат Николай – в конце 50-х годов XIX века он еще числился среди третьегильдейских купцов. Но самым известным из этого семейства стал младший брат Георгий (Егор) Степанович Лыткин, только прославился он не на торговом, а на научном поприще. Георгий Степанович Лыткин окончил Петербургский университет (между прочим, он вообще был первым из усть-сысольцев, получившим высшее светское образование), стал крупным ученым, автором трудов по языкознанию и истории Коми края.

В первой половине XIX века большую роль в торговой жизни Усть-Сысольска играли купцы Торокановский и Новоселов. Василий Семенович Торокановский перебрался в Усть-Сысольск из Устюга еще в начале XIX века. В 1811 году он получил от городской думы разрешение на занятие красильным промыслом, что вызвало протест местных красильщиков, безуспешно пытавшихся добиться отмены разрешения (городская дума рассудила мудро – за разрешение «в здешнем городе красить холсты и сукна» деньги от Торокановского уже получены, вот и пускай себе красит). На красильном промысле Василий Семено-

Магазин Дербеневых. Начало XX века

Национальный музей РК (бывший магазин Дербеневых)

вич и составил свое первоначальный капитал, с каковым в 1824 году и записался в купечество. Он вел крупную торговлю с Архангельском, поставляя туда хлеб и меха, сотрудничая в этом деле с сольвычегодскими купцами. После смерти В.С.Торокановского в 1838 году его вдова числилась в купеческом сословии, ей принадлежала лавка в Усть-Сысольске, но крупными торговыми операциями она уже не занималась. Сыновья Николай и Иван еще в 1858 году числились в купечестве, но на них торговая династия Торокановских и закончилась – торговой жилки у братьев явно не было.

Династия купцов Новоселовых берет начало с Матвея Ивановича Новоселова, выходца из черносозных крестьян Койгородской волости. Вероятно, там он и составил первоначальный капитал, занимаясь мелкой сельской торговлей. Когда Матвей Новоселов в 1788 году перебрался в Усть-Сысольск и женился, ему было уже 37 лет. В 1789 году он записался в купечество, но крупным предпринимателем так и не стал – состоял в третьей гильдии с минимальным капиталом. В 1805 году жизнь Матвея Ивановича Новоселова трагически оборвалась – он был убит.

Единственному сыну Матвею было всего 15 лет, и какое-то время дела вела вдова Ксения Федоровна, а семья перестала числиться в купечестве. Но уже в 1816 году молодой Матвей Матвеевич Новоселов вновь входит в купеческое сословие. Он уверенно берет дело в свои руки и быстро становится одним из самых богатых купцов Усть-Сысольска. Свое состояние М.М.Новоселов составил на транзитной торговле с Архангельском – он был одним из крупнейших поставщиков в этот северный порт хлеба и других сельхозпродуктов. Вел он и лавочную торговлю, привозил на продажу рыбу из Архангельска. В конце 40-х годов XIX века Матвей Новоселов был единственным в Усть-Сысольске купцом второй гильдии с капиталом, позволявшим ему записаться и в первую.

Матвей Матвеевич Новоселов скончался в 1850 году, когда ему не было и 60-ти лет. Видно, какой-то рок преследовал эту семью. Матвей Новоселов рано овдовел, его старший сын Степан умер, когда ему было всего 22 года. Все хозяйство унаследовал весьма предприимчивый второй сын Иван. Он пользовался авторитетом в городе, наверное, смог бы расширить отцовское дело, но пережил родителя всего на два года – Иван Матвеевич Новоселов скончался в 1852 году, когда ему было всего 28 лет. Семьями братья не успели обзавестись, и единственной наследницей состояния более чем в 70 тыс. рублей осталась их старшая замужняя сестра Александра. На этом купеческая династия Новоселовых прервалась [47].

Семья Новоселовых заслуживает рассказа не только потому, что это были крупные предприниматели, в течение почти тридцати лет игравшие ключевую роль в городской торговле, но и в связи с тем, что они первыми из купцов «городского периода» истории Усть-Сысольска проявили себя

как благотворители. Матвей Матвеевич Новоселов, что вполне естественно для купца, неоднократно занимал разные выборные должности, был и бургомистром (1823–1825), и городским головой (1835–1837). Будучи городским головой, он поддержал своим авторитетом первого лица городского самоуправления и средствами два важных начинания – открытие приходского училища (первой светской школы в городе) и учреждение общественной библиотеки. М.М.Новоселов стал первым попечителем Усть-Сысольского приходского училища, организовал сбор средств и пожертвовал для него свой дом (правда, довольно старый – он ему достался еще от отца), в котором приходское, а затем уездное училища помещались около 10 лет. В 1837 году он вошел в число первых девяти членов-учредителей Усть-Сысольской общественной библиотеки, первой в Вологодской губернии, и сделал уставной взнос.

Матвей Новоселов был и одним из вдохновителей строительства Стефановского храма. Однако «пробивать» проект и «выбивать» средства на строительство пришлось уже его сыну. Иван Матвеевич Новоселов в 1850 году стал городским головой (самым молодым в истории Усть-Сысольска) и пребывал в этой должности до своей смерти. Он же был инициатором создания Усть-Сысольского общественного банка. Ему не довелось дожить ни до освящения самого большого храма Коми края, ни до открытия банка. Но свой вклад в эти события он внес, завещав крупные суммы на строительство и будущему банку в Коми крае.

Однако, пожалуй, самой знаменитой из купеческих семей Усть-Сысольска стала одна из семей Латкиных. Латкины – выходцы из духовного сословия, чьи предки много лет служили в Корткеросской Никольской и Небдинской Афанасьевской церквях. В конце XVIII века в Усть-Сысольске появились сразу две купеческие семьи Латкиных. В 1785 году записался в мещанство, а в 1792 году – в купечество «Небдинской Афанасьевской церкви священнический внук» Семен Афанасьевич Латкин, а в 1790 году в усть-сысольском купечестве появился «дьяческий сын» из с.Корткерос Степан Максимович Латкин. В 1800 году к ним прибавился Афанасий Степанович Латкин, тоже «из церковнических детей».

Семен Афанасьевич Латкин скончался в 1811 году. После его смерти какое-то время дела вела вдова, уже упоминавшаяся Устинья Ивановна, но уже в 1815 году их сыновья Иван, Михаил и Григорий вышли в мещанство. Иван жил в Усть-Сысольске, где и скончался в 1841 году, Михаил же, а следом и Григорий, уехали в далекий Нерчинск в Сибири, где вышли в купечество (это как раз они подарили городу свой дом, доставшийся в наследство от Ивана, и, проживая в Сибири, избирались усть-сысольскими ратманами). А Афанасий Степанович Латкин вышел в мещанство в 1823 году.

Зато Степан Максимович Латкин прочно утвердился в купеческом звании. Ежегодно он прибавлял объявляемый капитал и в начале XIX века

вышел во второгильдейские купцы. В 1809 году в купечество записался и его брат Николай Максимович, после чего, как мы уже знаем, братья объявили общий капитал по второй гильдии. Старший брат Степан в 1821 году умер, единственный сын его Яким в 1833 году вышел в мещанство, уехал в город Камышлов Пермской губернии, где со временем вышел в купечество, а вдова Пелагея Кузьминична проживала в Усть-Сысольске, будучи приписанной к купеческому сословию, но «без капиталу».

Продолжателем семейного торгового дела стал Николай Максимович Латкин. Нельзя сказать, что ему постоянно сопутствовала удача – он записывался то во вторую, то в третью гильдии. Сначала вместе с братом, а потом и отдельно он вел крупные торговые операции по поставкам хлеба и других сельскохозяйственных продуктов в Архангельск, казенные хлебозапасные магазины, на Кольский полуостров. В 1821 году совместная доля братьев в усть-сысольской транзитной торговле составляла 59%, а в конце 20- начале 30-х годов XIX века одного Н.М.Латкина – более 20%. Оба брата поставляли на крупнейшие российские ярмарки пушнину на десятки тысяч рублей, отправляли в столицы десятки возов мороженых рябчиков. Но торговля этими видами товаров была традиционна для усть-сысольских купцов. Н.М.Латкин выделялся тем, что, наряду с торговлей, занимался и предпринимательством в промышленности и строительстве*. Например, в середине 20-х годов он брал подряды на строительстве Северо-Екатерининского канала.

Как и большинство усть-сысольских купцов, Николай Максимович Латкин постоянно занимал различные выборные должности, занимался благотворительностью. В 1839 году его избрали городским головой, и эту должность он занимал до своей смерти. Николай Максимович Латкин скончался в 1841 году, будучи купцом второй гильдии.

Однако сыновья Николая Максимовича выбрали не совсем обычную для отпрысков из не очень богатой купеческой семьи маленького захолустного городка дорогу. Возможно, сказалось отцовское воспитание (мы ведь ничего не знаем о том, что за человек был, каких взглядов придерживался Николай Максимович Латкин), возможно, на них оказали влияние перемены в российском обществе. О младшем из сыновей – Петре – мы ничего не знаем, кроме того, что он поступил в 1850 году на чиновничью службу (что для купеческих детей того времени тоже не совсем обычно). Зато старшие братья Василий и Михаил очень хорошо известны. Они стали самыми яркими фигурами в истории купеческого Усть-Сысольска. Это были предприниматели новой формации – хорошо образованные (притом,

* Для купечества Усть-Сысольска первой половины XIX в. промышленная деятельность была совершенно нехарактерна. Можно назвать лишь несколько примеров – аренда Сухановыми брусной горы, занятие Торокановского красильным промыслом, а купца Сколепова и его наследников – обработкой кож.

что оба получили лишь низшее образование), масштабно мыслящие, стремящиеся своей деятельностью достичь не только личной выгоды, но и «пользы общественной».

Василий и Михаил довольно рано, еще при жизни отца, начали самостоятельную предпринимательскую деятельность. Василий с 12 лет помогал отцу. В 1832 году он уже работал самостоятельно – нанялся управляющим винокурным заводом к промышленнику М.Г.Сведомскому в Пермскую губернию. Но настоящей его любовью стал Печорский край, где он впервые побывал еще в 1825 году. В 1840 году, он, уже живя в Петербурге, совершает поездку на верхнюю Печору, добравшись до брусной горы на Соплясе, где издавна велась добыча точильного камня. При этом это была именно исследовательская экспедиция – В.Н.Латкин уже в то время разрабатывал планы освоения природных богатств Печорского края, но не нашел понимания в правительственных кругах.

В 1841 году, после смерти отца, Василий и Михаил приписываются к усть-сысольскому купечеству, объявив капитал по третьей гильдии. М.Н.Латкин к тому времени был поверенным оранienбаумских купцов Иконникова и Скорнякова, арендовавших брусную гору на Печоре, а с 1841 года сам стал ее арендатором и занялся заготовкой точильного камня (так что маршрут первой печорской экспедиции В.Н.Латкина вовсе неслучаен). А Василий, скорее всего, только числился в усть-сысольских купцах, а жил в Петербурге. Семейным хозяйством заведовала мать Прасковья Ивановна Латкина, владевшая тремя домами и двумя плановыми местами (еще четыре плановых места принадлежали Михаилу и его жене – позднее они построили там дом).

В 1843 году В.Н.Латкин отправляется во вторую экспедицию на Печору. Из Великого Устюга он добирается до родного Усть-Сысольска, оттуда проходит всю Вычегду и с ее верховьев волоком перебирается на Печору, спускается до устья Усы, обследует эту реку и завершает маршрут в Усть-Цильме, где встретился с экспедицией Кейзерлинга и Крузенштерна. Впоследствии В.Н.Латкин издал свои дневники отдельной книгой, вызвавшей большой интерес современников. Однако не ради книги он совершил столь основательную поездку – Василия Николаевича не оставляет мысль о создании Печорской промышленной компании, способствующей развитию края. Но для этого были нужны деньги, и очень большие.

Василий, а вместе с ним и брат Михаил, круто меняют судьбу. В 1845 году, уже будучи солидными семейными людьми (Василию было 34, Михаилу – 32 года, у первого было трое, а у второго – четверо детей), они по инициативе Василия переезжают в город Канск Енисейской губернии. Василий становится управляющим золотыми приисками и зарабатывает миллионное состояние. В Сибири он познакомился с Михаилом Константиновичем Сидоровым – тот был у него домашним учителем, а позднее они породнились –

М.К.Сидоров женился на дочери В.Н.Латкина Ольге. Сидоров тоже стал миллионером, разбогатев на золотодобыче. До знакомства с Латкиным он не бывал в Коми крае (Сидоров впервые приехал сюда в 1860 году), однако заразился идеей тестя о создании Печорской компании. Впоследствии они многие годы работали вместе, а после смерти В.Н.Латкина М.К.Сидоров пытался продолжить его дело, снискал мировую известность как энтузиаст освоения Севера.

В 1859 году В.Н.Латкин, к тому времени купец первой гильдии в Царском Селе, все же создал Печорскую компанию. Он предполагал развернуть лесозаготовки на Печоре, построить в ее устье морской порт и через него вывозить древесину в Европу. Он выставлял печорскую лиственницу и сибирский графит на Всемирной выставке в Лондоне, был отмечен наградами, стал признанным в Европе специалистом по Русскому Северу. Однако его промышленные дела шли не очень хорошо. Без поддержки правительства (а ее не было) поднять экономику глухого Печорского края было невозможно. Василий Николаевич Латкин разорился и умер в Петербурге в 1867 году в бедности (позднее та же участь постигла и М.К.Сидорова).

Судьба Михаила Николаевича сложилась более счастливо, хотя и не так ярко. В 1851 году он вернулся в Усть-Сысольск. В середине 60-х годов XIX века Михаил Николаевич Латкин вышел в купцы первой гильдии (он был единственным за всю историю Усть-Сысольска местным перво-гильдейским купцом), правда, позднее вернулся во вторую гильдию. Поначалу он торговлей не занимался и лавок в городе не имел. Свой капитал М.Н.Латкин составил на разработке брусняной горы на Печоре и продаже точильных изделий. Вкладывал он капитал и в другие предприятия, однако вернулся и к торговле, преуспев в «водочном бизнесе». В 70-е годы XIX века в Усть-Сысольске ему принадлежали «водочный завод и оптовый винный склад при доме», два питейных (с продажей на вынос) и трактирное заведение, а также амбар по продаже точильных изделий.

Михаил Николаевич Латкин был одним из самых известных и авторитетных горожан. В 1859-1864 годах он избирался городским головой. Когда было организовано земство, он принял активное участие в его работе, был избран в Усть-Сысольское уездное земское собрание и в течение семи лет, с 1869 по 1876 год, состоял председателем уездной земской управы. В 1865 году ему доверили быть первым председателем Усть-Сысольского общественного банка.

К этому следует добавить, что без М.Н.Латкина в Усть-Сысольске не обходилось ни одно общественное начинание. Он был попечителем городской больницы (за пожертвования в «пользу общественного заведения») ему была объявлена Высочайшая благодарность) и членом Усть-Сысольского тюремного комитета. Будучи городским головой, он принимал деятельное участие в судьбе приходского училища, оплачивая из своих средств наем дома под эту первую светскую шко-

лу города. Во многом благодаря его поддержке в 1858 году была открыта первая в Коми крае женская школа – Усть-Сысольское женское второразрядное училище. Его жена Прасковья Андреевна стала первой попечительницей училища. Материальную поддержку училищу оказала не только семья Михаила Николаевича, но и Василий Николаевич Латкин (он стал почетным блюстителем женской школы).

Как и у старшего брата Василия, у Михаила Николаевича круг интересов не ограничивался только делами промышленными, что, безусловно, было новой чертой в жизни провинциального купечества. Он, к примеру, вовсе не стремился к тому, чтобы все сыновья пошли по стопам отца. Все дети получили хорошее образование (дочь Антонина, например, закончила высшие женские курсы в Петербурге и стала учительницей). Торговую династию Латкиных продолжил сын Василий, ставший купцом второй гильдии и владельцем кожевенного завода (он, как и отец, избирался председателем земской управы).

Дом Михаила Николаевича в 60–70-е годы XIX века по праву считался культурным центром Усть-Сысольска – у него была лучшая в городе домашняя библиотека, книгами из которой пользовались многие чиновники и учителя. На еженедельных приемах в доме Латкиных бывала вся городская интеллигенция – здесь не только играли в карты и угощались, но и обсуждали литературные новинки, спорили по проблемам, волновавшим российское общество. По существу, это был первый в Усть-Сысольске общественно-литературный салон [48].

Во второй половине XIX века число купеческих семей увеличилось, и довольно значительно. На смену «выбывшим» торговым семьям приходят новые. В 1850 году в купеческом сословии числилось всего 7, а в 1858 – уже 23 семьи. Однако тут нет определенной закономерности – в отдельные годы численность купеческих семей не достигала и 10, а в другие – переваливала за 20. Зато можно сказать, что в целом численность занятых в торговле с развитием города постепенно возрастала. Во внутригородской торговле все большее значение приобретают торгующие крестьяне и мещане. Растет и численность «вспомогательного персонала» – приказчиков. Существенным фактором, повлиявшим на рост численности торгующего сословия, стало значительное снижение пошлин за право торговли, произведенное в 1865 году в ходе реформирования торгового законодательства.

В 1855 году в Усть-Сысольске было выдано 2 свидетельства на торговлю по второй, 11 – по третьей гильдиям, кроме того, 8 билетов крестьянам, торгующим по третьему и 16 – по четвертому разрядам*. Билеты приказчиков получили 9 человек. В 1862 году был объявлен всего 1 купеческий ка-

* Билеты на право торговли по первому, второму и третьему разрядам давали те же права, что и свидетельства соответствующей купеческой гильдии, четвертый разряд давал права торгующего мещанина, т.е. возможность вести в городе стационарную торговлю.

Купец
В.П.Оплеснин

питал по второй и целых 24 – по третьей гильдиям, но до 5 уменьшилось число крестьян, торгующих по свидетельствам. В 1879 году картина опять меняется: 9 человек объявили капитал по второй гильдии, 24 – взяли свидетельства торгующих крестьян по второму разряду, 29 – на право мелочной торговли. Приказчиков же было 80 человек [49].

Для большинства городских торговцев вполне обычным делом был постоянный переход из купечества в торгующие крестьяне или мещане и наоборот. Очевидно, что многие из торгующих мещан ничем от купцов не отличались. Да и в общественной жизни города они играли весьма заметную роль, часто избирались в органы городского самоуправления и даже становились городскими головами. Бывало, что состоятельные и весьма авторитетные горожане, занимавшиеся торговлей и предпринимательством, предпочитали оставаться в мещанах.

Среди купцов, впервые появившихся в 50-е годы XIX века, – бывшие усть-сысольские мещане Семен Васильевич Стенин (приписан к купечеству в 1840 году), а после его смерти в 1845 году – сын Павел Семенович Стенин, Кирилл Ларионович Фролов (стал купцом в 1849 году) и его сын Егор Кириллович, Степан Иванович Забоев (переписан из мещан в 1856 году), братья Иван Назарович, Михаил Назарович и Семен Назарович Забоевы (стали купцами в 1851 году), Василий Михайлович Тренин (приписан к купечеству в 1855 году), Василий Иванович Комлин, Иван Семенович Попов, Илья Сидоров (он числился незаконнорожденным, а посему отчества не имел), Иван Степанович Клыков, Николай Александрович Попов (тот самый, который целых 13 лет был городским головой), Константин Мардонович Латкин (все приписаны к купеческому сословию в 1858 году).

Впервые в Усть-Сысольске появляется целая группа купцов, переписанных из других городов. Это Василий Николаевич Иванов, перечисленный из Царевококшайска в 1849 году (он, впрочем,

жил в Усть-Сысольске недолго и уже в 1852 году выехал в город Кола Архангельской губернии), Иван Феокистович Мошков из Оренбурга, жители города Глазов Яков Григорьевич и Алексей Григорьевич Красных, приписанные к усть-сысольскому купечеству в 1852 году (причем А.Г.Красных – ко второй гильдии). Это без учета иногородних купцов, ведших в Усть-Сысольске стационарную торговлю.

Среди новых купцов стоит обратить внимание на такую примечательную личность, как Иван Назарович Забоев. Никакого отношения к прежним купцам Забоевым он не имеет. И дед его Сильвестр Иванович, и отец Назар Сильвестрович всю жизнь состояли в мещанах. Назар Сильвестрович Забоев содержал почтовую станцию. После его смерти она перешла старшему сыну Ивану. Но, вероятно, семья занималась и торговлей. В 1851 году сразу три брата – Иван, Михаил и Семен – записались в купечество по третьей гильдии. Михаил и Семен особых успехов не достигли, а вот Иван Назарович Забоев стал довольно крупным по усть-сысольским меркам предпринимателем. Он продолжал держать почтовую станцию, и в этом качестве был известен практически всем приезжающим в Усть-Сысольск, занимался поставками продовольствия, но основной доход ему приносили три питейных заведения.

Иван Назарович Забоев был хорошо знаком с М.Н.Латкиным (они были ровесниками), часто бывал в его доме, являлся ближайшим помощником М.Н.Латкина в бытность его городским головой, состоял в правлении Усть-Сысольского общественного банка, когда председателем его был все тот же М.Н.Латкин. Безусловно, влияние семьи Латкиных, и особенно Михаила Николаевича, на И.Н.Забоева было очень велико, и это особенно проявлялось в общественной деятельности.

Как и М.Н.Латкин, Иван Назарович Забоев был известен не только как предприниматель, но и как общественный деятель. О его общественном служении в органах городского и земского самоуправления уже рассказывалось. Напомним только, что в 1868–1870 годах он был городским головой. Но этим его общественная деятельность не ограничивалась. Особенно заметной была его поддержка образования. Он, к примеру, был одним из самых активных поборников открытия в Усть-Сысольске первой женской школы. И вместе с М.Н.Латкиным поддержал новую школу материально, обеспечив тем самым ее открытие. Он пожертвовал для училища свой дом, платил за отопление и освещение, принял активное участие в строительстве нового здания школы.

Будучи человеком образованным, И.Н.Забоев всем детям (а их у него было десять) дал образование. Все они выбрали свой путь в жизни. Дочери Елизавета, Антонина и Феокиста стали учительницами (Феокиста Ивановна сорок лет учительствовала в Вильгортте, Елизавета Ивановна работала в женском училище, а с 1871 по 1909 год, практически все время ее существования, была начальницей женской прогимназии, где пре-

подавала и Антонина Ивановна), сын Николай более 25 лет был бухгалтером земской управы, Степан 15 лет прослужил секретарем городской думы и стал Почетным гражданином. А вот предпринимателем никто из детей И.Н.Забоева не стал [50].

В 60–80-е годы XIX века в усть-сысольской торговле появляются новые действующие лица, положившие начало, пожалуй, последнему значительному пополнению городских купеческих семей: Федор Максимович Сычев, Матвей Акинфович Суворов, Константин Васильевич Казаков, Алексей Афанасьевич Жеребцов, Платон Александрович Комлин, Василий Петрович Оплеснин, Иван Михайлович Вежев, Аифал Кирьякович Кузьбожев, Александр Михайлович Забоев и другие. Большинство из них вели весьма активную стационарную торговлю не только в городе, но и в уезде. Некоторые и перебрались в Усть-Сысольск из сел Коми края, составив свой капитал как торгующие крестьяне (они и в Усть-Сысольске, уже став заметными торговцами, долго оставались в разряде торгующих крестьян).

Одним из самых заметных городских торговцев этого периода был Федор Максимович Сычев, выходец из крестьян Ковровского уезда Владимирской губернии. В Усть-Сысольске он поселился еще в конце 50-х годов, открыл мелочную лавочку, а уже в 1862 году состоял в купеческом сословии, вскоре «дорос» до купца второй гильдии. В 1872 году он имел в городе магазин при собственном доме и лавку в гостином ряду (на рыночной площади), где торговал мануфактурой, бакалеей, стеклянной посудой и табаком, а через десять лет Ф.М.Сычев владел тремя торговыми заведениями (магазином, лавкой и амбаром для торговли съестными припасами) с оборотом 30 тыс. рублей. Его дело унаследовал единственный сын Александр, также купец второй гильдии, имевший в конце 90-х годов магазин с мануфактурными товарами, самый большой в городе трактир, пороховой погреб и лавку с фруктами с общим оборотом 28 тыс. рублей. Понятно, что А.Ф.Сычев неоднократно избирался гласным городской думы.

Весьма заметной личностью в торговой и общественной жизни Усть-Сысольска был Александр Михайлович Забоев. Он приходится племянником Ивану Назаровичу Забоеву. Однако его отец пробыл в купечестве недолго, и Александр Михайлович начал свою торговую карьеру в 70-е годы как мещанин. Быстро развернувшись, и в 80-е годы он вышел в купечество. А.М.Забоев имел 3 амбара, в которых торговал съестными припасами и бакалеей, а затем он открыл единственный в Усть-Сысольске чайный магазин. Однако, в отличие от большинства усть-сысольских купцов, он не ограничивался торговлей, что во многом и способствовало успеху его предпринимательской деятельности. В 1883 году А.М.Забоев приобрел более 2 тыс. десятин земли (лесной дачи), став крупнейшим городским землевладельцем, завел кожевенный завод, на котором трудились 5 рабочих и производилось продукции на 7 тыс. руб-

Купец Н.Д.Оплеснин

лей в год. Был у него и свой пароход. Одним из первых местных купцов А.М.Забоев занялся лесозаготовками, сначала как поверенный крупных лесозаготовительных фирм, а затем самостоятельно, заготавливая лес в принадлежащем ему лесном массиве по р.Човью. Заготовленный лес он сплавлял в Архангельск: в 1901 году – 5,4, а в 1902 году уже 20 тыс. бревен.

О его бурной общественной деятельности уже упоминалось – он был и гласным городской думы, и городским головой (1894–1898), и гласным Усть-Сысольского земского собрания (1883–1891), и председателем земской управы (1886–1888), занимал и множество других должностей, являясь одной из самых заметных личностей в общественной жизни Усть-Сысольска конца XIX века.

Матвей Акинфович Суворов обосновался в Усть-Сысольске в 60-е годы. В начале 70-х годов он уже числился купцом второй гильдии и владел магазином и амбаром при доме и двумя лавками, торговал мануфактурными и бакалейными товарами. В это время Суворов выстроил на Набережной улице большой кирпичный дом с флигелем, что уже указывает на богатство семьи*. После его смерти дела вела вдова Людмила Николаевна, а затем сыновья Николай Матвеевич и Иван Матвеевич Суворовы, бывшие в конце XIX – начале XX веков купцами второй гильдии. Младший сын Пантелеймон Матвеевич в начале XX века владел паровой мукомольной мельницей.

Константин Васильевич Казаков, выходец из торгующих крестьян, также развернул свою торговую деятельность в 60-е годы и вскоре вышел во второгильдейские купцы. Отличительная черта его торговой деятельности в том, что Казаков был чуть ли не единственным усть-сысольским купцом, не имевшим в городе ни одного торгового заведения. Свое состояние он составил на весьма прибыльной торговле «винно-водочными

* В то время дом М.А.Суворова был единственным купеческим кирпичным домом в Усть-Сысольске (Сухановы свои дома уже продали или сдали в аренду). Следующий был построен почти через 20 лет.

изделиями». В 1890 году у него было пять винных лавок – в Усть-Куломе, Керчомье, Усть-Выми, Пожеге и Вильгорте с оборотом почти в 10 тыс. рублей. В семействе Казаковых были одни дочери, поэтому после смерти К.В.Казакова эта фамилия среди городского купечества больше не встречается.

Из торгующих крестьян, медленно, по копейке приращивающих свои капиталы, вышел и один из крупнейших усть-сысольских торговцев конца XIX – начала XX веков Василий Петрович Оплеснин. Он был приписан к Вильгортской волости, а его отец Петр Харитонович содержал в Усть-Сысольске мелочную лавочку. Василий Петрович постепенно расширил дело, стал торговать по свидетельству второго разряда. В 1872 году он уже имел в Усть-Сысольске четыре лавки, в которых торговал мануфактурными, бакалейными и колониальными товарами. Затем открыл и один из крупнейших в городе магазинов с годовым оборотом 25 тыс. рублей. В 1892 году он построил для своей многочисленной семьи большой кирпичный дом на улице Спасской, один из самых красивых в городе. И тогда же переписался в купечество по второй гильдии. Отметим следующую особенность его деятельности: он был одним из немногих купцов – крупных земельных собственников, в чьем владении находилось более 500 десятин «лесной дачи», где велись лесозаготовки (кроме него значительными наделами земли владели А.М.Забоев и семья Кузьбожевых). Кроме того, он содержал и кустарный заводик по выделке кож с годовым производством в 10 тыс. рублей.

Пожалуй, самой влиятельной купеческой семьей Усть-Сысольска конца XIX – начала XX веков была семья Комлиных. К некогда влиятельному второгильдейскому купцу Василию Ивановичу Комлину эти Комлины отношения не имеют. Основатель новой купеческой фамилии мещанин Платон Александрович Комлин в 60–70-е годы держал мелочную лавочку при доме. Но постепенно его торговое дело набирало обороты, и в 80-е годы он торговал по свидетельству второго разряда. Однако в купечество записался только на закате своей торговой карьеры, когда ему уже было за 60 лет, и то ненадолго – свой век он спокойно доживал в мещанах.

Зато его старшие сыновья Иван Платонович и Василий Платонович* с молодых лет развернули каждый свое торговое дело и вышли в крупные предприниматели, стали купцами второй гильдии. Начиная они со скупки и перепродажи продуктов питания, затем открыли в Усть-Сысольске свои бакалейные лавки, амбары по оптовой продаже хлеба, морской рыбы и других продуктов, пороховой склад. Комлины весьма активно занимались и финансовыми операциями, кооперировались с другими торговцами. И.П.Комлин даже имел свой пароход, доставлявший в Усть-Сысольск товары из Великого Устюга. В 1893 году

* И.В.Комлин родился в 1860 г., брат Василий – на четыре года моложе.

обе лавки Комлиных имели годовой оборот по 4 тыс., а в 1898 году оборот торговых заведений И.П.Комлина составлял 42 тыс., В.П.Комлина – 53 тыс. рублей.

Об участии Комлиных в общественном управлении уже рассказывалось – И.П.Комлин в 1898–1903 годах был городским головой, четыре раза избирался в городскую думу, а В.П.Комлин заседал в ней шесть сроков подряд, с 1894 по 1918 год. Старший брат к тому же занимал пост директора Усть-Сысольского общественного банка. И этим перечень общественных должностей Комлиных далеко не исчерпывается. Пожалуй, ни одно начинание в Усть-Сысольске конца XIX – начала XX веков не могло обойтись без одобрения и участия этой самой богатой городской семьи.

В начале XX века в Усть-Сысольске появляется новая форма организации торговой деятельности – так называемые «товарищества полные и на вере» (торговые дома). Это нечто вроде закрытых акционерных обществ, как правило, образованных членами одной семьи. Местным предпринимателям было с кого брать пример: иногородние торговые дома «Братья Дербеневы», «Наследники Сумкина», «Наследники Александрова» давно уже вели торговлю в Усть-Сысольске. Полные товарищи (они непосредственно вели торговые дела) и вкладчики объединяли свои капиталы и сообща занимались предпринимательской деятельностью, а прибыль, за исключением части, отчисляемой в запасной капитал, распределялась пропорционально сумме вложенного каждым членом товарищества капитала.

В 1910 году в Усть-Сысольске был зарегистрирован «Торговый дом Дмитрия Кирияковича Кузьбожева наследники» с капиталом 12 тыс. рублей, а в 1911 – «Н.Д.Оплеснин и К^о» с капиталом 8 тыс. рублей. Разумеется, они появились не на пустом месте. Оба торговых дома объединяет то, что их основателями были торгующие крестьяне, давно и прочно обосновавшиеся в Усть-Сысольске.

Основателем торговой династии Кузьбожевых был пажгинский крестьянин Кирияк Степанович Кузьбожев. Он промышлял мелочной торговлей, в 1880 году, когда ему было уже 63 года, переселился в Усть-Сысольск, выстроил дом с лавкой на Трехсвятительской улице, но в купечество записываться не стал. Зато купцами стали его сыновья Иван, Аифал и Дмитрий. В Усть-Сысольске они торговали хлебом и морской рыбой «с амбаров», Аифал завел трактир в Пажге, а Иван и Дмитрий – лавки в Пажге и Керчомье. Наибольших успехов достигли Аифал и Дмитрий, ставшие второгильдейскими купцами.

Аифал Кириякович Кузьбожев выстроил большой двухэтажный дом с лавкой на Набережной улице, где и проживал со своим многочисленным семейством (у него было 9 детей). Но главный доход ему приносила не лавка, а мукомольная мельница на 3 постава в Човской пустоши. После его смерти в 1896 году дела вела вдова Надежда Павлиновна. В начале XX века она купила

большое поместье (822 десятины) в местечке Човью, выстроила там большой дом, куда и переехало все семейство*.

Дмитрий Кирьякович Кузьбожев имел в Усть-Сысольске несколько лавок и торговых амбаров. После его смерти дело перешло к сыновьям Петру Дмитриевичу и Михаилу Дмитриевичу, которые вместе с матерью и основали торговый дом. В 1912 году на месте старого деревянного дома они построили двухэтажный кирпичный дом с магазином на первом этаже, одним из самых больших в городе. Кроме того, торговый дом имел три лавки с оборотом в 57 тыс. рублей, предприятие по закупке пушнины и дичи и пекарню, где выпекались крендели (ее оборот 6 тыс. рублей).

Второй торговый дом был основан крестьянином из Выльгортской волости Николаем Даниловичем Оплесниным, имевшим в городе двухэтажный деревянный дом и лавку, доставшиеся ему по наследству от отца Даниила Матвеевича, занявшимся городской торговлей еще в 80-е годы XIX века (на этом участке в начале улицы Трех-

святительской Н.Д.Оплеснин построил кирпичный двухэтажный дом). Его партнерами стали торгующие крестьяне К.И.Оплеснин из Выльгорта и А.И.Митюшев из Визинги. Они специализировались на «купле и продаже медных, стальных и железных изделий и прочих товаров в Усть-Сысольске и других местах». Партнеры вели активную торговлю не только в Усть-Сысольске, где у них имелись торговые амбары, но и селах Коми края [51].

В конце XIX – начале XX веков усть-сысольское купечество явно окрепло, наращивало обороты своей деятельности. В 1898 году в Усть-Сысольске было 14 купцов второй гильдии. Среди них были уже действительно богатые люди с капиталом, исчисляемым в сотнях тысяч рублей. Показательно и то, что состав купеческого сословия стал стабильнее. Кто знает, может быть, Усть-Сысольск и обрел бы со временем новых крупных предпринимателей российского масштаба. Однако в 1917 году истории усть-сысольского купечества был положен конец.

* Именно с этим поместьем связаны трагические события июня 1918 г., когда в ходе беспорядков, связанных с попыткой захватить его сторонниками большевиков, был убит председатель горземотдела Х.Ф.Кудинов. 8 сентября 1918 г. в Човью прибыл отряд М.Мандельбаума, реквизировавший у Кузьбожевых лошадей. Они пытались протестовать, и тогда престарелую Надежду Павлиновну Кузьбожеву (ей было 60 лет), ее дочь Нину Аифаловну (22 года) и внучку Ирину Макарьину (17 лет) арестовали, отвезли к д.Озел и расстреляли (см.: Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. «Черные годы». Сыктывкар, 2001. С.60–62, 113).

Глава 5. «ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ»

Трудно сегодня представить человека, не знающего, что такое школа и никогда и нигде не учившегося, – у каждого из нас были свои «школьные годы чудесные». Казалось бы, в Усть-Сысольске, а затем и в Сыктывкаре, дети всегда ходили в школу. Действительно, история городских школ насчитывает почти два столетия. Усть-Сысольску как единственному городу в Коми крае, уездному центру сам Бог велел стать и центром просвещения. И он стал им. В Коми крае только в Усть-Сысольске можно было получить среднее или начальное духовное образование, поступить в учительскую семинарию и стать учителем начальной школы.

Общественную и культурную жизнь Усть-Сысольска невозможно представить без учителей городских школ. Ведь именно школьные преподаватели составляли «костяк» интеллигенции маленького провинциального города. Без учителей не обходились ни любительские театральные постановки, ни организация библиотек (они сами и были библиотекарями), ни сбор экспонатов для первого музея, ни организация «народных чтений». Учителя были среди первых краеведов-исследователей истории и культуры Коми края. Причем никто не заставлял их заниматься культурно-просветительской деятельностью – все это делалось добровольно и безвозмездно.

Кто, например, заставлял учителя городского училища П.П.Ползунова, вовсе не историка (он преподавал русский язык), практически сразу после приезда в Усть-Сысольск в 1907 году взяться за сбор материала и подготовку книги по истории своей школы? В 1912 году его книга «История Устьсысольского городского училища» была напечатана в Усть-Сысольске. Без этой книги, в которой – вся история городского образования, сегодня немислимо писать историю городских школ.

Достаточно сказать, что большинство документов, которыми пользовался П.П.Ползунов, просто не сохранились. А ведь он имел и возможность пользоваться воспоминаниями учителей-ветеранов, преподававших еще в уездном училище – «родителе» городского. Разумеется, и наш рассказ об истории городских школ не обойдется без многочисленных ссылок на труд П.П.Ползунова.

История школ и образования в Усть-Сысольске достаточно четко делится на два периода. До 70-х годов XIX века (дореформенный период) в городе было всего несколько школ низшего типа, охватывавших незначительное число городских детей. В пореформенный период, с конца 70-х годов позапрошлого столетия, начинается рост численности учащихся, появляются школы повышенного типа, профессиональные учебные заведения. Конец XIX – начало XX веков – время, когда дореволюционные городские школы работали наиболее плодотворно (в этом большая заслуга земства) и практически каждый маленький устьсысолец мог получить образование. Этой периодизации мы и будем придерживаться в повествовании об «учащих и учащихся» Усть-Сысольска.

5.1. Первые городские школы

Став городом, Усть-Сысольск просто обязан был обзавестись учебным заведением. Школы для уездных городов были предусмотрены «Учреждениями для управления губерний» 1775 года. «Грамота на права и выгоды городам Российской Империи» 1785 года лишь подтвердила: «Предписывается в городе учредить и иметь школы на точном основании 384 статьи учреждений 7 ноября 1775 года и других изданных о том от императорского величества установлений» [1]. Однако одно дело – императорский указ, а дру-

гое – его выполнение. Все дело в том, что школы эти должны были открываться на средства города и помещаться в зданиях, «от города отведенных». А большинство новоявленных горожан «от сохи» вообще никакой пользы в учении не видели и раскошелиться на школу не желали. Так что в первые десятилетия существования города Усть-Сысольска вопрос о школах даже и не поднимался.

Отсутствие учебных заведений вовсе не значило, что в Усть-Сысольске негде было научиться писать и считать. Состоятельные устьсысольцы могли позволить себе нанимать учителей и обучать детей на дому. Известно, например, что «зырянские князьки» Сухановы еще в догородской период держали в своем доме-крепости грамотеев, учивших их отпрысков (один из них, крестьянин Семен Остапов, погиб от рук «воровских людей» при набеге 1739 года). По традиции «на дому» обучали своих детей священнослужители (впрочем, в конце XVIII века лишь немногие из числа духовенства сами имели образование, так что обучение в основном сводилось к заучиванию наизусть богослужебных текстов). Занимались прежде всего с мальчиками, которым предстояло пойти по стопам родителя.

В начале XIX века в домах чиновников и части купечества уже стало обычаем давать детям начальное домашнее образование. С ними занимались сами родители или приглашали репетиторов. Образованная петербургская девица Александра Ишимова*, оказавшаяся в начале 20-х годов XIX века в Усть-Сысольске вместе с сосланным сюда отцом, столичным адвокатом, в своих воспоминаниях (мы еще не раз будем обращаться к этому интереснейшему документу) писала, что занималась с сыном городничего, «которого маменька через несколько дней после нашего приезда прислала к нам с банкою помады (мягких конфет – М.Р.) в руках и просьбою поучить его по-французски». Девушка с удовольствием занималась с мальчиком, что позволяло ей совершенствоваться и свои знания французского языка (к тому же домашние уроки давали семье, ос-

тавшейся без средств к существованию, определенный доход). Между прочим, А.Ишимова рассказала, что в 1814 году уроками французского подрабатывали и пленные солдаты наполеоновской армии, оказавшиеся в Усть-Сысольске [2].

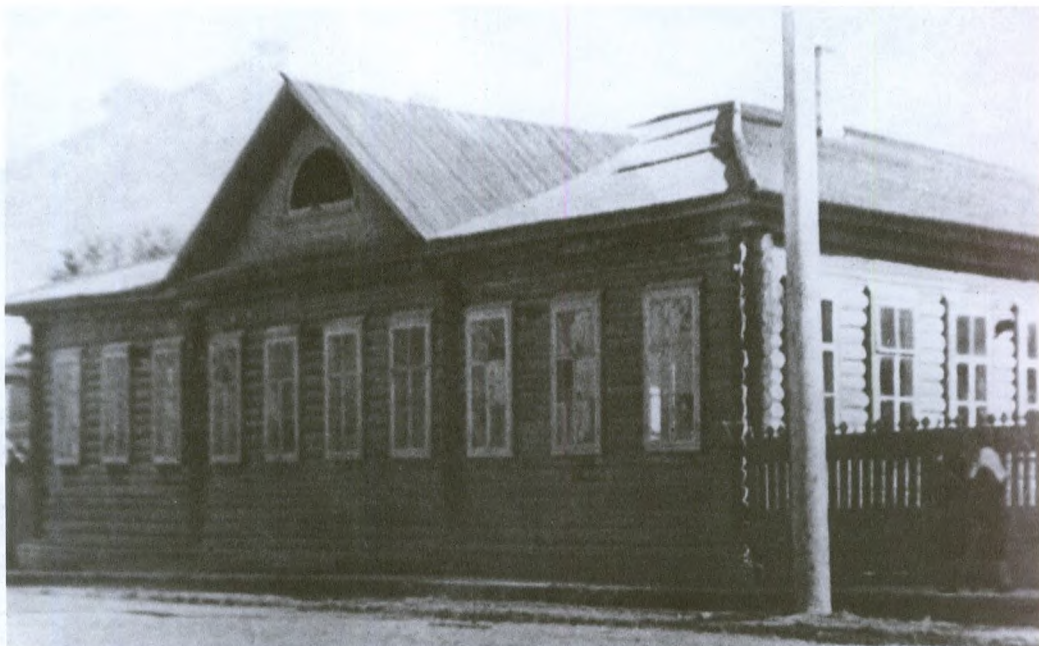
После такой «домашней подготовки» родители отправляли детей учиться в другие города – Яренск, Тотму и Вологду. Впрочем, и впоследствии, когда Усть-Сысольск уже обзавелся своими учебными заведениями, немало горожан, обладавших достаточными средствами, отправляли своих отпрысков учиться в губернский город и даже в Петербург и Москву, поскольку до начала XX века в городе не было даже средних учебных заведений. Сохранилось любопытное свидетельство учительницы Ф.И.Забоевой о том, что в Усть-Сысольске в середине XIX века существовали «домашние школы» для девочек (тогда еще женских учебных заведений в городе не было)**:

«Девочки достаточных родителей обучались у частных лиц женского пола, занимающихся обучением детей. В самом городе обучала и азбуке, чтению часослова и псалтыри старая девица в своем ветхом старом доме, дочь покойного священника Пелагея Дмитриевна..., домик был двухэтажный, вверху уже нельзя было жить, домик весь покрывился. Внизу в кухне у переднего угла был стол, вокруг которого сидели девочки 7–8-ми лет и по случаю 1 или 2 мальчика, дети родственников. Пред всеми девочками на столе лежали буквари, часословы и псалтыри. Вокруг них с указкой в руках ходила Пелагея Дмитриевна, высокая, седая, в очках, и прослушивала их отдельно каждую. Девочки читали аз, буки, веди и т.д., другие читали склады букв..., третьи ... читали часослов. А четвертые счастливицы – псалтырь. Когда девочка через год после поступления читала псалтырь, учение ее у Пелагеи Дмитриевны было кончено. Писать Пелагея Дмитриевна не умела. В кухне у печки хлопотала по хозяйству сестра Пелагея Дмитриевна Александра Дмитриевна, а в большой комнате рядом с кухней старшая их сестра Евдокия Дмитриевна перед... столом у окна сидела и шила церковные одежды... Все были девицы, жили этими своими трудами в очень небольших достатках. Учащихся было не более десяти.

* ИШИМОВА АЛЕКСАНДРА ОСИПОВНА (ИОСИФОВНА) (1804–1881) – известная детская писательница, автор многократно переиздававшейся «Истории России в рассказах для детей» (высокую оценку книги дал А.С.Пушкин в письме к автору, написанному всего за несколько часов до роковой дуэли) и многих других детских популяризаторских книг. Много и плодотворно занималась литературными переводами. В 1842–1863 гг. издавала в Петербурге лучший для того времени детский журнал «Звездочка», а также журнал «для девиц» «Лучи». В 1819–1821 гг. жила в Усть-Сысольске вместе с ссыльным отцом. Оставила обширные воспоминания, в том числе о жизни в Усть-Сысольске (фрагмент об Усть-Сысольске опубликован в журнале «Голос минувшего» в 1923 г.) В конце жизни на основе воспоминаний написала рассказ «Зырянка» (остался незавершенным), являющийся, наряду с воспоминаниями, ценнейшим источником по истории Усть-Сысольска начала XIX в. (опубликован: В дебрях Севера. Русские писатели XVIII-XIX веков о земле Коми /Сост. З.Я.Немшилова. Сыктывкар: Коми книж. изд., 1983 (1-ое изд.), 1999 (2-ое изд.).

** Воспоминания учительницы Феоктисты Ивановны Забоевой (1850–1943), дочери известного в Усть-Сысольске купца Ивана Назаровича Забоева (он был и городским головой, и гласным городской думы и Усть-Сысольского уездного собрания) являются письменными ответами на вопросы анкеты, составленной П.Дорониным в 1939 г., в ходе подготовки к празднованию 100-летия со дня рождения И.А.Куратова. Небольшой фрагмент литературно обработанного текста воспоминаний опубликован П.Дорониным в журнале «Войвыв кодзув» 1955 г. Цитируемый отрывок сохранился только в рукописи и приводится без литературной обработки. Упоминающиеся в тексте Пелагея Дмитриевна и ее сестры – дочери протоиерея Димитрия Подъякова.

Приходское училище.
Начало XX в.

Екатерина Николаевна Клячина, девица лет 35, воспитанница Петербургского института (она была дочь умершего чиновника) в домике матери своей вдовы (сестры Пелагеи Дмитриевны) в нижней комнате обучала поступающих к ней девочек, дочерей весьма достаточных родителей за хорошую плату по всем предметам, и по русскому языку, и по арифметике, и по другим предметам, и разным рукоделиям, а в верхней комнате сестра ее Любовь Николаевна, воспитанница того же института, обучала языкам французскому и немецкому, и танцам» [3].

Подобные школы наверняка существовали и раньше и даже одно время не без успеха конкурировали с городскими училищами. В 1845 году, например, штатный смотритель уездного училища пожаловался городничему, что некто Ал. Темноев, а также мещанка Катерина Сидорова, солдатская вдова Ал. Паршукова и пономарь Троицкого собора Петр Распутин «занимаются на дому обучением малолетних детей» и тем самым сокращают число учащихся в приходском и уездном училищах. Городничий порадел делу народного просвещения: вызвал к себе доморожденных педагогов и отчитал. Трое первых написали общую расписку, что впредь обучением малолетних детей заниматься не будут. Собственноручную подпись под ней поставил только Темноев, поскольку двое других «педагогов», как и почтенная Пелагея Дмитриевна, писать не умели. А пономарь Петр Распутин отписался, что он учил только двух малолетних родственников, отметив, что «учить детей родственников, имея свободное время, я весьма нахожу приличным моему званию» [4]. Справедливости ради отметим, что Петр Распутин учился в Вологодской духовной семинарии, был человеком весьма образованным, писал стихи, переводил на коми язык псалмы, так

что мог быть вполне квалифицированным преподавателем.

Первая известная нам попытка открытия городского учебного заведения относится к 1816 году. Сохранилось отношение городничего Николая Самарина в городскую думу, которую возглавлял тогда Алексей Суханов, о том, что «чиновники здешнего города желание имеют завести в здешнем городе для просвещения юношества училище. На каковой предмет чиновники соглашаются на пожертвование для заведения. А потому не благоугодно ли будет оной думе пригласить к таковому же пожертвованию и купцов здешнего города». Думе было «благоугодно»: общими усилиями чиновников и купцов собрали 654 руб. 20 коп. И обратились в вышестоящие инстанции с просьбой открыть в Усть-Сысольске государственное училище.

Однако «сверху» «городскому обществу» разъяснили, что, согласно Уставу об учебных заведениях, в уездных городах может быть открыто только приходское училище, которое должно содержаться за счет города, а уж затем по усмотрению начальства оно может быть преобразовано в штатное уездное училище. А для открытия приходского училища требовалось купить или снять дом, нанять квартиру для учителя и, конечно, платить ему жалованье. Собранной суммы на постоянные расходы для содержания училища не хватало. От новых пожертвований «городское общество» отказалось. Необходимость регулярных дотаций из городского бюджета быстро охладила пыл «отцов города», поскольку в городской казне средств, в общем-то не очень значительных, не нашлось [5].

Первую школу в Усть-Сысольске и вообще в уезде открыло не государственное ведомство народного просвещения, а церковь. Это было духовно-приходское училище при городском Троицком соборе. Такие школы создавались на основании «Начертания правил о образовании ду-

Уездное (позднее – городское, высшее начальное) училище (дом Суханова). Начало XX века

ховных училищ», Высочайше утвержденных в 1808 году. В приходских духовных училищах обучались мальчики из семей духовенства, готовящиеся к поступлению в уездные духовные училища (ближайшие из них находились в Яренске и Сольвычегодске). Принимали в приходские училища в 7–8 лет, и обучение длилось два года.

Смотрителем обычно был соборный протоиерей, а учителя назначались епархиальным начальством из числа приходских священников и выпускников Вологодской духовной семинарии. Священник, преподававший Закон Божий и церковное пение, и учитель, обучавший чтению, письму и счету, и составляли педагогический коллектив этого учебного заведения. За всю историю

училища у него было всего два смотрителя – иереи Александр Шергин и Вонифатий Кокшаров.

Считается, что училище было открыто в 1822 году. С этого года у него появился штатный смотритель – Александр Шергин, переведенный на эту должность из Сольвычегодского уездного духовного училища (с 1825 года – протоиерей Троицкого собора) [6]. Но в официальных статистических справочниках 1825 и 1833 годов наличие школ в Усть-Сысольске не отмечено, вероятно, потому, что училище числилось по духовному ведомству. Не исключено, что училище начало действовать даже раньше указанного года, поскольку уже в первой половине 20-х годов XIX века некоторые обучавшиеся в нем успели закончить

*Национальный музей РК
(дом Суханова)*

Сольвычегодское и Яренское духовные училища. По всей видимости, достаточно долгое время «подготовительное духовное училище» (так они именуется в некоторых документах) имело полуофициальный статус и было скорее не училищем, а подготовительными курсами для сыновей уездного духовенства, желавших поступить в школы более высокого ранга.

Первоначально училище ютилось в непригодном для учебного заведения помещении: двух маленьких комнатках на первом этаже колокольни Троицкого собора, рядом с духовным правлением, при входе в коридор, соединяющий колокольню с храмом, – месте шумном и многолюдном. Позднее оно было переведено в старое и весьма ветхое здание ратуши (магистрата), а после его сноса помещалось в собственном доме иерея Вонифатия Кокшарова, так что своего здания училище никогда и не имело. Многочисленностью учащихся оно никогда не отличалось. Например, в 1839 году в двух классах числилось всего 37, в 1853 – 56, в 1864 – 38 (17 – в первом классе, 21 – во втором) учеников.

Именно в этом училище в 1861-1865 годах, незадолго до его закрытия, работал учителем поэт Иван Алексеевич Куратов. Надо заметить, что на место, первоначально планировался другой выпускник Вологодской духовной семинарии. Но ни он, «ни прочие студенты, просившие об определении на вакансию учителя причетнического класса, не пожелали поступать на службу в отдаленное Усть-Сысольское духовно-приходское училище». Такой эрудированный, придерживающийся передовых взглядов учитель, как И.А.Куратов, для духовно-приходского училища – скорее исключение, чем правило. Он явно был «белой вороной» в приходской школе, вызывая раздражение и непонимание приходского духовенства. По крайней мере, смотритель училища протоиерей Вонифатий Кокшаров направил в Синод отрицательный отзыв о его работе [7].

Усть-Сысольское духовно-приходское училище просуществовало до конца 60-х годов XIX века. В 1867–1869 годах были разработаны новые штаты и уставы духовно-учебных заведений, не предусматривающие низшие духовные школы при приходях. Фактически же они были ликвидированы еще в начале 50-х годов XIX века, когда часть духовно-приходских училищ были закрыты, часть – слиты с уездными училищами, а некоторые стали просто двухлетними причетническими классами. Таковым, вероятно, и числилось бывшее Усть-Сысольское духовно-приходское училище. Оно действительно стало ненужным, поскольку появились школы, вполне его заменившие.

Основным конкурентом духовно-приходского училища стало Усть-Сысольское приходское училище, об открытии которого «городское общество» хлопотало еще в 1816 году. В июне 1835 года Городская дума «составила приговор» об организации училища. Эпохальное событие открытия первого в городе светского учебного заведения состоялось 8 сентября 1835 года. К тому

времени учебные заведения имелись в 8 из 10 «штатных» городов Вологодской губернии. В отличие от духовно-приходского, это училище должно было содержаться за счет города и находилось в ведении Министерства народного просвещения. Непосредственно его деятельность контролировалась уездным и губернским училищными советами. Принимали в училище детей «всех состояний». Обучение в нем было бесплатным.

Городская дума обязалась выделять на содержание училища 560 руб. в год, из них 150 и 100 руб. – на жалованье законоучителю и учителю, 100 руб. – на книги и учебные пособия и 210 руб. – на прочие расходы. Избранный первым попечителем купец Матвей Новоселов (он же – городской голова) «устроил среди граждан подписку», собрав еще 237 руб.30 коп. Надо сказать, что деньги на содержание училища из городской казны выделялись ежегодно, но средства эти были весьма скромные. Например, в 1839 году было выделено всего 425 руб., а в 50–60-е годы и вовсе выделялось менее 200 рублей в год (только на жалованье преподавателям и наем помещения) [8]. С такими затратами трудно было рассчитывать на процветание первого городского «очага просвещения».

В первые пять лет училище находилось в доме, пожертвованном ему все тем же Матвеем Новоселовым. Конечно, «дареному коню в зубы не смотрят», но факт остается фактом – старый купеческий дом мало подходил для школы. Выехав из дома Новоселова, перешедшего к открытому в то время уездному училищу, приходское училище и вовсе осталось бесприютным и скиталось по «наемным квартирам», снимаемым городской думой.

В конце 50-х годов XIX века оно помещалось в уже известном нам доме дочери покойного протоиерея Димитрия Подъякова Пелагеи Дмитриевны (той самой, что занималась обучением девочек, вероятно, организовав свою «домашнюю школу» после того, как из дома выехало приходское училище). В 1860 году Вологодское губернское правление обязало Усть-Сысольскую городскую думу найти для училища другое помещение, поскольку, согласно рапорту директора училищ Вологодской губернии, посетившего с инспекцией усть-сысольские школы, оно помещалось в «доме до того ветхом и близком к совершенному разрушению, что его следовало бы в отращении опасности совершенно заколотить или уничтожить». Дума попыталась возражать, утверждая, что училище «помещается в доме... довольно прочном, а не совершенно ветхом,... помещение же в нем для одноклассного приходского училища не составляет никакой тесноты, потому что училище занимает собственно под собой две довольно пространственные комнаты и сверх того третью для помещения сторожа». Но с губернским правлением особенно не поспоришь. Положение спас богатый и просвещенный купец М.Н.Латкин, занимавший в то время пост городского головы. Он нашел более пригодный для училища дом наследников мещанина Селькова и подтвердил,

что в течение трех лет будет выделять из своих средств по 40 рублей в год на его наем (такое обещание он дал в 1859 году в отношении прежнего дома училища), а, кроме того, «изъявил желание выстроить на свой счет хозяйственным образом одноэтажный деревянный дом под помещение Приходского Училища на пустопорожном месте, принадлежащем здешнему Училищу в 23 квартале под № 414 и пожертвовать оный под это Училище на вечные времена» [9]. Этот участок принадлежал не приходскому, а уездному училищу и соседствовал с домом Суханова на Покровской улице, куда оно переехало в 1850 году.

Училище было открыто на основании Устава учебных заведений 1828 года, согласно которому оно относилось к низшему типу школ – начальному народным училищам с двухгодичным сроком обучения. «Предметами учебного курса были Закон Божий, включавший краткий Катехизис (изложение православного вероучения в вопросах и ответах) и «священную историю с церковным пением», а также «чтение по книгам гражданской и церковной печати», письмо (чистописание) и «первые четыре действия арифметики». Как и во всех школах, преподавание велось только на русском языке, который большинство детей из коммун семей не знало совсем или знало очень плохо.

По штату училищу полагались два преподавателя – законоучитель-священник и учитель по всем остальным предметам. В 80-е годы XIX века их число увеличилось до трех. Первыми преподавателями училища стали протоиерей Вонифатий Кокшаров (состоял в этой должности двадцать лет, одновременно являясь смотрителем и учителем духовно-приходского училища) и пономарь Петр Богословский (преподавал до 1838 года, позднее – с 1852 до своей смерти в 1855 году – был учителем духовно-приходского училища). В 1842 году учительское место занял оберофицерский сын М.Ермолин. Историкограф городского училища П.П.Ползунов в своей книге так прокомментировал это назначение: «На место полуграмотного пономаря вступает учителем полуграмотный чиновник». Он же приводит такой факт: Кайдалов, сменивший в 1856 году Ермолина, в прошлом о представлении ему должности учителя сделал 8 грубых грамматических ошибок [10].

С преподавательскими кадрами у приходского, как и у духовно-приходского, училища всегда были проблемы, и долгое время учительские места действительно занимали случайные люди. Вряд ли тот же пономарь Богословский сам изъявил желание стать учителем. Справедливости ради заметим, что, может быть, для просвещенного педагога начала XX века он и был «полуграмотным», но по меркам первой половины XIX века назвать его таковым нельзя, поскольку Богословский закончил уездное духовное училище и низший класс Вологодской духовной семинарии. Вероятно, по этой причине он был назначен преподавателем – других-то не было.

Печальным результатом «дефицита квалифицированных преподавательских кадров» был низкий уровень преподавания и знаний учащихся, отсутствие у детей интереса к учебе. После первого же года работы училища из него «по желанию родителей и по лености» (правильнее сказать – по неуспеваемости) выбыли 18 мальчиков, т.е. ровно половина учеников. Обычным делом были пропуски уроков (к примеру, в 1869 году в среднем на каждого ученика приходилось по 90 прогулов). Директор училищ Вологодской губернии, проверявший в 1844 году работу училища, пришел к такому заключению:

«Приходское училище, состоявшее из 39 учеников, и названия учебного заведения иметь не могло, учитель их не только не знает, что значит учить, но и не умеет даже держать учеников в дисциплине. Все ученики были переспрошены мною и ни одного не сыскалось, кто бы мог порядочно читать, а писать вовсе не начинали. Это существенная причина от чего и заведение так бедно учениками и от чего в Уездном Училище такого труда стоит учить снова тому, чему они в приходском училище должны были быть подготовлены; а посему мною предписано Г.Смотрителю об удалении нынешнего учителя и о приискании надежнейшего и знающего зырянский язык» [11].

Через пять лет после открытия приходского училища в городе появилась третья школа. Это было упоминавшееся директором училищ Вологодской губернии Усть-Сысольское уездное училище. Отличительной особенностью новой школы было то, что в ней могли обучаться дети как из города, так и из уезда. Уездные училища были государственными и в обязательном порядке создавались в каждом уездном городе. Соответственно и финансировались они не из городского бюджета, а из государственной казны.

Уездное училище относилось к повышенным начальным школам и давало, по сравнению с приходским, более основательное образование. Было оно трехклассным. Помимо обязательного Закона Божия, в уездном училище изучались русский язык, чистописание, арифметика и геометрия, всеобщая и русская история, география, черчение и рисование. По штатному расписанию ему полагались штатный смотритель, законоучитель и 4 учителя-«предметника» (арифметики и геометрии, русского языка и чистописания, истории и географии, рисования и черчения).

Училище начало работу 6 февраля 1840 года. Торжественное открытие училища состоялось в марте того же года. Репортаж об этом событии напечатала газета «Вологодские губернские ведомости»:

«13-го числа минувшего Марта месяца в присутствии г.Директора Училищ Вологодской Губернии открыто в г.Усть-Сысольске Уездное Училище. Это открытие происхо-

*Учителя уездного училища
Ал. Дементьев, П.Л.Фрязиновский, А.С.Ковалев, В.А.Фалин, Н.В.Славолюбов, М.А.Смирнов, Н.Любимов*

дило следующим образом: в 11 часов утра ученики, в сопровождении г.штатного смотрителя и учителей, из училищного дома отправлись в церковь для слушания божественной литургии. По окончании ее все духовенство... сопровождаемое чиновниками и гражданами, учащими и учащимися прибыло в дом, особенно для того избранный, где по совершении молебствия с водоосвящением, торжественный акт начат чтением предписания г.Министра Нар. Просв. о разрешении открытия учебного заведения... После сего произнесена была Учителем Российского Языка приличная сему случаю речь, а законоучителем священником Георгиевским, Наставительное слово о цели, для коей поступают дети в учебное заведение..., наконец отличными учениками училища были читаны стихи и речи и по представлении Штатным Смотрителем краткого отчета о действиях по заведению, розданы г.Директором в награду детям, оказавшим отличные успехи в науках, книги, а отличившимся в чистописании печатные прописи» [12].

Государство выделило на содержание училища немалую сумму в 5,4 тыс. руб. серебром, так что, казалось бы, оно должно было жить относительно неплохо, по крайней мере в сравнении с приходским училищем. Соответственно и учителя получали побольше, чем в приходском училище: смотритель – 280, законоучитель – 133, «предметники» – по 200 руб. в год. С 1865 года, после введения новых штатных окладов, зарплата существенно возросла – у смотрителя до 500, законоучителя – до 300, учителей – до 343 рублей. Большой эту зарплату назвать никак нельзя, но она была достаточна для нормальной жизни семьи среднего достатка. Кроме зарплаты, значительных расходов требовало содержание здания училища, покупка учебников и наглядных пособий, содержание библиотеки. До 1873 года обучение в училище было бесплатным, а позднее стали взимать плату в 2 руб. в год.

Вот как раз с помещением для новой школы и возникла проблема. Первоначально под училище выделили все тот же дом Новоселова, выселив из него приходское училище. При его приеме штатный смотритель вынужден был отметить: «Училищный дом снаружи, особенно внутри, находится в ветхом и безобразном состоянии, чему причиной должно положить не иначе как время». В 1842 году Новоселову предложили «переделать» дом, а училищу пришлось временно переехать в здание, снятое в аренду у купца Латкина*. Но ревизия, проведенная в 1845 году, отметила, что и этот дом «не соответствует для своего назначения по ветхости своей, по неопрятности и по отдаленному расстоянию от центра города». К тому же, как и первое здание, это был обыкновенный жилой городской дом, малопригодный для размещения в нем школы.

* Скорее всего, это дом Михаила Семеновича Латкина, который в 1847 г. был пожертвован им «городскому обществу» и сгорел в 1850 г.

В.Е.Кичин

В феврале 1850 года авторитетная комиссия в составе директора и преподавателей училища, городского и стряпчего принимала перестроенный дом Новоселова и составила печальное заключение, что «все училищное строение находится в самом плохом состоянии, так как без значительных исправлений его невозможно никому в нем поместиться». Это решение, вероятно, подтолкнуло городские власти на скорейшее завершение начавшихся еще в 1846 году переговоров с обедневшими к тому времени Сухановыми о продаже для училища принадлежащего им каменного двухэтажного дома (первого в городе) на улице Покровской. В 1850 году он был куплен за 2285 руб., и уездное училище наконец-то обрело надежное и вполне достойное пристанище.

Казалось бы, училище не должно было испытывать проблемы с набором учеников – ведь другой подобной школы во всем уезде не было. Однако от чего оно никогда не страдало, так это от перегруженности. При открытии училища в первый класс было принято 36, во второй – 13 учеников. Третий класс всего на 7 учеников был открыт только осенью 1840 года. И за всю сорокапятилетнюю историю училища численность учащихся редко превышала первоначальную. Наиболее «урожайным» был 1876 год – 68 учеников, но ведь бывало, что, как в 1865 году, во всех трех классах обучалось всего 24 учащихся [13].

Надо иметь в виду, что в то время отношение городских и сельских обывателей к образованию весьма существенно отличалось от современного. Учитель уездного училища Евгений Кичин в середине XIX века отмечал: «В рассуждении образованности здешних граждан можно с точностью разделить их на торгующих людей и земледельцев. Первые, занимаясь торговлею, обрусели и отчасти понимают пользу грамотности, последние же все свое насущное достояние полагают в одном благоустроенном земледельстве». Причем Е.Кичин подчеркивал, что «Зыряне имеют способности к учебе» [14].

Действительно, городские обыватели вовсе не рвались отдавать своих детей в училище. Большинство мещан, будучи сами неграмотными, не понимали ценности образования, считали, что

школа лишь отрывает детей от хозяйства. Евгений Кичин знал что говорил, когда заметил, что «если и учатся ... дети таких, то только по особенному убеждению училищного начальства». В 1845 году штатный смотритель даже жаловался в городскую думу на нежелание мещан отдавать детей учиться. Дума приняла меры: «собрав у здешних мещан празднующихся детей» в количестве 8 человек, препроводила их со своим отношением к «господину смотрителю». Понятно, что толку от такой «агитации» было немного. Не имели большого успеха и уговоры училищного начальства.

Возможно, мнение большинства горожан о неважности образования было бы довольно быстро изменено, если бы училище было настоящим «лучом света в темном царстве» невежества. Но, к сожалению, по крайней мере в первое десятилетие, авторитет его был весьма невысок. Училище имело плохую материальную базу. П.П.Ползунов справедливо отмечал: «Тяжело было на первых порах училищу служить светочем среди темного зырянского люда. Ни книг, ни пособий, скверное помещение, крайне холодное, отсутствие мебели и элементарных пособий, норма учащихся из уезда, которую нельзя было превышать, – все это тормозило дело».

Были и другие серьезные проблемы. В книге П.П.Ползунова приводится уникальный документ: протокол педагогического совета училища от 11 мая 1858 года, на котором обсуждались вопросы о том, «какие меры употребить наставнику, чтобы смягчить страх к училищу у вновь поступающих» и «следует ли наказывать телесно учеников» (показательно уже то, что эти вопросы рассматривались на одном педсовете). Вот выдержка из этого протокола:

«Школа вообще и уездное училище в особенности во мнении родителей здешнего края – есть такая исправительная мера, которой с самых ранних младенческих лет пугают они воображение детей своих. Заупрямился ли ребенок или зашалпился он очень долго, отец и мать стращают его школой, обещая там и розги, и разные нечеловеческие истязания... Отверщение к школе растет вместе с летам... он знает, что это дом, в котором скучно, потому что учат, страшно, потому что бьют и секут... Здесь же на школьной скамье, отчасти оправдывается на первых же порах его нерасположение к училищу. Ученик начинает много терпеть от товарищей – старых учеников, которые любят пугнуть новичка, надавать ему различных прозвищ, изобидеть ни за что и надсмеяться над его робкими ответами».

«Это было официальное учреждение, – пишет об училище того времени П.П.Ползунов, – где учителя были начальниками, а ученики – низшими служителями. Преподаватель являлся в класс в виц-мундире с журналом под мышкой, садился за кафедру и спрашивал учеников. Задавался

следующий урок (отсюда и досюда), начиналась перемена и являлся новый начальник. Скучные по своему однообразию уроки оживлялись только наказаниями». В числе последних первенствующее место занимали такие «эффективные» способы воспитательного воздействия, как битые линейкой, таскание за волосы и порка. П.П.Ползунов приводит интересный документ, относящийся к 1849 году, в котором описывается случай, по всей вероятности, обыденный для уездного училища: при посещении урока, который проводил учитель Петр Богданов, штатный смотритель (это был уже известный нам Е.В.Кичин) «заметил у доски ученика, который стоял с растрепанными волосами и ужасно плакал», а сам преподаватель находился в «расстроенном и невежественном положении» (вероятно, попросту был пьян). Когда смотритель спросил ученика о причине слез, тот сказал, что его «прибил» учитель. Услышав такие слова, «воспитатель юношества» «пришел в такой азарт, что того же самого ученика в глазах смотрителя снова принялся таскать за волосы».

Особенно тяжело приходилось сельским детям. Средства на их содержание выделялись минимальные, жили они на частных квартирах, за которые приходилось платить родителям. Не удивительно, что, как отмечалось в одном из отчетов 1843 года, в училище «учеников по народонаселению весьма мало и многие из них настоящие нищие, иногда ходят в классы, а иногда ходят по миру за милостыней» [15].

И вновь придется напомнить, что во всех городских школах преподавание велось на русском языке, который большинство детей не знали. Это создавало огромные трудности в учебе, которые лишь немногие смогли преодолеть. Один из них – выходец из уважаемой купеческой семьи Георгий Степанович Лыткин (его братья Осип и Петр в разное время занимали пост городского головы), впоследствии ставший учителем и крупным ученым (о нем мы еще расскажем). Вот что он писал о своей учебе в приходском и уездном училищах в 1844–1848 годах:

«Непонимание церковно-славянского и русского языка вызвало во мне желание сделаться священником, чтобы потом объяснить другим то, что поется и читается в церкви; но так как в духовное училище не принимали детей податного сословия, то, ради изучения, по крайней мере, русского языка, я поступил в Усть-Сысольское приходское, затем уездное училище. И в приходском, и в уездном училищах... предметы преподавались на русском языке, нам непонятном, русскими учителями, не знавшими зырянского языка; даже наши почтенные законоучители, родом Зыряне, или не могли, или почему-то находили ненужным давать нам объяснения на родном языке. Не понимая смысла русских слов, на русском языке мы зазубривали: краткую священную историю, краткий катехизис, краткую грамматику русского языка, краткую историю всеобщую и русскую, гео-

графию и геометрию. Из 50 с лишком учившихся в приходском училище окончили в уездном только 4, из коих двое были Зыряне; остальные товарищи не вынесли непосильной работы и вышли, не кончивши курса; я же вынес ее потому только, что хотел быть учителем русского языка, чтобы потом научить других этому языку» [16].

Очевидно, что зубрежка как основной способ обучения вряд ли могла дать хороший результат. Однако не стоит винить в приверженности ей местных педагогов – подобный способ обучения в то время был общепринятым. Но вот профессиональная подготовка большинства учителей уездного училища явно была не на высоте. Обратимся к отчету об уже упоминавшейся комплексной проверки городских школ 1844 года. Выяснилось, что «при строгом испытании по всем предметам ясно обнаружилось, что по некоторым предметам г.г. учителя мало понимали сами, или слабо действовали». Хуже всего обстояло дело с историей и географией: «в 1-м классе История и География еще не преподавались под предлогом, что книг не имеют, во 2-м классе обозрение Географии не можно представить ничего хуже... в 3-м классе еще хуже... Одним словом: все передано беспорядочно, запутанно, – некоторые имена знают, но без всякого значения». В преподавании истории было «упущено главное: изъяснение событий – учили наизусть годы, а значительные даже происшествия не могли объяснить». Впрочем, выяснилось, что и арифметика преподается не лучше [17].

Первым штатным смотрителем уездного учителя (до 1847 года) был А.Ф.Попов, законоучителем – о.Михаил Георгиевский (до 1854 года), учителем математики и геометрии – Преображенский (до 1847 года), русского языка – Карталинский (недолго исполнял должность учителя в 1840 году), истории и географии – Н.Уляшенков (до 1844 года), рисования – А.Муромцев (с 1843 года, когда был введен этот предмет, до 1855 года). Эти учителя заслуживают упоминания только потому, что они были первыми, поскольку ничем иным на педагогическом поприще себя не проявили.

П.П.Ползунов отмечал, что «педагогический персонал училища не отличался развитием и даже простою грамотностью», что заставляло губернское начальство принимать меры к «самообразованию учащихся». Вообще он рисует довольно мрачную картину: «маленькое содержание, отдаленность от культурных центров, невозможные пути сообщения, отсутствие библиотек... – все это подрывало энергию... Многие из преподавателей спивались и кончали печально свою жизнь, другие же торопились уйти в другие города и попасть в более лучшие условия жизни» [18]. Слова эти во многом справедливые, но, к счастью, их нельзя отнести ко всем преподавателям. Среди них были люди очень интересные, творческие, но желавшие погрузиться в трясину обыденности и оставившие заметный след в культурной жизни не только Усть-Сысольска, но и всего Коми края.

Одним из них был Михаил Иванович Михайлов. В 1840 году девятнадцатилетний выпускник Вологодской губернской гимназии приехал в Усть-Сысольск, получив место учителя русского языка в уездном училище, где он и проработал до своей преждевременной смерти в 1853 году (он прожил всего 32 года). Наверное, он был хорошим преподавателем, раз получал благодарности за отличное знание учениками предмета (между тем именно у него учился Г.С.Лыткин, чей рассказ о преподавании в училище помещен выше). Но известность он получил не как преподаватель, а как историк-краевед. Михайлов основательно ознакомился с жизнью коми, результатом чего стал ряд статей, опубликованных им в губернских и столичных изданиях, и в том числе обширная работа «Домашний и семейный быт зырян» (опубликована в «Журнале Министерства внутренних дел» в 1852 году). Но главным его трудом стала книга «Усть-Вымь», опубликованная в нескольких номерах «Вологодских губернских ведомостей» за 1850 год и изданная в 1851 году отдельным изданием под названием «Описание Усть-Выми». Это был первый труд по средневековой истории Коми края, основанный на серьезном изучении «Жития Стефана Пермского», летописей и других источников [19].

С 1848 по 1853 год штатным смотрителем училища был Евгений Васильевич Кичин. В Усть-Сысольск тридцатилетний Е.Кичин приехал уже опытным педагогом – до этого около десяти лет он преподавал в Тотемском и Кадниковском уездных училищах. Еще в первые годы своего учительства, как и многие учителя, он «заразился» краеведением, начал публиковать свои заметки в «Вологодских губернских ведомостях», стал корреспондентом Русского Географического общества (в архиве общества сохранились более 20 его рукописей). В Усть-Сысольске он не оставил своего увлечения. В «Северной пчеле» за подписью Е.Кичина публикуются статьи «Заметки о городе Усть-Сысольске» и «Корткерос» (обе – в 1852 году), в «Вологодских губернских ведомостях» – «Братчина (зырянское обыкновение)» (1852 год) и «Об основании города Усть-Сысольска» (1853 год). Интересно, что первая статья составлена автором на основе одноименной обширной рукописи, отосланной в Русское Географическое общество в 1849 году. Эта рукопись представляла из себя ответы на распространенную среди корреспондентов общества «Программу для собирания местных этнографических сведений».

Сын Е.В.Кичина Василий Евгеньевич Кичин также связал свою судьбу с учительством. В 1863 году, после десятилетнего перерыва, он вернулся в город, где прошли его детские годы, преподавать географию и историю в уездном училище, штатным смотрителем которого когда-то был его отец. В 1866 году В.Е.Кичин уехал в Вологду, но в 1873 году вернулся, чтобы уже навсегда связать свою судьбу с Усть-Сысольском. Он «унаследовал» от отца должность штатного смотрителя уездного учителя, в каковой и проработал до 1884 года, затем был инспектором народных училищ

Усть-Сысольского уезда, преподавал в городском училище (бывшее уездное), женской прогимназии, вышел в отставку в 1906 году.

Одним из учеников В.Е.Кичина был будущий ученый и писатель Каллистрат Жаков, в своих воспоминаниях весьма иронично отозвавшийся о смотрителе училища (как, впрочем, и о других учителях). А известный писатель Ф.А.Арсеньев, в то время земский деятель и чиновник по крестьянским делам в Усть-Сысольском уезде, писал о В.Е.Кичине, рекомендованном на должность инспектора народных училищ, что он «ознакомился с зырянским языком и бытовыми потребностями туземного населения, чему свидетельством могут служить и литературные труды его, касающиеся этнографических и статистических сведений как о Вологодской губернии, так и о зырянском крае». Большинство его краеведческих очерков написаны как раз во время работы учителем в уездном училище – это и «Краткие статистические и этнографические сведения об Усть-Сысольском уезде», и «Город Кадников и его окрестности», и «Нечто об Усть-Сысольске», и «Поездка в Усть-Сысольск» [20].

Среди учителей уездного училища, занимавшихся литературным трудом и краеведением, были и уже неоднократно упоминавшийся Флегонт Арсеньевич Арсеньев, преподававший русский язык в 1858–1862 годах (к этому времени относятся его «Вести из зырянского края», «Зырянские письма» и другие сочинения), и его коллега Ф.Берг (1853–1856), которого П.П.Ползунов назвал «большим труженником и способным человеком», автор интересного этнографического очерка «Заметки о зырянах», опубликованного в 1854 году в «Вологодских губернских новостях», и Михаил Вонифатьевич Кокшаров (сын протоиерея Вонифатия Кокшарова), учитель истории и географии (он работал в училище с 1860 до своей преждевременной смерти (ему было всего 27 лет) в 1864 году), сотрудничавшего с газетой «Вологодские губернские ведомости» и Вологодским губернским статистическим комитетом.

Большинство из этих незаурядных личностей еще не раз появятся на страницах нашего повествования – и как учителя (многие ведь работали не только в уездном училище), и как авторы сочинений, без обращения к коим невозможно рассказать об истории Усть-Сысольска, обычаях и нравах горожан, и как общественные деятели, поскольку, будучи людьми активными, они не хотели ограничиваться только учительством. Именно некоторых из них связаны со следующей, весьма примечательной страницей в истории развития образования в Усть-Сысольске.

В дореформенный период в Усть-Сысольске появилась еще одна школа, причем не совсем обычная. Это было второразрядное женское училище – первая в Коми крае школа для девочек (отнесение его ко второму разряду означало, что в нем могут учиться не только дети дворян). Училище было двухклассным с двухгодичным курсом в каждом классе (итого – четырехлетним). Про-

грамма его была близка к курсу уездного училища. Дополнительно преподавалось рукоделие.

Первым идею о необходимости открытия женской школы подал не кто иной, как Евгений Кичин в бытность смотрителем уездного училища. Но первоначальное предложение об открытии училища было отклонено городской думой на том основании, что девочкам образование ни к чему. На самом-то деле «отцов города» больше смущало то, что по положению школа должна была содержаться на средства городского бюджета, а лишних денег в нем не было. Попытка собрать деньги по подписке ни к чему не привела.

Только через пять лет, в 1858 году, городская дума вернулась к рассмотрению вопроса об открытии женской школы. С такой инициативой обратились смотритель уездного училища Павел Касаткин, учитель Флегонт Арсеньев и уже неоднократно упоминавшийся купец Иван Назарович Забоев. Их поддержал протоиерей Вонифатий Кокшаров. На сей раз дума решилась на открытие женской школы, но пока «в виде опыта на четыре года».

Но убедили ее не доводы батюшки, что для подрастающих детей нужна грамотная мать, и не рассуждения уважаемых педагогов о пользе женского образования, а материальная поддержка проекта со стороны «именитого купечества». И.Н.Забоев предложил за свой счет выстроить дом для училища и три года оплачивать его отопление и освещение. Один из самых богатых и просвещенных купцов Василий Николаевич Латкин и жена его брата Михаила Николаевича Латкина, не менее известного предпринимателя, Прасковья Андреевна обязались ежегодно вносить на содержание училища соответственно 100 и 40 рублей. «Городское общество» согласилось добавить еще 100 рублей. Этого было более чем достаточно для содержания новой школы. Дело в том, что благородную инициативу проявили учителя уездного училища – они согласились преподавать бесплатно.

Училище торжественно открылось 8 сентября 1858 года. Всего в училище было принято 43 девочки, в том числе 7 из дворянских семей, 9 из семейств духовенства, 7 из купеческих и 20 из мещанских семей. Попечительницей стала П.А.Латкина, а почетным блюстителем – В.Н.Латкин. В штате были всего два человека – надзиратель и ее помощница. Интересно, что на эти должности были приняты уже известные нам «педагоги-надомники» Е.Н.Клячина и П.Д.Подъякова. Учителя-предметники были из уездного училища. Законоучителем стал протоиерей Вонифатий Кокшаров, и тоже безвозмездно. Первоначально училище помещалось в доме И.Н.Забоева, а в сентябре 1859 года переехало в отстроенный им училищный дом, находившийся рядом с уездным училищем [21].

Таким образом, в середине XIX века во всех школах города обучалось примерно 160–170 детей, что значительно меньше половины городских детей школьного возраста. Очевидно, что говорить о том, что просвещение пустило глубокие

Первый класс городского училища

корни в усть-сысольскую почву, не приходится. В 1864 году среди горожан насчитывалось 59 «лиц, окончивших курс высших и средних учебных заведений» (из них 51 мужчина), 91 – «окончивших курс в уездном училище» и 2646 неграмотных [22].

5.2. От училищ до гимназий

Реформы 60–70-х годов XIX века самым благоприятным образом сказались на развитии образования в Коми крае в целом и в Усть-Сысольске в частности. Было реформирована и сама система образования. В 1864 году было издано «Положение о начальных народных училищах», упорядочившее систему начального образования. Для «руководства и надзора за учебно-воспитательной работой начальных школ» создавались губернские и уездные училищные советы (в последний входили и представители городской думы). В том же 1864 году появился и «Устав гимназий и прогимназий», учреждавший прогимназии и разрешавший обучение в этих учебных заведениях лиц всех сословий.

Отрадные изменения проявились не столько в росте числа школ (вначале оно даже уменьшилось – закрылось духовно-приходское училище), сколько в повышении их «качества» (появляются школы повышенного типа, профессиональные учебные заведения), развитии материальной базы образования, улучшении качества преподавания и росте численности учащихся. В определенной степени этому способствовало то, что, как уже отмечалось, существенно увеличились средства на развитие образования, выделяемые городской думой из бюджета города. Так, в 1870 году расходы по статье «содержание учебных, благотворительных и других общепользованных уч-

реждений»* составили 300 руб., в 1880 году – 634 руб.60 коп., в 1890 году – 1162 рубля. В 1900 году по статье «народное образование» было израсходовано 1232 руб. 80 коп., в 1914 году – 1879 рублей 60 копеек.

Причем теперь городская дума выделяла деньги не только на содержание школ и ремонт школьных зданий, но и на многое другое. Для примера обратимся к бюджету 1914 года: на содержание городских школ было выделено 127 руб. 60 коп., на пособия церковно-приходским школам – 198 руб., на пособия на содержание казенных школ – 728 руб., на ремонт школьных зданий – 100 руб., на пособия и награды учителям и учащимся – 68 руб., на стипендии и оплату обучения бедных учеников – 500 руб., на приобретение одежды и обуви для бедных учеников приходского училища – 10 руб., на «общие меры по распространению образования среди городского населения» (содержание городской общедоступной библиотеки) – 148 рубля [23].

Однако надо отметить, что удельный вес расходов на образование в структуре городского бюджета в течение всего этого времени почти не менялся и составлял 9–12%. Городская дума смогла увеличить число расходных статей на образование только за счет снижения удельного веса трат на содержание городских школ. Но сами школы от этого нисколько не пострадали. Дело в том, что с первых же лет своего существования финансовую поддержку городским школам стало оказывать Усть-Сысольское уездное земство.

* Все расходы по этой статье шли на содержание городских школ, за исключением небольшой суммы (7–10 руб.), в обязательном порядке отчисляемой в «пособие заведениям Вологодского Приказа общественного призрения».

Преподаватели и ученики городского училища. 1902 г.

Общую сумму назвать сложно, поскольку в земском бюджете расходы на финансирование городских школ отдельной строкой не выделялись (основные расходы шли на содержание земских школ в уезде, число которых возросло с 16 в 1884 до 113 в 1914 году). Но, как мы увидим, пособия от земства получали все усть-сысольские школы, вне зависимости от того, были ли они городскими или казенными. Причем эти пособия всегда были больше, чем средства, выделяемые из городского бюджета (если, конечно, они вообще выделялись, поскольку город финансировал далеко не все усть-сысольские учебные заведения).

Возьмем, к примеру, старейшую низшую школу Усть-Сысольска – приходское училище. В 1875 году, например, на его содержание из городской казны было выделено всего 185 руб., а «ново-рожденное» земство добавило 305 рублей. Начиная с 80-х годов сумма, выделяемая из городского бюджета, стала понемногу расти, достигнув к 1885 году 300, а к 1890 году – 452 руб. (из них 60 руб. – на ремонт). В 1897 году на содержание приходского училища было выделено 444 руб. 80 коп. (дополнительно – 20 руб. на ремонт здания), т.е. примерно столько же, сколько в первые годы его существования. И примерно такую же сумму ежегодно выделяло земство. К примеру, в 1883 году бюджет приходского училища составлял 690 руб., из них 316 руб. выделил город, 374 – земство, в 1886 году он возрос до 845 рублей,

из них 419 были «городскими», 426 – «земскими». Земство выделяло средства на зарплату и наем квартиры учителям, и эти средства позволили существенно увеличить жалование преподавателей. Так, жалование законоучителя составляло 105, учителя – 250 рублей в год (не считая доплат за заведование и выслугу лет), из них город платил соответственно 45 и 100 рублей, а остальное доплачивало земство [24]. И это в школе, в которой учились только городские дети.

В 70-е годы XIX века училище помещалось в «общественном деревянном доме, довольно холодном» (возможно, построенным М.Н.Латки-

Урок физики в городском училище. 1909 г.

Занятия гимнастикой в городском училище

ным), но в начале 80-х годов оно вынуждено было перебраться на второй этаж «наемного дома», пока на городские средства для него не было выстроено деревянное одноэтажное здание на каменном фундаменте на Набережной улице (11 квартал, плановые места № 179, 180), где училище благополучно дожило до 1917 года. Этот небольшой дом вполне удовлетворял бы потребности училища, если бы в нем, как и раньше, обучалось 40–50 учеников. Но училище, оставаясь одноклассным, стало трехгодичным. Соответственно и число учеников стало быстро расти. В 1875 году их было 63, в 1886 – 78, в 1905 – 126 и в 1910 – 131. Один учитель «общих предметов» с таким количеством учащихся справиться не мог. На помощь пришло земство. В 1874 году оно, учитывая, что «при подобной многочисленности учащихся, в добавок поступающих в школу, в большинстве совершенно не зная русской речи, физически невозможно одному учителю вести обучение надлежащим образом, и притом еще за столь скудное вознаграждение», приняло решение увеличить зарплату законоучителю и учителю, а также нанять второго учителя (пришлось и городской думе выделить средства на жалованье второго учителя) [25].

В конце XIX века в Усть-Сысольске появилось еще несколько низших школ, что позволило приобщить хотя бы к элементарному образованию детей самых бедных слоев горожан. В 1874 году земская управа предложила открыть женскую школу в местечке Нижний Конец (современное Тентюково), однако земское собрание предложение отклонило, ссылаясь на нехватку средств. Вторая попытка, предпринятая в 1878 году, так-

же оказалась неудачной, и только в 1881 году земство согласилось открыть в Нижнем Конце мужское приходское училище. В 1882 году «бесконечно проектируемое училище» было открыто. Оно помещалось в наемном доме и полностью финансировалось земством.

Однако эта школа просуществовала недолго. В 1887 году она была реорганизована в двухклассную церковноприходскую школу (открылась в 1888 году) под патронажем Стефано-Прокопьевского братства. В это время в ней обучались 57 мальчиков и 6 девочек. Здание школы было выстроено на городские средства, а основную финансовую нагрузку по его содержанию приняло на себя земство. Эта школа интересна тем, что, наряду с общеобразовательными предметами, в ней преподавались основы сельского хозяйства. У школы были опытный земельный участок, огород, необходимые для обучения сельскохозяйственные орудия. Соответственно и финансировалась она намного лучше других церковноприходских школ.

К сожалению, эта школа, очень нужная для отдаленного местечка, где было более 300 детей школьного возраста, просуществовала недолго. В 1903 году ее пришлось закрыть из-за нехватки средств и малочисленности учащихся во втором классе (большинство после первого класса поступало в городское училище). Но школа не умерла – вскоре она была восстановлена как школа грамоты, а позднее опять стала церковноприходской, но уже без «профессиональной подготовки». В 1909 году для нее было выстроено второе школьное здание. В 1912 году в Нижнем Конце открылась еще одна школа.

В 1903 году было открыто Усть-Сысольское женское приходское училище, помещавшееся в доме священника Николая Шайтанова. В штате его состояли три учительницы. Уже в 1905 году состоялся первый выпуск училища – семь человек. Интересно, что девочек обучали и рукоделию – вязанию, вышивке крестом и гладью, кройке и шитью, изготовлению выкроек и тому подобному. В 1910 году в местечке Кируль начала работать еще одна мужская церковноприходская школа [26].

Благоприятные изменения коснулись и основной городской школы – уездного училища, и связаны они опять же с деятельностью земства. В октябре 1879 года Усть-Сысольским уездным земским собранием был рассмотрен вопрос о необходимости преобразования уездного училища в городское. Дело в том, что городские училища, введенные по Положению от 31 мая 1872 года, давали повышенное начальное образование по более широкой программе. Они были трехклассными с шестилетним обучением, с более обширной программой (в частности, в них преподавались «новые» (современные иностранные) языки, естествознание и гимнастика). При городских училищах устраивались педагогические курсы, дававшие право окончившим их преподавать в начальных училищах или поступать в учительский институт. Причем, хотя училища и именовались городскими, учиться в них могли, как и в уездных, и сельские дети.

Проблема заключалась не в том, преобразовать ли уездное училище в городское – вопрос о преобразовании уже был решен на губернском уровне, а в том, каким оно будет – двух- или трехклассным. Директор народных училищ Вологодской губернии был не против открытия третьего класса, но «в том лишь случае, если из местных источников будет назначена постоянная дополнительная сумма на содержание училища в количестве 925 руб.» (по положению, на содержание трехклассного училища требовалось 3325, а государство выделяло только 2400 рублей). Земское собрание предложило совместно с городской думой «перебросить» средства, выделяемые на содержание приходского училища, на содержание городского училища.

Однако ровно через год земское собрание постановило просить губернское начальство о приостановлении преобразования уездного училища в городское. Оно опасалось, что открытие городского училища приведет к ликвидации сразу двух школ – женской прогимназии (преобразована из второразрядного училища) и приходского училища, и, соответственно, к значительному сокращению численности учеников. Прогимназия своих штатных учителей не имела – в ней преподавали учителя уездного училища. И с открытием городского училища она лишалась «необходимого персонала преподавателей, так как, по незначительности средств, коими она ныне располагает, совершенно не может содержать самостоятельный штат преподавателей». А приходское училище пришлось бы закрыть из-за отсутствия желающих поступать в него – было выгоднее сразу идти в

городское училище, куда принимали с семи лет. Да и средств на содержание приходского училища не осталось бы, даже если бы и нашлись желающие в нем учиться [27].

Все эти сомнения были счастливо разрешены только через пять лет. 1 июля 1885 года Усть-Сысольское уездное училище было преобразовано в двухклассное городское. С 1 января 1896 года оно стало трехклассным, а с 1 июля 1905 года – четырехклассным. Училище содержалось в основном за счет государственных средств, но, разумеется, не обошлось без финансовой помощи земства. В частности, только за счет выделенных земством сумм стало возможным открытие третьего класса. Земство также хлопотало об открытии ремесленного класса и готово было выделить соответствующие средства, но разрешения не получило. Взамен его в 1897 году был открыт класс ручного труда по столярному мастерству, для которого рядом с училищем было построено отдельное здание.

За обучение в училище надо было платить 2, а с 1902 года – 4 рубля в год. Плата за обучение была не такой уж и большой, и тем не менее, вероятно, необходимость платить и позволила сохранить приходское училище, поскольку малоимущие горожане предпочитали давать элементарное образование своим детям бесплатно. Справедливости ради надо заметить, что для поддержки сельских детей, желающих обучаться в училище, земство выделяло пособия. Например, в 1895 году было принято решение выделить 15 пособий по 40 руб. вновь поступающим в училище мальчикам из бедных крестьянских семей, а в 1897 году число пособий было увеличено до 28 – по числу волостей в уезде. Городская дума также выделяла небольшие пособия для нескольких бедных учеников из мещанских семей. В общей сложности пособия получали до четверти всех учеников городского училища.

Конечно, городское училище вносило свой вклад в дело образования сельского населения, но, как отмечалось в одном из земских документов 1906 года, «дороговизна содержания в городе, громадность расстояний, примитивные пути сообщения для большинства населения делают получение образования даже и в городском училище малодоступным». Да и учиться в городе сельским детям было тяжело. На земскую стипендию прожить было можно, но «без излишеств», и то, если не платить за квартиру. В 1894 году по ходатайству заведующего училищем А.Н.Малышева земское собрание выделило 600, а в следующем году – еще 400 рублей на постройку общежития для сельских детей. Однако большинство «земских стипендиатов» снимали углы в мещанских домах. Некоторым мальчикам «везло» – они устраивались на квартиру бесплатно, но за это должны были батрачить на хозяев: колоть дрова, топить печи, носить воду, работать на огороде и так далее. Единственной «платой» были перепадавшие им остатки еды с хозяйского стола. Ученики старших классов частенько подрабатывали тем, что пилили дрова для учреждений и частных лиц [28].

Учителя городского училища
А.Одинцов, И.А.Наумов, И.А.Кашин, А.Н.Мальшев, И.М.Крушинин, И.К.Макарьин, П.В.Галанин, А.А.Иванов,
М.З.Аранович

Стоят слева направо: учитель городского училища Я.С.Курбатов, учитель-инспектор городского училища М.Н.Рейтенборд, учитель городского училища М.Ф.Лебедев. Сидят: учитель городского училища П.П.Ползунов, инспектор народных училищ М.П.Успасский, директор С.А.Лосев, законоучитель городского училища о. А.Еремеевский, инспектор народных училищ Офицеров, врач В.А.Шмелев. 1909 г.

Первоначально перемена статуса училища не привела к значительному росту численности учеников: на момент открытия их было 40. Но впоследствии учащихся стало значительно больше – доходило до 180 человек. После повышения платы за обучение и открытия мужской прогимназии число учеников несколько уменьшилось: например, в 1904 году их было 122, в 1910 – 138. Более 90% учеников были коми. Однако далеко не все заканчивали полный курс обучения. Всего с 1885 по 1911 год училище закончили 295 человек, т.е. в среднем по 10 человек в год [29].

Новое городское учебное заведение унаследовало здание, имущество, учеников и учителей, а вместе с ними и проблемы уездного училища. Само здание, например, нуждалось в срочном ремонте. Дому Сухановых исполнилось уже 70 лет, причем за то время, когда в нем помещалось уездное училище, его ни разу серьезно не ремонтировали. Некогда лучший дом в городе заметно обветшал: подгнили балки перекрытия, проржавела крыша, просел потолок, и в одном из классов его даже пришлось подпирать бревном, чтобы он не рухнул на головы бедных учеников. Здание немного привели в порядок, но капитальный ремонт за отсутствием средств так и не был сделан.

И все же городское училище, по сравнению с уездным, разительно отличалось в лучшую сторону. Училище было относительно хорошо обеспечено учебными пособиями и учебниками, которые выдавались бесплатно. При нем была весьма солидная библиотека, делившаяся на две части – фундаментальную и ученическую (учебники). Если в 1888 году в фундаментальной библиотеке насчитывалось 1660, в ученической – 432 тома, то в 1909 году – соответственно 3157 и 1177 томов. Для библиотеки ежегодно выписывалось более десяти периодических изданий.

П.П.Ползунов справедливо отмечал, что «повысился образовательный уровень учителей. Преподаватели стали назначаться со специальной педагогической подготовкой учительского института». Действительно, в конце XIX – начале XX веков практически все учителя имели специ-

альную подготовку. Среди них были выпускники Петербургского учительского института, Тотемской, Вытегорской и Петрозаводской учительских семинарий, Московского Николаевского института, Вологодской духовной семинарии, Строгановского художественно-промышленного училища.

В разные годы училище возглавляли опытные педагоги П.Ф.Казанский (1885–1892), А.Н.Малышев* (в 1889–1892 – учитель, в 1893–1903 – инспектор), И.К.Чиркин (1904–1905), М.Н.Рейтенборд (1906–1909), Я.С.Курбатов (1910–1912). Не имея возможности перечислить всех учителей, отметим, что среди них было немало опытных педагогов, не ограничивавшихся только исполнением своих непосредственных учительских обязанностей. Вспомним хотя бы уже упоминавшегося П.П.Ползунова, выпускника Вытегорской учительской семинарии (начал преподавать в 1907 году), написавшего книгу об истории училища. С 1896 года в училище работал выпускник Тотемской учительской семинарии, уроженец Усть-Сысольска А.А.Цембер, активно занимавшийся краеведением, один из организаторов первого музея, составитель первых сборников коми фольклора (о нем мы еще неоднократно вспомним) [30].

Весьма показательно, что школьная жизнь не ограничивалась рамками учебных занятий. С 1894 года по инициативе совета училища в нем устраивались народные чтения с показом «туманных картин», причем в чтении лекций и показе картин участвовали как учителя, так и ученики (в 1907 году, например, была прочитана 31 лекция, которые посетили 2700 человек). По существу, это были не только лекции, но и маленькие концерты, поскольку на них выступал и хор учеников

* В Сыктывкаре есть улица Малышева. Она названа в честь сына учителя А.Н.Малышева уроженца Усть-Сысольска Вячеслава Александровича Малышева (1902–1957), крупного организатора промышленности СССР, с 1939 по 1956 гг. возглавлявшего промышленные наркоматы (министерства) (в годы Великой Отечественной войны был наркомом танковой промышленности), Героя Социалистического Труда, дважды лауреата Сталинской премии.

училища. Надо заметить, что учителя вообще очень активно занимались просветительской работой. Лекции с «туманными картинками», организованные комиссией из городских учителей (ее председателем был М.Н.Рейтенборд), регулярно читались в Народном доме и для заключенных городской тюрьмы. Эта же комиссия занималась организацией народных чтений в уезде, причем в большинстве случаев учителя «не только читали, но и переводили на зырянский язык».

В училище проводились торжественные акции, связанные с памятными событиями российской истории, вечера, посвященные памяти писателей. Так, в 1902 году на вечере памяти В.А.Жуковского, приуроченном к 50-й годовщине смерти поэта, «по прочтении краткой биографии учащимся было разъяснено значение почившего писателя в отечественной литературе и истории и были прочтены некоторые его произведения», а затем розданы листки с его биографией и портреты; в 1909 году состоялся праздничный вечер по случаю 100-летия со дня рождения Н.В.Гоголя (в программе – лекция о творчестве писателя, чтение отрывков из его произведений, пение украинских песен). Проводились и «детские утра», на которые приглашались дети из других школ, с чтением стихов, постановкой пьесок, хоровым пением. Как-то раз детьми даже была поставлена пьеса «Жизнь за царя» в четырех действиях. А еще устраивались «праздники древонасаждения» – дети вместе с учителями сажали деревья и кустарники около школы и в городском саду. А вот «вечеров отдыха» с танцами не было – как-то не принято это было при раздельном обучении юношей и девиц.

Несомненно, авторитет Усть-Сысольского городского училища, по сравнению с первой половиной XIX века, значительно возрос. Оно было на хорошем счету и у губернского начальства. В 1909 году, например, директор народных училищ Вологодской губернии отметил:

«Если бы меня спросили, какое место по учебно-воспитательной постановке я отвожу Усть-Сысольскому городскому училищу среди всех училищ этого типа в Вологодской дирекции, я ответил бы: второе (первое – Тотемское). Очевидно, что педагогический персонал училища ведет учебное дело с выдающимся и неослабным усердием» [31].

В начале XX века училище претерпело последнюю реорганизацию. В 1912 году было принято Положение о высших начальных училищах. Эти училища с 4-годичным сроком обучения давали законченное начальное образование, и, в отличие от городских, в них принимали детей, которые уже прошли обучение в низших школах. Выпускники высших начальных училищ могли поступать в гимназии, средние технические учебные заведения, учительские семинарии и институты.

В том же 1912 году в Усть-Сысольском уезде два училища – Усть-Сысольское и Ношульское – были преобразованы в высшие начальные. Ка-

ких-либо принципиальных изменений в жизни училища не произошло. Здание, оборудование, учителя – все осталось прежним. Директором нового училища автоматически остался Я.С.Курбатов. В связи с повышением возраста приема в училище несколько понизилась численность учащихся – в 1912 году их было 112, в 1913 – 127, а в 1916 – 117. Усть-Сысольское высшее начальное училище благополучно дожило до 1918 года [32].

Не менее серьезные изменения произошли и в жизни другого «долгожителя» городского образования – женского второразрядного училища. Его первым коснулись реформы в образовании, проведенные в 60–70-е годы XIX века. Уже в 1860 году было принято новое «Положение о женских училищах Министерства народного просвещения», согласно которому были образованы попечительный и педагогический советы, которые теперь и руководили школой. Как уже упоминалось, в 1864 году, согласно «Уставу гимназий и прогимназий», начали создаваться новые учебные заведения – прогимназии. В мае 1870 года было принято «Положение о женских гимназиях и прогимназиях», а уже в ноябре того же года по предложению попечительного совета Усть-Сысольское женское второразрядное училище стало прогимназией*. Женская прогимназия более тридцати лет была единственным неполным средним учебным заведением в Усть-Сысольском уезде.

Курс прогимназии соответствовал четырем классам классической гимназии. Принимали в прогимназию детей всех сословий, а окончившие ее курс могли поступать в пятый класс классической гимназии. В качестве основных предметов фигурировали русский язык, арифметика, геометрия, история, география, чистописание, Закон Божий и рукоделие. Как дополнительные могли преподаваться новые (немецкий, французский и английский) и классические (древнегреческий и латинь) языки, рисование, педагогика, но в Усть-Сысольской женской прогимназии из-за нехватки учителей преподавались только основные предметы. В прогимназии были подготовительный класс с младшим, средним и старшим отделениями и одногодичные первый, второй и третий классы. Таким образом, полный срок обучения в прогимназии составлял шесть лет, но наиболее подготовленных девочек принимали сразу в первый класс, и они могли закончить прогимназию за три года. В 1900 году прогимназия стала четырехклассной с сохранением подготовительного класса [33].

Обучение было платным, но вначале плата была небольшой (1–3 рубля в год), а девиц из малоимущих семей и от нее освобождали. Однако с 1902 года она стала составлять 7 рублей в год, что уже являлось довольно существенной суммой, особенно для крестьян. Земское собрание 1903 года отмечало, что увеличение платы «обременительно для местного населения», пре-

* Занятия в прогимназии начались в 1871 г., поэтому в ряде документов именно этот год указывается как год ее открытия.

граждает доступ в прогимназию «большинству... малосостоятельных крестьян уезда». Так что в прогимназии в основном учились городские девочки. Например, в 1890 году 18,6% учениц были дочерьми дворян и чиновников, 7,5% – духовенства, 6,7% – купцов, 54,5% – мещан и 12,7% – крестьян.

Первоначально «по наследству» от училища к прогимназии перешли всего около 30 учениц, но уже в 1872 году в ней обучались 60 девочек в возрасте от 8 до 16 лет. Может быть, это не так уж и много (вдвое меньше, чем в городском училище), но надо иметь в виду, что в то время прогимназия была «единственным самостоятельным женским заведением в городе и уезде, где число учащихся девочек больше, чем во всех училищах уезда, вместе взятых». Однако расширение подготовительного отделения и введение четвертого класса закономерно привели к значительному росту числа учениц. В конце XIX века оно превышало 100, а в начале XX века – 250 человек [34].

Преобразование училища в прогимназию, кроме всего прочего, было выгодно и тем, что на содержание последней выделялись государственные средства. Прогимназия получала из государственной казны 785 рублей, и еще 315 (с 1890 года – 400) рублей ей выделялось из городского бюджета. Но набирающейся суммы в 1100 руб. (а в иные и годы и больше – до 1260 рублей) не хватало. Как обычно, на помощь пришло земство, с 1873 года выделявшее пособие на содержание женской школы (в зависимости от финансовых возможностей земства оно изменялось от 100 до 400 рублей ежегодно). Набиралась сумма не очень большая, по сравнению с бюджетом городского училища, но все же значительно превышавшая ту, что ранее выделялась городом на содержание училища для девочек.

С увеличением вдвое численности учениц и срока обучения старое здание училища уже не могло удовлетворить потребности прогимназии. В 1875 году попечительный совет приобрел плановые места № 367, 368 в 20 квартале на углу Покровской и Троицкой улиц, но на постройку «училищного строения» у него денег не было. Пришлось опять обращаться за помощью к земству. Оно, конечно, помогло, но вместо денег сперва предложило передать стройматериалы, заготовленные для постройки больницы. Попечительный совет от этого «щедрого дара» отказался (материалы находились не в лучшем состоянии), ссылаясь на то, что он «не столько нуждается в материалах для постройки здания, которые частью уже заготовлены, сколько в деньгах» [35]. Пришлось земству выделять денежное пособие на строительство нового здания. Раскошенилась и городская дума. Уже в 1876 году был построен вместительный одноэтажный деревянный дом с четырьмя помещениями. Много позднее, в 1900 году, в связи с открытием четвертого класса, рядом с ним был выстроен еще один дом-близнец, соединенный с первым коридором.

Пожалуй, вначале самой большой проблемой для новой прогимназии была кадровая. Еще в

1868 году, в училищные времена, преподаватели уездного училища отказались преподавать бесплатно, и женской школе грозило закрытие. Положение спасла уже упоминавшаяся купеческая семья Забоевых. Иван Назарович Забоев подтвердил свое обещание платить за отопление и освещение училищного дома (и слово свое сдержал), а его старшая дочь Елизавета Ивановна, выпускница Архангельского перворазрядного женского училища, стала бесплатно исполнять обязанности надзирательницы (директора) и учителя чистописания и рукоделия.

Преобразование в прогимназию позволило изыскать средства на оплату труда педагогов. Первой и единственной начальницей прогимназии стала все та же Елизавета Ивановна Забоева, занимавшая эту должность до 1909 года. Ее сестра Антонина Ивановна с 1885 года преподавала математику и долгое время была секретарем педагогического совета. Жена брата Николая, бухгалтера земской управы, Анна Платоновна Забоева преподавала историю и географию. Если учесть, что младшая сестра Елизаветы Ивановны и Антонины Ивановны Феоктиста Ивановна тоже стала учительницей и сорок лет учила детей в селе Вильгорт, то получается целая педагогическая династия [36].

Но полностью самостоятельным штатом преподавателей прогимназия так и не обзавелась – средств не хватало. Большую часть преподавателей по-прежнему составляли учителя уездного училища, только теперь они подрабатывали на платной основе. Как уже упоминалось, с преобразованием в 1885 году уездного училища в городское возникла опасность того, что прогимназия может остаться без необходимого штата преподавателей. И вновь положение спасло земство, обязавшееся с 1885 года выделять на содержание прогимназии по 750 рублей в год (оно запросило еще и помощь губернского земства, но получило отказ). Штат преподавателей в основном был комплектован учительницами-женщинами, и все же не обошлось и без нескольких совместителей из городского училища.

Через сорок лет после открытия прогимназия стала первым в Коми крае светским средним учебным заведением. В мае 1909 года руководство Санкт-Петербургского учебного округа решило на базе прогимназии открыть Усть-Сысольскую женскую гимназию. Официальное открытие гимназии состоялось 31 июля 1909 года. Педагогический совет гимназии обратился с ходатайством о принятии нового учебного заведения под покровительство императрицы Александры Федоровны и получил в начале 1910 года ответ: «Государь Император... 17-го сего февраля Всемилостивейше соизволил на принятие Устьсысольской женской гимназии под Августейшее ее императорского Величества Государыни императрицы Александры Федоровны Покровительством, с присвоением означенной гимназии наименования Александринской».

Александринская гимназия вначале была шестиклассной, но уже в 1910 году открылся VII

Женская прогимназия

класс. А в 1911 году добавился дополнительный VIII класс для желающих получить звание «домашней учительницы». Разумеется, расширился и набор изучаемых предметов – добавились иностранные языки (немецкий и французский), физика, алгебра, естествоведение, рисование и пение, а в VIII классе – еще и педагогика и методика преподавания. Соответственно увеличилось и число преподавателей. Основу педагогического коллектива составляли штатные преподаватели-женщины, большинство из которых работали еще в прогимназии. Например, в 1912 году русский язык и чистописание преподавала О.М.Фрязиновская, арифметику – А.И.Зубова, историю и географию – А.И.Лыткина, французский язык – А.И.Соколова, немецкий язык – Э.М.Юрак (Галахова), рукоделие – А.В.Борштак, учительницей подготовительного отделения состояла А.М.Харьюзова, классными надзирательницами – А.П.За-

боева, М.Ю.Зубова, Ф.П.Виноградова, Н.С.Соборская. По совместительству в гимназии работали преподаватели городского (затем – высшего начального) училища и мужской прогимназии выпускники Санкт-Петербургского университета М.В.Галахов (русская словесность и история), С.М.Каленик (физика, алгебра и геометрия), М.Ф.Лебедев (естествоведение), выпускник Строгановского промышленно-художественного училища А.Н.Поросятников (рисование). Закон Божий и пение, как и во всех школах, преподавали клирики городского Троицкого собора.

Несмотря на увеличение числа классов, численность учащихся выросла не очень значительно – в 1914 году их было немногим более 300. В определенной степени это было связано с тем, что плата за обучение в гимназии была значительно выше, чем в прогимназии – до 30 рублей в год. Но при этом гимназия оставалась мещанс-

Женская прогимназия

*Александринская
женская гимназия.
Начало XX века*

ко-крестьянской – дети из семей этих сословий составляли более 70% учениц. Надо иметь в виду, что около 15% учениц из малоимущих семей освобождались от платы за обучение, а еще около 20 учениц получали различные стипендии (в основном от земства), позволявшие не только оплатить обучение, но и, пусть и небогато, жить в городе во время учебы. Городское общество и земство оказывали и другую посильную помощь малоимущим воспитанницам. Еще в 1902 году было образовано Общество вспомоществования нуждающимся учащимся, при гимназии было общежитие (правда, в первые годы не очень комфортное, в частном доме, зато до 1914 года бесплатное), где за минималь-

ную плату они получали двухразовое горячее питание [37].

Несомненной гордостью Александринской гимназии стало специально для нее построенное каменное здание. Решение о строительстве нового здания было принято в начале 1909 года, еще до преобразования прогимназии в гимназию. Вначале собирались строить деревянное здание, но затем все же решили, что оно будет кирпичным. Проект училищного дома составил петербургский архитектор В.М.Андросов. Городская дума выделила под постройку плановые места № 369–371 в 20 квартале на Покровской улице, рядом со старым зданием гимназии (в нем разместилось общежитие).

*Гимназия им. А.С.Пушкина
(бывшая Александринская
женская гимназия)*

Бесплатным выделением плановых мест помощия городской думы в строительстве нового здания гимназии и ограничилось. Фактически все расходы легли на плечи земства. Вначале из-за недостатка средств строительство шло очень медленно (в 1909–1910 годах на подготовку строительных работ было израсходовано всего 12,3 тыс. руб., причем значительную часть этой суммы выделило земство). В 1911 году земство выделило на строительство 20 тыс. руб., полностью оплатив завершение работ (к этому времени, благодаря субсидии земского собрания, уже был заложен фундамент и возведен цокольный этаж). В 1913 году строительство было «завершено вчерне», а в 1914 году гимназия переехала в новое двухэтажное здание, одно из лучших в городе*. Торжественный акт открытия нового здания Усть-Сысольской Александринской женской гимназии состоялся 11 октября 1914 года [38].

С появлением женской прогимназии, а затем и гимназии, произошла удивительная вещь – женское образование в Усть-Сысольске в своем развитии обогнало мужское. Действительно, в начале XX века городские девушки могли получить неполное среднее и среднее образование, а юноши – только начальное, пусть и повышенное. Вероятно, эта несуразность заставила власти озаботиться заведением в городе и мужской прогимназии, а затем и гимназии. Усть-Сысольская мужская прогимназия в составе подготовительного отделения, первого и второго классов была открыта распоряжением министра народного просвещения от 1 июля 1909 года. В декабре того же года прогимназия с разрешения Его Величества она стала именоваться Усть-Сысольской Императора Николая Александровича мужской прогимназией. Прогимназия просуществовала недолго – уже 1 июля 1913 года она стала шестиклассной гимназией. Инспектором нового учебного заведения стал Н.А. Перуанский, исполнявший ту же должность и в прогимназии (до этого он преподавал физику и геометрию в женской гимназии).

И прогимназия, и гимназия в основном содержались на государственные средства. К примеру, в 1912 году из 24 с небольшим тысяч рублей, составивших бюджет прогимназии, около 17 тыс. руб. поступили из государственной казны. Как всегда, оказало помощь земство, выделив 4,3 тыс. руб. (на содержание гимназии выделялось примерно столько же средств, сколько и высшему начальному училищу). Остальные средства составили плата за обучение и небольшие пожертвования. Удивительно, но городская дума проявила полное равнодушие к единственной в уезде средней мужской школе, не выделив на ее содержание ни копейки. Конечно, финансовые возможности города были ограниченными, но ведь в гимназии около половины учащихся были горожанами. Помощь города выразилась лишь в том, что для здания гимназии были бесплатно выделены плановые места.

* Это здание на ул. Орджоникидзе, 15 до сих пор служит делу образования – в настоящее время в нем располагается Гимназия им. А.С.Пушкина.

Курс обучения в Усть-Сысольской мужской гимназии мало чем отличался от обычного гимназического. В качестве основных предметов преподавались русская словесность, арифметика, алгебра, естествознание, физика, история, география, логика, латынь, французский и немецкий языки, Закон Божий. В число необязательных предметов входили рисование, пение, танцы и гимнастика. В гимназии даже были свой хор и любительский духовой оркестр.

По численности учащихся мужские прогимназия и гимназия существенно уступали женским. В 1910 году в прогимназию поступили всего 55 детей, а в 1915 году в гимназии было 175 учеников. Показательно, что среди них было не так уж и много детей мещан и крестьян, составляющих подавляющее большинство населения уезда (мещан было 28, крестьян – 61, что вместе составляло примерно половину гимназистов). Вторая половина – это дети дворян и чиновников – 57 (32,5%), духовенства – 20 (11,4%), почетных граждан и купцов – 9 (5,1%) человек [39].

Вероятно, сказывалась серьезная конкуренция со стороны городского высшего начального училища (женская гимназия такого конкурента не имела). Газета «Вологодский листок» в 1913 году писала, что только что открытая Усть-Сысольская мужская гимназия по причине высокой платы за обучение «немноголюдная» и «многие по бедности переходят в городское высшее начальное училище, которое и без того неполно» [40]. Большинство «простых городских обывателей» вполне здраво рассуждало, что повышенного начального образования для их детей вполне достаточно. Так не лучше ли сэкономить, ведь и без того семейный бюджет был скудным?

Наверное, сказалось и то, что мужская гимназия за относительно недолгое существование (она была закрыта в 1918 году) не успела обрести авторитет солидного учебного заведения. Не сразу удалось решить проблему преподавательских кадров – к гимназическим преподавателям предъявлялись повышенные требования, прежде всего к образовательному уровню. В маленьком городе трудно было найти преподавателей с университетскими дипломами сразу на две гимназии. На начало 1913 учебного года в мужской гимназии не было штатных учителей математики, русского языка, географии и естествознания. Как отмечал окружной инспектор М.И.Успенский, такое «хроническое явление», как отсутствие достаточного числа квалифицированных преподавателей, «весьма неблагоприятным образом сказывается на жизни учебных заведений Устьсысольска и особенно мужской гимназии». Проблему преподавательских кадров, конечно, решили, но все штатные вакансии так и не были заполнены – часть учителей работали по совместительству [41].

Начавшаяся вскоре первая мировая война ухудшила материальное положение всех учебных заведений, но мужской гимназии, поскольку она еще находилась в стадии формирования, пришлось особенно несладко. Разумеется, в гимназии были и библиотека, и набор наглядных посо-

*Ремесленная школа.
Современный вид*

бий. Но библиотечный фонд был скудным, а существенно пополнить его так и не удалось. Наглядных пособий для полноценного оборудования кабинетов не хватало. Как и у любого нового учебного заведения в маленьком городе, особенно серьезные проблемы возникли при поиске подходящего помещения. Прогимназия помещалась в наемных частных домах, малопригодных для учебного заведения. Когда она была преобразована в гимназию, возник вопрос о строительстве специального здания. Рассматривались разные варианты, в том числе выделения под постройку участка в местечке «Париж», далеко от центра города. В конце концов остановились на решении купить «имение» (четыре плановых места) вдовы статского советника А.Ф.Шаламовой, находившееся на углу Спасской и Покровской улиц. В 1917 году участок был куплен земством, но из-за трудностей военного времени строительство так и началось. Гимназия находилась в двух частных деревянных двухэтажных домах, очень тесных, помещавшихся на углу Спасской и Предтеченской улиц (совр. Советской и Куратова) [42].

Кроме общеобразовательных, в Усть-Сысольске были и учебные заведения, которые можно назвать специальными. Прежде всего надо упомянуть профессиональные школы, несомненная заслуга в открытии которых принадлежит земству. В 1890 году была открыта слесарно-кузнечная мастерская, имевшая целью «обучение слесарно-кузнечному мастерству мальчиков из населения города и уезда». Вообще-то земство намеревалось открыть настоящую ремесленную школу с двумя отделениями (слесарным и столярным), но, как часто бывает, благие намерения вошли в противоречие с финансовыми возможностями, поэтому для начала решили остановиться на более дешевом варианте.

Идея была хорошая – готовить для уезда мастеровых очень нужных специальностей. После трехлетнего срока обучения ученики должны были уметь «самостоятельно исполнять всякие

слесарные и кузнечные работы, в том числе изготовлять и все сельскохозяйственные орудия наилучших типов». Однако первый набор состоял всего лишь из 10 учеников (из них – трое горожан и семеро – из уезда). Причем до окончания обучения предыдущего новый набор не производился. Обучались в мастерской отнюдь не дети. Пятерым из первого набора было по 18–20, трем – по 17 и только двоим – по 16 лет.

Для обучения будущих мастеровых земство нанимало специалистов-практиков: городского кузнеца, бывшего парходного машиниста и им подобных. В первые годы «господа педагоги» часто менялись, что не могло, как самокритично признавали сами земцы, «не отразиться на ходе обучения и успехе мальчиков». Главным принципом обучения был «делай как я». Рабочий день юных мастеровых длился восемь часов: с 8 утра до 5 вечера с часовым перерывом на обед. В субботу работали на час меньше, а в воскресенье был выходной. И так почти десять месяцев в году. Молодые люди не просто учились – они именно работали, выполняя заказы земства и частных лиц: делали замки, косы, ножи, ухваты. Заработанные деньги шли земству, покрывая часть расходов на содержание мастерской. Земская управа выдавала сельским ученикам по 5 руб. 50 коп. ежемесячно на питание и оплату «квартиры» (жили они на первом этаже земской управы) [43].

Вот в таких нелегких условиях овладевали профессией ученики слесарно-кузнечной мастерской. По существу, они были наемными рабочими, а мастерская – не школой, а предприятием. Общеобразовательные дисциплины в ней не преподавались. В 1902 году земство открыло еще одно подобное заведение, только иного профиля – практическую сельскохозяйственную ферму в местечке Дырнос, где крестьянские мальчики обучались некоторым агротехническим приемам.

Однако земство не отказалось и от идеи открытия полноценной ремесленной школы. Для начала в 1904 году при слесарно-кузнечной мас-

терской открыли столярное отделение. Затем взялись за постройку специального здания, поскольку мастерская помещалась в старом арестном доме. Вся постройка должна была обойтись более чем в 6 тыс. рублей. В 1905 году управа выделила 3 тыс. руб. и заключила договор с местным подрядчиком строительных работ Николаем Григорьевичем Кононовым, который к следующему году и построил кирпичное здание школы в 12 квартале (плановое место № 202) на Спасской улице*. В этом же квартале (плановое место № 197) была построена и кирпичная кузница. Это уже была солидная материальная база для открытия ремесленной школы.

В 1907 году земское собрание начало ходатайствовать об открытии низшей ремесленной школы. Она и была открыта, но только 12 ноября 1910 года, в связи с чем в июле 1911 года прекратила свою деятельность земская мастерская. Вначале ремесленная школа финансировалась только земством, но с 1912 года она перешла на государственное содержание (впрочем, земство продолжало выделять средства, составлявшие до 40% бюджета школы). Обучение велось по двум отделениям: слесарно-кузнечному и столярно-токаряному. Однако, наряду с ремеслом, в школе преподавались «общеобразовательные предметы и графические искусства». Ученики школы также выполняли заказы земства, и на немалую сумму (в 1911 году, например, на 822 руб. 94 коп.), однако такая работа рассматривалась как «отступление от программы», главным же было «систематическое преподавание ремесла. Число учеников было небольшим – от 25 до 30 человек. По наследству от мастерских к школе перешли учебное здание (одна половина была занята классами, вторая – мастерскими) и кузница [44].

С самого начала заведовал школой замечательный организатор и педагог Александр Дмитриевич Синцов. Семнадцатилетний Синцов вместе с семьей приехал в Усть-Сысольск в 1898 году после окончания Архангельского высшего технического училища. Уже в 1899 году он стал членом земской управы и с этого же времени начал работать в земской мастерской, посвятив профессиональному образованию 40 лет жизни**. Через много лет его дочь так вспоминала об отце: «Мой отец свою работу в Ремесленной школе любил больше своего семейного очага. Дома мы его видели только во время обеда и поздно вечером. Он был фанатиком своего дела, человеком неуемным. Он успевал читать лекции, проводить с

учениками практические занятия по труду, давать консультации».

Именно благодаря усилиям Синцова в Усть-Сысольске появилась первая электростанция, проработавшая более 20 лет. По его настоянию земство приобрело нефтяной двигатель «Болиндер» на 12 лошадиных сил и динамо-машину постоянного тока мощностью 3,5 киловатт. Двигатель был смонтирован учениками под руководством своего директора в здании школы летом 1915 года. В 1916 году к нему была подключена динамо-машина. Сначала с ее помощью приводились в движение токарные и сверлильные станки и освещалось здание школы. Затем протянули провода и стали освещать стоящие неподалеку здание земской управы и дома купцов Дербенева и Кузьбожева [45].

С определенной долей условности к числу специальных учебных заведений можно отнести и Усть-Сысольское духовное училище – одну из старейших школ города. Специфика этого учебного заведения заключалась в том, что оно относилось к духовному ведомству и давало начальное духовное образование. Такие училища в России стали открывать после реформы 1808 года, когда сложилась трехчленная система духовного образования: начальное – училище, среднее – семинария, высшее – академия. Духовные училища были четырехклассными, кроме того, был еще и приготовительный класс (в Усть-Сысольском духовном училище он существовал до 1905 года).

Программа духовного училища примерно соответствовала начальному курсу классической гимназии – она включала такие общеобразовательные предметы, как арифметика, чистописание, русский язык, география, пение (в начале XX века к ним добавились музыка, гимнастика и природоведение). Но основной упор в преподавании делался на такие предметы, как православный катехизис, священная история, изъяснение богослужения и церковный устав, церковнославянский язык. Большое внимание уделялось изучению классических языков – латыни и древнегреческого (а вот современные иностранные языки не преподавались). Разумеется, для учащихся обязательным было присутствие на службах в церкви, соблюдение постов. Вообще распорядок дня учащихся духовного училища был жестко регламентирован, а контроль за их поведением был более строгим, чем в других городских школах.

Духовные училища открывались прежде всего для обучения сыновей приходского духовенства. Но при условии наличия свободных мест (а таковые всегда находились) в них принимались и дети из других сословий (разумеется, обязательным условием было православное вероисповедание). За обучение надо было платить до 20 рублей в год – сумма не такая уж большая, но для бедного сельского духовенства, к тому же многодетного, это были немалые деньги. Однако сироты и дети малоимущего духовенства при хорошей успеваемости могли быть освобождены от

* Здание ремесленной школы сохранилось (ул. Советская, 28). Сейчас в нем находится Дом работников культуры и искусства.

** А.Д.Синцов до 1937 г. был директором профессионально-технической школы с четырехлетним сроком обучения, в которую в 1921 г. была преобразована земская ремесленная школа. В 1937 г. А.Д.Синцов был арестован и 7 июля 1938 г. осужден Особым совещанием при НКВД СССР за «антисоветскую деятельность» на 8 лет лишения свободы. Освободился в конце 1943 года, но его здоровье было подорвано и 1 февраля 1944 г. А.Д.Синцов скончался в Сыктывкаре (см.: Покаяние: Мартиролог. Т.2. С.846).

Духовное училище. Начало XX века

Национальная галерея РК (бывшее здание духовного училища)

платы или получить значительную скидку, а также рассчитывать на денежное пособие. И все же немало «поповских детей» выходило из училища, не окончив полного курса, с тем, чтобы поступить на церковную или гражданскую службу. Окончившие училище могли поступать в духовную или учительскую семинарии.

В Вологодской епархии было пять духовных училищ. Духовенство Коми края «обслуживало» Яренское духовное училище, открытое в 1822 году. Но в конце 60-х годов XIX века встал вопрос о переводе его из маленького города в другой, покрупнее, способный создать лучшие условия для училища. Необходимость такого перевода окончательно стала ясна после того, как 15 июня 1871 года училищное здание в Яренске сгорело. Указом от 24 августа 1872 года Святейший Синод дал разрешение на перевод училища в Усть-Сысольск, и с 1873 года оно начало работать на новом месте.

Нельзя сказать, что Усть-Сысольск встретил духовное училище с распростертыми объятиями. Оно было временно размещено в наемном доме протоиерея Троицкого собора Вонифатия Кокшарова, вскоре приобретенном училищем в собственность. Этот дом находился на улице Троицкой, рядом с подворьем Ульяновского Троице-Стефановского монастыря (плановое место № 355). Двухэтажный дом имел восемь комнат и для любой усть-сысольской семьи был бы вполне просторным, но для училища он был тесноват да и не очень удобен. Достаточно сказать, что некоторые комнаты, а теперь классы, были проходными.

Изначально предполагалось, что для училища будет построено специальное здание (это было одним из условий перевода его в Усть-Сысольск). Однако реализация благой идеи уперлась в извечную проблему – отсутствие средств. Их собирали по приходам и церквям более десяти лет. В 1884 году комиссия по постройке здания купила у города участок на улице Набережной. В 1885–1886 годах вологодский архитектор Федоров составил проект здания (точнее, их было два – первый, как слишком дорогой, не был утвержден). Строительство нового кирпичного здания духовного училища началось только весной 1888 года уже известным нам подрядчиком Н.Г.Кононовым и было закончено довольно быстро – осенью 1890 года (напомним, что работы велись только в летнее время). Торжественное открытие здания Усть-Сысольского духовного училища состоялось 28 октября 1890 года*.

Трехэтажное (считая и полуподвальный этаж) здание духовного училища было самым большим и, пожалуй, самым красивым гражданским зданием Усть-Сысольска. В 14 комнатах верхнего этажа помещались классы и кабинеты, в

* Здание Усть-Сысольского духовного училища сохранилось (ул.Кирова, 44). Сейчас в нем расположена Национальная галерея Республики Коми. Старое здание училища, а позднее и два соседних участка были куплены его преподавателем П.Н.Виноградовым. Здание не сохранилось.

нижнем этаже (15 комнат) – больница, библиотека, гимнастический зал, комнаты для вечерних самостоятельных занятий, квартира помощника смотрителя училища, в полуподвальном – столовая, кухня, умывальная комната, кладовые и комната сторожа. Однако вскоре епископом Великоустюжским Антонием было указано на необходимость «пристройки дополнительных помещений», что и было исполнено. В 1905–1906 годах была сделана пристройка к левому крылу здания и проведена его внутренняя перепланировка под квартиры смотрителя и помощника смотрителя училища. Соответственно изменилось и размещение классов и других помеще-

ний [46]. Духовное училище не только располагало лучшим среди учебных заведений города зданием, но и имело сильный преподавательский состав, причем среди учителей почти не было совместителей. Смотрителями (директорами) училища в разные годы были Евграф Федорович Макаров, иерей Николай Доброумов (исполнял обязанности смотрителя в 1875–1876 годах, в 1878 году перевелся приходским священником в Усть-Кулом), Фирс Константинович Вересов, Николай Александрович Яхлаков. Большинство преподавателей были выпускниками Вологодской духовной семинарии. В их числе Е.Ф.Макаров, о. Николай Доброумов, А.А.Богословский, В.Н.Городецкий**. Но, наряду с ними, в конце XIX – начале XX веков в училище работали и преподаватели, имевшие высшее духовное образование. К примеру, Московскую духовную академию закончили Ф.К.Вересов, Н.А.Яхлаков, В.В.Никольский, В.К.Смирнов, П.Н.Виноградов, И.А.Шумков, В.П.Шляпин, Казанскую – К.А.Богословский, К.И.Беневоленский, С.И.Коблов, П.Н.Городецкий, Санкт-Петербургскую – М.П.Успасский и А.А.Харьюзов, Киевскую – М.В.Бельский.

Особого упоминания заслуживает Вениамин Петрович Шляпин. В Усть-Сысольск он приехал в 1890 году из Великого Устюга, где служил в канцелярии викарного архиерея, затем преподавал в женском епархиальном училище. В Усть-Сысольском духовном училище Шляпин преподавал арифметику и географию. В 1899 году он вернулся в Великий Устюг и вновь стал учителем в епархиальном училище. Вероятно, как раз во время работы в Усть-Сысольске он и написал историю духовного училища, опубликованную в 1900–1901 году в «Вологодских епархиальных ведомостях», а затем вышедшую в Вологде отдельным изданием. История вообще была его увлечением. Он и до приезда в Усть-Сысольск снискал известность своими статьями по истории вологодских и устюжских храмов и статистики учебных заведе-

** Александр Александрович Богословский преподавал латынь в 1869–1885 гг., в 1885 году стал священником Троицкого собора; Василий Никанорович Городецкий преподавал греческий язык с 1872 по 1890 г., затем поступил в мировые судьи, в 1899 г. стал земским начальником Усть-Сысольского уезда. В 1918 г. расстрелян по приговору революционного трибунала.

ний. А после возвращения в Устюг стал одним из самых известных краеведов. Особую ценность имеют изданные им документы устюжских монастырей [47].

Усть-Сысольское духовное училище в силу своей специфики никогда не отличалось большим количеством учеников. Например, в 1875 году в училище было 62, в 1885 – 96, а в 1899 – 105 учеников. В начальных классах обычно обучалось до 20, а оканчивало училище не более 10–15 человек ежегодно. За все время существования в Усть-Сысольске его окончило около 500 человек. Усть-Сысольское духовное училище было закрыто в 1917 году.

Последним по времени открытия учебным заведением была Усть-Сысольская мужская учительская семинария*. Это было первое среднее специальное (педагогическое) учебное заведение в Коми крае. Учительские семинарии с четырехлетним сроком обучения готовили учителей начальных классов. Принимали в них молодых людей в возрасте 15 лет и старше, имевших начальное образование. Коми край очень нуждался в таком учебном заведении. Ведь ближайшая учительская семинария находилась довольно далеко – в Тотьме, и мало кто из ее выпускников (а среди них были и коми) приезжал работать в школы Коми края. Большинство учителей низших школ Усть-Сысольского уезда сами имели лишь начальное или неполное среднее образование.

Вполне осознавая потребность в учебном заведении для подготовки учителей, Усть-Сысольское уездное земское собрание в 1909 году ходатайствовало об его открытии в Усть-Сысольске (причем оно предлагало открыть «смешанную» (мужскую и женскую) учительскую семинарию), но получило отказ. Вологодское губернское земство вообще предлагало открыть три учительские семинарии (в том числе и в Усть-Сысольске), но из Петербурга ответили, что «на их открытие в близком будущем рассчитывать нельзя, так как в 18 губерниях Империи еще совсем нет семинарий».

Тем не менее Усть-Сысольское уездное земское собрание, поддержанное городской думой, с похвальным упорством ежегодно продолжало направлять ходатайства об открытии семинарии. И добилась своего, правда, только через семь лет. 8 июня 1916 года Управляющий Петроградским учебным округом сообщил инспектору народных училищ Усть-Сысольского уезда М.П.Успаскому: «Ввиду последовавшего 8 апреля сего года Высочайшего утверждения государственной росписи доходов и расходов на 1916 г. Министерством Народного Просвещения разрешено открыть во вверенной Вам дирекции мужскую учительскую семинарию с начальным при ней училищем в гор. Устьсысольске», с тем, чтобы она начала работу «с начала будущего учебного года». На содержание семинарии было перечислено из государ-

ственной казны 17,4 тыс. руб., и еще 5 тыс. должны были быть выделены на оборудование нового учебного заведения мебелью и учебными пособиями.

Уже в июне в городе и уезде были вывешены объявления о том, что 1 июля «в г. Устьсысольске открывается учительская семинария». К экзаменам приглашались «молодые люди всех сословий православного исповедания, не моложе 15 лет, физически вполне здоровые». Интересно, что принятые в семинарию «должны были иметь достаточное количество белья, обуви и приличную верхнюю одежду». Было подано 52 заявления, на испытания явились 46 человек, из них 26 стали воспитанниками семинарии, в том числе 20 получили «казенную годовую стипендию в 180 рублей**». 15 сентября 1916 года в Усть-Сысольской учительской семинарии начались занятия [48].

Директором семинарии стал Михаил Павлович Успасский, столь много сделавший для ее открытия, будучи инспектором народных училищ Усть-Сысольского уезда (этот пост он занимал с 1906 года, а до этого 4 года преподавал в духовном училище). Он прилагал все усилия для того, чтобы вверенное его попечению учебное заведение, несмотря на сложности военного времени, как можно быстрее прошло период становления. У семинарии не было своего здания – она располагалась в наемном доме жены дьякона М.А.Трубачевой (в самом конце Спасской улицы, почти на углу с Юго-Загородной). Плохо обстояло дело с учебными пособиями и библиотекой. Не было общежития, и большинство учащихся снимали квартиры. Многие учащиеся, как выяснил М.П.Успасский, голодали (хлопотами директора удалось организовать бесплатные обеды для особо нуждающихся).

Неважно обстояло дело и с преподавательскими кадрами. Поначалу, кроме самого директора М.П.Успасского, в штате состоял только Я.С.Курбатов (он занимал должность наставника, а до этого был инспектором высшего начального училища). Кроме них в семинарии было всего два учителя-совместителя – уже известные нам П.П.Ползунов и С.М.Каленик, а также преподаватель гимнастики П.А.Осипов (вообще-то он служил стражником полицейской стражи, а заодно преподавал гимнастику еще и в высшем начальном училище). Законоучителем состоял соборный священник Василий Катаев (преподавал и в женской гимназии), учителем пения – псаломщик Иван Покровский (был учителем пения в высшем начальном училище и музыки – в духовном училище). Позднее к ним присоединились М.В.Галахов, А.Н.Поросятников, В.А.Молодцов (создатель коми алфавита) и некоторые другие (почти все они также преподавали в нескольких школах).

** Получающие стипендию должны были после окончания семинарии 4 года отработать учителем. Если стипендиаты не оканчивали семинарию или не поступали на преподавательскую работу, то они обязаны были вернуть всю выплаченную им сумму.

* В России были как мужские, так и женские учительские семинарии. Всего в Российской империи к 1917 г. было 170 учительских семинарий.

Семинария еще успела провести набор учеников в 1917 году – было принято 28 человек. В 1918 году при семинарии было открыто начальное училище. На начало 1919 года в семинарии обучались 103 человека, в том числе и девушки, т.к. в семинарию перевели педагогический класс женской гимназии. Но ни одного полного выпуска так и не было сделано. Осенью 1919 года учительская семинария была преобразована в двухгодичные педагогические курсы [49].

Даже по такому краткому обзору системы образования видно, что к концу XIX – началу XX веков она получила значительное развитие, причем как количественное, так и качественное. В 1910 году в 10 школах Усть-Сысольска (без ремесленного училища) обучалось 972 челове-

ка (500 мальчиков и 472 девочки) из города и села, т.е. более чем в 5 раз больше, чем в середине XIX века. Однако, несмотря на рост числа учебных заведений и учащихся, усть-сысольские школы не могли полностью удовлетворить все потребности не то что села, но и города. Школу посещали не более 40% городских детей. В том же 1910 году по такому показателю, как число жителей, приходившихся на одно учебное заведение, Усть-Сысольск занимал всего лишь 7 место среди городов Вологодской губернии [50]. Напомним, что по уровню грамотности среди городов Вологодской и Архангельской губерний Усть-Сысольск прочно занимал последнее место.